

АЛТАЙСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАНИЕ Алтайское отделение Советского Фонда Культуры
древая археологическая экспедиция .

ВЫПУСК XIV.

БАРНАУЛ

1991.

К открытию карт-счетов № 5
5771 от 4

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА ИСР. ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Копия пред. выдан.

Жеташова 903/10.00

К633
А521

508752

Алт. сборник.

Вып. 14

Барнаул, 1991 1-50

28.09.94 6114 Мемор.
200 272 Жеташова

3.600000 3. 4199-90

508752

АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК XIV

ЭК

Барнаул — 1991

63 3 (2P53.7)

A521

АНТИСМИРНЫЙ СБОРНИК

Редколлегия

Сергеев А. Д., Добрякова А. В., Слубневский В. А.
(отв. редактор).

2008

508753

Библиотечно-издательский отдел
Трудовой молодежи Закарпатья
10-й этаж - 6-й этаж
Подкарпатский институт
БИБЛИОТЕКА

ПРАЗДНИК АЛТАЙСКИХ КРАЕВЕДОВ

Сто лет назад алтайское общественное краеведение объединилось. Было создано «Общество любителей исследования Алтая» 27 октября (9 ноября) 1891 г. состоялось собрание учредителей. Это не было случайностью, прихотью отдельных интеллигентов, горных специалистов, желанием определенных общественных сил продвигнуться на авансцену культурной жизни. Хотя, пожалуй, несомненно: именно последнее восторженно лежало в основе побудительных мотивов активной части образованных людей.

Исторические предпосылки, возможность и неизбежность объединения краеведческих сил были налицо.

Конец 1880-х годов является важным временем в истории социально-экономического развития Алтайского горного округа. На самом деле, под влиянием относительно свободного капиталистического предпринимательства стало заметно отставание и упадок горнозаводского кабинетского феодализованного хозяйства. Происходит перераспределение экономической деятельности в ведомстве Кабинета: допускается частный капитал на территории округа (пока только параллельно, ограниченно), и сам Кабинет переходит на извлечение основных доходов от земельной монополии. Перестраивается структура административных взаимосвязей в системе окружного управления и губернских органов. Возникают общественные объединения: гражданские пожарные, взаимные кредиты, давко действовала корпорация горных офицеров (Алтайское общество или Алтайский горный клуб), общины сестер милосердия, различные благотворительные и приходские. Это были либо сословно-профессиональные, либо благотворительные, либо кредитно-бытовые объединения, преследующие, как правило, узко групповые и меркантильные цели. Наиболее работоспособным и популярным среди них стало благотворительное городское Общество попечения о начальной образовании, созданное в 1884 г. по примеру Томского. Но работа по созданию Общества любителей исследования Алтая помогает понять своеобразные условия Ал-

тайского горного округа, которые редко возникают в текущей истории.

На далекой окраине Российской империи, в тисках ведомственной Кабинетской регламентации хозяйственной, административной и духовной жизни, без указаний сверху, без вмешательства научных сил извне (рядом — Западно-Сибирский отдел Географического общества) создается самостоятельное, полностью автономное, независимое краеведно-научное объединение. Совершено не личье задачи поставило перед своими членами Общество: в параграфе первом Устава было записано, что «Общество любителей исследования Алтая ставит целью: а) собирать материалы для всестороннего изучения Алтая и сопредельных мест и б) по мере возможности обрабатывать их и распространять». В нескольких положениях здесь утверждено всеобщий подход к исследованию Алтайского округа. Не изучения лишь только его природных особенностей, не изучения лишь только прошлой истории или современных социально-экономических проблем, а именно указано на всестороннее его изучение, или, как мы говорим — краеведческое познание. Философская позиция такого подхода здесь видна: как советские русские исследователи, так лотом и советские краеведы, общественники, ученые выработали, сохранили и унаследовали благородные черты служения «чистой» науке, отдали всех сил изучению своей Родины, просвещения масс и переносу знаний в сфере непосредственной практики, служения народу.

Само Общество любителей исследования Алтая пережило ряд преобразований. В 1902 г. оно перешло в качестве подотдела и состав Русского Географического общества, обговорив (и сохранив) перед центральным правлением свой прежний Устав; в советское время Алтайский отдел стал составной частью Географического общества СССР, и в настоящее время существует как филиал. Историческая преемственность наблюдается за все годы столетнего развития. В последние десятилетия, однако, общественная жизнь, и особенно ее содержание, изменилось. Появилось несколько других сильных обществ краеведного характера — экологический союз, социологические-экономические ассоциации, объединения историков, археологическая ассоциация, «Меморьял», различные движения (Шушунские чтения, Ползуновские чтения, Лисовенковские чтения), не говоря о «старых»: общество охраны памятников истории и культуры, общество охраны природы, объединение туристов. Дело в том, что в течение десятилетия (примерно, до 1932 г.) существовало Краеведческое общество (ШБК) и Общество изучения Сибири и ее производительных сил. Составной частью этих обществ было Географическое, и оно «уцелело». Но теперь Географическому обществу стало фактически неподсильно объединительное движение в краеведении, хотя до 50-х годов оно было ярким, если не единственным, научным краеведческим объ-

единением. А Алтайский филиал Географического общества, как формальный наследник, перестал быть основной научной организацией в местном общественном краеведческом движении.

Общекраеведческое движение, единое в прошлом, и именно единое в организационном построении, оказалось раздробленным, разобщенным, узко профессиональным. В этом нет ничего предосудительного, поскольку каждый по своим интересам смог найти применение своим силам, способностям, работая в том или другом Обществе. Краеведение развивается на местах, и более или менее структурно очерченных территориях. Краеведение есть единое понятие, одинаковое, единообразное явление для любого региона, но оно допускает бесчисленные формы применения, совершенствования, разнообразия своего существования и действий в зависимости от условий региона, исторической, национальной жизни, сложившихся традиций общештатств. Но как мы сейчас занимаемся своим краем?

— Любим мы свой Алтайский край? Да, конечно, говорят нам в Обществе охраны памятников истории и культуры.

— Хотим мы процветания своему краю? Несомненно, отвечают в Обществе охраны природы.

— Хотим мы дальнейшего прогресса? Да, обязательно, утверждают деятели «Мемориала».

— Можем мы развивать научный потенциал в крае на его благо? Нет проблем. — получаем ответ в Географическом обществе.

Но это развединогие голоса. Каждый с ратужной належдой на созидание. Сна же у каждого в отдельности мало.

Вот почему алтайские краеведы с надеждой восприняли весть о создании Советского Фонда Культуры: Фонд решил взять под свое крыло краеведов, объединить краеведческое движение. Организатор и руководитель Фонда академик Д. С. Лихачев писал: «Перед общественными организациями, занимающимися проблемами подъема культуры, и в первую очередь перед Советским фондом культуры, стоят две задачи, определяющие для направления его деятельности. Одно — местное, в котором скрыто всеобщее, другое — всеобщее, в котором заложено и местное. Следует развивать духовную оседлость людей, их привязанность и уважение к своей местности и к своей стране. Здесь важна деятельность самых разнообразных краеведческих организаций» (См. ЛГ, 30, 05, 1990, № 22, с. 6). И более конкретно: Дело общественности создавать ассоциации краеведов — для воспитания духовной оседлости, привязанности к своим местам.

Наконец в апреле 1989 г. в Челябинске, состоялся Учредительный съезд по созданию Союза краеведов и краеведческих объединений в РСФСР — «Союз Краеведов России» при Всероссийском фонде культуры. В Алтайском крае такое объединение произошло 27 декабря 1989 г. на представительной конференции краеведов

края, была создана Алтайская краевая Красоведческая Ассоциация (См.: «Вестник Алтайской краевой краеведческой Ассоциации» — Барнаул, март 1990). В Ассоциацию вошли, не нарушая своих организационных структур, общественные краеведческие объединения и сосуществовавшие организации, занимающиеся широким спектром своей деятельности проблемами краеведения (архивы, музеи и др.). Ассоциация, даже как формальное объединение дает возможность каждому краеведу в отдельности, и всем вместе реализовать творческие ценности возможности, личный потенциал, без ущерба для групповых интересов. — Поскольку каждое уже существующее Общество остается со своим уставом и со своими членами и неуклонностью; сохраняется социальный и прагматично-гуманистический смысл краеведческого движения, его цельность и историческая преемственность. Неудовлетворенность, нереализованность в старых формах всех возможностей, неудовлетворенность прошлой и настоящей ситуацией в краеведении содержит в себе побудительные причины творческой деятельности, причем воле не связанные с материальными факторами. Но это как раз и дает теперь возможность разрешить противоречия и на очередном этапе эволюционного развития, прорвать его, дать толчок новому самостоятельному развитию, сделать очередной шаг в развитии. Создание алтайской Краеведческой Ассоциации — есть необходимый и закономерный путь развития алтайского краеведения, его шаг прогрессивный, способный удовлетворить индивидуальный интерес творческой личности и вместе с тем ее единение с обществом, его целями и смыслом его существования. Можно сказать, что создание Краеведческой Ассоциации диалектически объединяет цели и смысл жизни краеведа и общества.

Наша Краеведческая Ассоциация органически входит в общероссийское краеведческое движение, и мы полностью разделяем слабленность о состоянии краеведения, высказанную активистами Советского фонда культуры на Всесоюзном семинаре-совещании. «Отечественное краеведение прошло сложный и, одновременно, драматический путь. Многие еще страницы его истории забыты и многие традиции утрачены. Утоление жажды современников познать Правду истории и проникнуть в мир Природы, собирание и сохранение крупный бесценного народного опыта для будущего, — высокая и благородная задача краеведения, главный стимул деятельности каждого краеведа. Именно краеведение способствует восстановлению нарушенных связей между обществом и Природой, прошлым и настоящим» (См.: Обращение к краеведам Советского Союза. — Москва, 14 декабря 1988. — СФК).

Одну из нарушенных традиций — создание издательского органа краеведов — мы теперь восстанавливаем. На Учредительном съезде Союза Краеведов России с болью говорилось о неудовлетворительном положении с изданием краеведческой литерату-

ры. Урезаны поставки бумаги, издательства перешли на полный хозрасчет, они заинтересованы в выпуске книг повышенного спроса для получения прибыли. И если раньше краеведческая тематика стояла в плане издательства в последней колонке, то теперь она может просто не найти места. В Алтайском краевом книжном издательстве законсервированы многие подготовленные к выпуску краеведческие книги и сборники. Издание краеведческой литературы требует особого внимания.

Алтайское краеведческое общество, т. е. Общество любителей исследования Алтая с возникновением поставило задачу иметь свой печатный орган, и «Алтайские сборники» возникли не как сборники статей, а как орган краеведческой организации. Кстати, в последней номере — XII-ом (1930 г.), на с. 101—102 опубликован «Список изданий Краеведческого Общества в Барнауле». Сохранились протоколы общих собраний, где обсуждались проблемы формирования статей, сбора средств на издание, поиски издателей. В ноябре 1894 г. первый выпуск вышел в свет. В 1930 г. вышел т. XII и был подготовлен (и объявлен) т. XIII, но он не появился в свет. В конце 1970-х — начале 1980-х годов Алтайский филиал Географического общества предпринимал безуспешные попытки создать сборники, возродить издание. Но только после организации краевой Краеведческой Ассоциации в декабре 1989 г. появилась такая возможность. Возрожденное издание перед вами — оно принадлежит всем краеведам.

Настоящий, XIV том статей алтайских краеведов выходит вновь после 80-летнего вынужденного обстоятельствами перерыва, независимого от краеведческой общественности. Ряд статей XIII тома разысканы, мы думаем восстановить его под своим номером и в том порядке, как он был подготовлен; поэтому преемственно продолжаем нумерацию.

В данном, XIV томе, преобладают статьи исторического содержания. История — наиболее «подвижная» часть краеведения. Это так. Краеведение природоведческое, экологическое, географическое более специфично, более специализированное, тогда как историей «малой родины» интересуются все (Правда, не в обиду будь сказано, некоторым кажется, что они знают ее, прочитав две-три статьи в газете. А в них в последние годы много закручены исторические сюжеты). Какой-то крен, какое-то тематическое направление в том или ином выпуске вполне возможно и вполне оправдано. И это тем более, что мы готовы предоставить очередной том под статьи членов Географического общества, или Общества охраны природы, или Общества охраны памятников истории и культуры. Издания Краеведческой Ассоциации — «собственность» алтайских краеведов.

Издателем продукции выступает правление Алтайского отделения Советского фонда культуры. Координационный совет Ассоциация

ции сформировал три типа изданий: 1. Вестник Алтайской краевой Краеведческой Ассоциации. Это информационно-инструктивное издание, объемом в 3—4 уч.-изд. листа, по возможности ежеквартальник; 2. Отдельные тематические брошюры, как по проблемам алтайского краеведения, так (особенно!) и персоналии алтайских краеведов, — объемом в 2 уч.-изд. листа (т. е. до 50 листов машинописи); 3. — «Алтайские сборники». Все три вида изданий уже осуществляются. Все виды изданий — не массовые, издание их архисложное дело, они осуществляются исключительно на энтузиазме составителей и авторов, при доброй воле алтайского отделения СФК. Без поддержки краеведов, юридических членов Краеведческой Ассоциации, меценатов, патриотов края такие издания станут невозможны. Наши знания об Алтайском крае углубляются.

...Степень организованного общественного краеведения бывшее событие для любителей Алтайского края, его патриотов, его доброжелателей. Это — человеческое событие, явление нравственное, ибо краеведение — составная часть интенционала местной культурной жизни, оно становится самостоятельным общественным движением. Перестройка общественной жизни способствует консолидации не только специалистов, но и всех людей, патриотов, заинтересованных в дальнейшем социально-экономическом прогрессе Алтайского края. В текущие годы Алтайский край формируется в саморазвивающуюся территориальную единицу, и краеведение должно способствовать превращению его в сильный регион в составе сильной Советской Федерации. Поэтому объединение усилий отдельных краеведов, краеведческих общественных формирований и соответствующих государственных учреждений является объективной необходимостью.

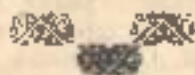
Мы призываем: Люби, знай Алтайский край и умножай его богатство!

А. Д. СЕРГЕЕВ — председатель Координационного совета Алтайской краевой Краеведческой Ассоциации, член центрального совета Союза Краеведов России.

28 ноября 1990

ИЗ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНККТОВ АЛТАЯ

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА АЛТАЕ

Первоначальное знакомство русских с территорией нынешнего Алтайского края произошло около 350 лет тому назад. Первыми русскими людьми, проликавшими в Верхнее Приобье, были казаки и другие служилые люди, ходившие на Алтай в поисках «травы землицы» и за явком (данью в пользу российского царя). Вслед за ними, а иногда и обитая служилых людей, попадали на Алтай различные, как тогда говорили «промышленные люди»: пихтянки, рыболовы, бугровщики-кладонскатели. Бывали на короткое время они оседали в том или ином месте во временных шалашах и промысловых избушках, но по окончании промысла возвращались в места своего постоянного обитания. На зарубежной тогда территории, на «внешней землице» не оседали. Мы не знаем ни одного достаточно достоверного свидетельства о возникновении каких-либо населенных пунктов на территории края в XVII в. Зато в XVIII столетии, с самого его начала, стали возникать на Алтае первые русские деревни. Оседали здесь и те, кто во время промыслов уже успел ознакомиться с регионом, и те, кто приходил сюда впервые. Сдвигались к югу старожилы Томского уезда, новопоселенцы из Чаусского и Бердского ведомств (с территории нынешней Новосибирской области), переселенцы с Ишимья, Тобола и других мест Западной Сибири, а иногда и прямо из-за Урала.

Подавляющее большинство первопоселенцев, приходивших на территорию Верхнего Приобья были выходцами с Севера Европейской части России. Жители русского Поморья не случайно преобладали среди первопоселенцев Сибири. В Поморье сосредоточивался основной контингент русского черносошного (государственного) крестьянства, не прикрепленного к конкретному помещику, ему легче было уйти за Урал. Да и природные условия европейского Севера были в значительной степени сходны с сибирскими, что облегчало адаптацию на новых, сибирских местах.

Подавало, разумеется, в Сибирь нечало выходцев и из других мест России, в том числе помещичьи, монастырские крестьяне, посадские, мастеровые, другой беглый люд. Эти люди предпочитали не раскрывать своего происхождения, сказывались гулящими людьми, не помнящими родства. Многие утверждали, что свелечи в Сибирь родителями в малом возрасте и потому не помнят, кто они и откуда. Появлялись в Сибири с новыми прозвищами, которые давались было в списках разыскиваемых беглых. Местные власти ловили их самовольных переселенцев, но чаще всего не высылали их, вертели в казаки, в пашенных и оброчных крестьян, записывали

поселы возникавших в Сибири русских городов. Новый регион необходимо было заселять, осваивать.

Такой вот гулящий и пришлый люд, осевший наряду с активными переселенцами в разных районах Сибири в XVII в. движется с начала XVIII столетия в Верхнее Приобье, привлеченный большими просторами незаселенной, благодатной для крестьянского хозяйства земли. Нечего сказать, началось на Алтае расколдников-старобрядцев. Эти уходили не только от феодального гнета, но и от религиозных преследований.

Самовольный характер народной колонизации, при котором возникавшие деревни часто какое-то время оставались поодиночке неизвестными властям, затрудняет установление точных дат возникновения на Алтае первых деревень. Вполне возможно, что какие-то населенные пункты возникали в самом конце XVII в. несомненно одно: условия для заселения Верхнего Приобья русскими людьми сложились только с начала XVIII в. и, особенно, после сооружения опорных укрепленных пунктов: Чаусского острога в 1713 г., Бердского острога в 1716 г., Белоярской крепости в 1717 г. и Бикатунской (позднее Бийской) крепости в 1718 г., а также иркутских крепостей и форпостов: Омской, Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и других в 1716—1720 годах.

Впервые русские жители на территории нынешнего Алтайского края были учтены в 1719 г. В переписи по ведомству Белоярской крепости были учтены сама Белоярская крепость, деревни: Фидиппа Попова на реке Поладиде, Усть-Чумышская, Чумышская, Забродина на Чумыше, Дранжинского, Пиюшева, Кривилова, Замовина. Переборная. В южной части ведомства Бердского острога, в пределах нынешних районов Алтайского края: Каменского и Шелаболахинского, а также прилегающего к ним юга Новосибирской области были в 1719 г. записаны деревни: Каменская, Чингисская, Челтемова, Аллацкая, Шоротникова, Малышева, Нижне-Сузунская, Верхне-Сузунская, а также 113 дворов в названных «Чумышских деревнях» (1).

В 1721 г. проводились две дополнительные переписи пропущенных в 1719 г. и новопришлых. Этими переписями были впервые учтены на юге Бердского ведомства деревни: Каргаполова, Марецкая и Инская, а в ведомстве Белоярской крепости существовавшие уже в 1719 г., но пропущенные при переписи деревни: Кармацкая, Речкулова, Шинкина, Кашжарганка, а также Черемшанская (Копылова), заредепал у устья речки Черемшанки в 1720 г. пришедший из Тобольского уезда Степаном Копыловым, Казанцевым, основанная также переселенцами из Тобольского уезда Гаврилой Казанцевым, Милеем Казанцевым, Семеном Кунгуровым, и деревня Тальменская, первыми жителями которой были Ерофей Казанцев, Артемий Гилев, Степан Худяков, Иван Казанцев и Сав-

ва Кайгородов. Происходившие из Тобольского и Верхотурского уездов (2).

Не все из этих населенных пунктов, учтенных в 1719—1721 годах, сохранились до наших дней, но большинство мы и ныне найдем на карте.

Прежде всего о Белоярской крепости. Она была построена в июне—июле 1717 г. присланным из Кузнецка отрядом под руководством кузнецкого дворянина Ивана Максикова. Он докладывал в Кузнецк 15 июля 1717 г.: «А осмотрел я со служивыми людьми удобное место к городскому строению над рекою Обью, в белой яр вышекий длиной 900 сажен, поперег 110 сажен и от того яру в верхнюю сторону усмотрел Курью и от верхины Курьи болота и из того болота источник до нижнего конца яру течет в Обь, и на том месте построил я рубленную деревянную крепость мерою длинну и поперег 20 сажен, по углам 4 башни, а под башнями четыре жилых избы, а посреди крепости каменный амбар, где держать пороховая и всякия казна, а в близости того города хлебопашецких мест и сених покосов и лесу удобного и рыбных ловель и всяких удобий привольно» (3). Белоярская крепость стала центром черной на территории Алтая ведомости, к которому тяготели десятки деревень, возникших до и после сооружения крепости. Белоярская крепость на избранном И. Максиковым месте существовала, очевидно, до 60-х годов XVIII в. Она упоминается еще в 1759 г., а во время третьей экспедиции 1763 г. Белоярской слободой называется деревня Юдина, располагавшаяся у слияния рек Большой и Малой Черемшанок. Крепость же была совершенно заброшена, и ее деревянные стены и рвы постепенно исчезли. Белоярская слобода (бывшая Юдина) в XVIII в. была одним из крупных населенных пунктов Алтая. Ее продолжением является ныне поселок Белоярский, подчиненный Новоалтайскому горсовету. В фонде 50 Государственного архива Алтайского края сохранилась датированная карта Алтайского округа Белоярский уезд Бариаульского уезда, выполненная, очевидно, в первой половине XIX в., на которой обозначены село Белоярское, ряд окрестных деревень и «Белоярский мыс» — место, где раньше была Белоярская крепость. Мыс обозначен у реки Обь на северной стороне небольшого ручья, впадающего в Обь с восточной стороны примерно посредине между устьями рек Черемшанок и Чесноковки (4). Если за долгие годы при движениях яра место бывшей Белоярской крепости не уничтожено рекой, то следы крепости следует искать где-то у вышней Велижановки.

Деревня Филиппа Попова на Повалихе вскоре стала называться Повалихинской (Повалихой). Ныне это село Повалиха Первомайского района. В Тальмекском районе ныне располагаются село Усть-Чумыш (бывшая деревня Усть-Чумышская), село Забридино (д. Забродьяна ка Чумыше), село Иношево (д. Иношева на

Чумыше), село Шинкино (д. Шинкина), село Кашкараганха (д. Кашкараганхалекская), село Зайсею (бывшая деревня Казанцева). Не путать с селом Казанцевым и тем же Тальменском районе, которое под названием Ново-Казанцево появляется только в старых 7-й ревизии 1816 г.), поселок городского типа Тальменка (бывшая деревня Тальменская), село Речкушино (д. Речкушова). На территории Залесовского района имеются села Завлывино (д. Завлывина) и Видоново. Последнее связано с одной из названий старейших деревень — Красиловой. Еще в середине XVIII в. от деревни Красиловой отпочковалась деревня Видонова. В третью ревизию 1763 г. основной и дочерний заселенные пункты учитывались вместе под названием Стара Красилова (она ж Видонова) (3). На чертежах деревни обозначались раздельно, но учитывались вместе, реже раздельно. В списке 1782 г. указаны, что Видонова от Старой Красиловой в двух верстах (6). С первой четверти XIX в. в черенсиях стала называться только Видонова. Черенсия Чумышская (позднее она называлась Усомат не значится ныне среди существующих населенных пунктов Алтая. Располагалась она раньше на левом (восточном) берегу Чумыша ниже села Шинкино Тальменского района. На севере той же района существовала несуществующая ныне деревня Дранишника на правом берегу Чумыша между нынешними селами Никушево и Ново-Троицк. Бывшая деревня Переборная до исчезновения располагалась на территории нынешнего Залесовского района на правом берегу Чумыша примерно напротив от села Шатуново. Из старейших деревень на юге Бердского ведомства также многие сохранились. Деревня Аллашкан ныне село Аллаш Камчатского района, деревня Инская ныне село Иня Шелаболихинского района. Остальные из названных старейших деревень этого ведомства следует искать ныне на юге Новосибирской области.

После первых переписей, уточненных в 1724 г. первой ревизией, заселение Верхнего Приобья продолжалось. В промежутке между 1721 и 1727 годами возникли первые населенные пункты на месте нынешнего Барнаула — деревни Усть-Барнаульская и Верх-Барнаульская. Первая из них находилась близ устья реки Барнаулки на правой стороне (там, где ныне улица Оломошней (7). Вторая деревня находилась неподалеку от заводского пруда. В 1743 г. в Усть-Барнаульской жили с семьями: Василий Рожнев, Назар Костырев, Яков Волгин, Гвтифей Волгин, Василий Пятков, Назар Казанцев, Михайло Бочков, а в Верх-Барнаульской Андрей Кукарцев, Федор Кукарцев, Иван Рукалов (8). Одно из последних упоминаний об обеих деревнях в росписи на поставку провианта, составленной в 1750 г. (9). Деревня Усть-Барнаульская упоминается еще в одном документе за 1757 г. (10). После постройки Барнаульского завода эти деревни постепенно пустыли.

к 1768 г. все жившие в них крестьяне расселились по окрестным деревням.

В 1721 г. на речке Лосихе была заведена крестьянчя И. Санаровым и П. Карповым деревня Саняикова (ныне село Саняиконо Первомайского района). В конце 20-х годов XVIII в. на той же речке появилась деревня Фирсова (ныне село Фирсово в том же районе). Названа она была по имени первопоселенца беломестного казака Фирса Бельых. В ранний период своего существования Саняикова называется Малой Лосихой а Фирсова Большой Лосихой (11). В 1739 г. в связи с самосожжением группы раскольников во главе с Семеном Шадриком уничтожается у реки Лосихи деревня Новая Шадринка (12). Позднее в документах она не встречается.

После первой ревизии между 1722 и 1727 годами пришли на реку Чумыш оброчные крестьяне Яков Ларион и Дмитрий Титов. Они осели там на постоянное жительство, завели три деревни: Титову, Дмитро-Титову и Озерно-Титову. Первая из них называлась еще Старой Титовой, а после пожара 1741 г. Погорелькой Титовой (или Погорельской) (13). До наших дней эта деревня не сохранилась. Искать ее, если судить по старым картам, нужно в пределах Кытмановского района на правом берегу Чумыша близ впадения в него речки Сунгай. Возможно, однако, совмещение этого населенного пункта (деревни Погорельской) с существующим ныне примерно так же селом Заречным. Вторая деревня — Дмитрия Титова ныне село Дмитро-Титово Кытмановского района. Третья деревня Озерно-Титова (в одном из ранних документов она называется деревней Якова Титова) существует ныне. Это село Озерное в Заринском районе. Позднее Титовы завели на Алтае деревни: Ларионову Титову (ныне село Ларионово Кытмановского района), Евдокимову Титову (ныне село Евдокимово того же района), Семенову Титову (ныне село Титово Тогульского района), а также несколько деревень с участием других крестьян. Фамилия Титовых интересна для нас еще и тем, что прямым потомком Якова Ларионовича Титова и его сына Лариона (зачинателя деревни Ларионовой-Титовой) в олимпиадном поколении является космонавт-2 Герман Степанович Титов.

В числе старых деревень, возникших в первой половине XVIII в. в пределах владения Белоярской слободы, были деревни Касмалинская, Гоньба, Шадринка, Ересная, Урывная (первый населенный пункт на месте нынешнего Павловска), Бельмесова, Кислуха, Бажова, Чеснокровка, Зудилова и ряд других. Почти все они существуют и ныне: село Касмала Павловского района, село Гоньба Ленинского района города Барнаула, село Шадринка Калманского района, поселок Бельмесов, поселок Кислуха Первомайского района, поселок Бажово того же района, село Зудилово в том же районе (14).

Нет на нынешней карте трех из перечисленных названий. Исчезла как отдельный населенный пункт Ересная, располагавшаяся ранее на левом берегу Оби южнее Барнаула. Нет и деревни Урывной, в это, как уже сказано, первый населенный пункт на месте нынешнего поселка городского типа Павловска. Наиболее раннее упоминание этой деревни есть в документах, датированных 1753 г. Она названа деревней на Урыве, деревней Урывской на реке Каснаде (15). В 1753 г. крестьяне деревни Урывной подали прошение о разрешении им выселиться всей деревней на новое место из-за строительства Ново-Павловского завода. Строители потребовали у них пашни, покосы. Перселение было разрешено к избранию крестьянами месту в верхних реках Барнаулки у озера Песчаного (16). Некоторое время деревня называлась Урывской у озера Песчаного, а затем Песчаной. Ныне это село Песчаное Троицкого района.

Первое достоверное известие о деревне Чесноковской относится к 1745 г., когда с крестьян этого населенного пункта был взят штраф за держание пришлого (17). В другом документе 1748 г. имеется косвенное свидетельство о существовании Чесноковки до 1738 г., а возможно до 1736 г. (18). Располагалась она в нижнем течении речки Чесноковки в нескольких верстах от Белоярской крепости. Село Чесноковку можно было найти на карте края до тех пор, пока не был образован город Новоалтайск, ядро которого сложилось из этого села и станции Алтайской.

Кроме Белоярского ведомства уже в первой четверти XVIII в. началось складываться на Алтае ведомство Бийской крепости. Первый Бикатунский острог был сооружен в 1709 г. и соответствовал указом Петра Первого. Острог располагался между Бией и Катунью у их слияния на стрелке. В 1710 г. он был уничтожен кочевниками (19). Краеводам не удается найти следы этого первого острога. Возможно они скрыты водой. В 1718 г. была построена новая крепость на реке Бии в шести верстах выше слияния Бии и Катуни. Как сообщила академик Г. Ф. Миллеру Кузнецкая военная канцелярия в 1734 г. новый укрепленный пункт на Бии был «построен выше того места в 1718 г. по указу... от бывшего губернатора князя Гатарина, деревянная, длиною 24 сажени, ширию 20 сажень, по углам четыре башни. Под ними четыре казармы, в стенах двои проездные ворота, а остроге анбар кладовый для провианту, да погреб земляный» (20). Месторасположение крепости находилось от нынешней площади имени Фомченко в Бийске. Сначала новая крепость называлась Бикатунской, а с 30-х годов Бийской крепостью. От нее и начинался город Бийск.

После сооружения Бикатунской крепости началось освоение ее окрестностей. В первые два года в крепости не было поселенцев и постоянного гарнизона. Службу в новом опорном пункте несла именитая полусотня кузнецких казаков. Смена гарнизона происхо-

для два раза в год, а то и чаще, в случае необходимости. Кузнецких крестьян и разночинцев на поселенке не пускали, не пускали и томских сторожилов, а особенно требовалось «...никаких беглых солдат и драгун и матрозов и пришлых и гулящих людей и томских беглых жителей в Бикатунскую крепость отнюдь не принимать и тайно и явно у себя не держать и не укрывать» (21). Место было еще недостаточно спокойным, да к тому же власти опасались потерять контроль над поселенцами. Однако вскоре в Бийское ведомство стали прибавляться самовольные поселенцы, беглый и пришлый люд, кузнецкие крестьяне и разночинцы. Последнее длительное время продолжали числиться в Кузнецком ведомстве, платили там подать вплоть до начала 60-х годов XVIII в. Сама Бикатунская крепость была слишком мала для внедрения поселенцев, они начали селиться в ближайших, а затем и более удаленных окрестностях, деревнями. В числе первых появились здесь пришлые люди Фоминские (или же Илешковы). 2 мая 1720 г. Тимофей Фоминский с братом Григорием подали челобитную кузнецкому коменданту Б. А. Снявину: « В прошлом 716 году приван они из русских поморских городов Кузнецкого ведомства в Бердский острог и жили в том остроге по вышеозначенный 720 год мая по первые число... Ныне же они в Бердском никаким чином не определены и желают быть в Бикатунской крепости на вечное житье». По справке в Бердском остроге оказалось, что они там действительно не записаны в переписные книги и платят рублевые гулящие оброки. Комендант приказал приказчику Бикатунской крепости принять Фоминских на жительство и брать с них оброк на новом месте (22). Местом их жительства стала основанная ими деревня Фоминская. Ныне это село Фоминское Зонального района, в 26 километрах от города Бийска.

2 июля 1720 г. бикатунский приказчик Иван Везигин сообщил в Кузнецк о том, что «пришли в Бикатунскую крепость пришлые люди вкляе десять семей и хотят селиться». Б. А. Снявин приказал прислать самовольных поселенцев под копытом в Кузнецк, и впредь никого не принимать (23). Летом 1721 г. сотнику конных казаков Ивану Буткееву было приказано арестовать поселившихся самовольно в окрестностях Бикатунской крепости беглых крестьян из Кулгурского уезда, из Бердского острога и Белозерской крепости, а заведенную ими заимку сжечь (24). Самовольных переселенцев, тех кто не сумел по дороге бежать, казаки привели в Кузнецк. Некоторых из них было решено «свезти в Тобольск с женами, детьми и ложитками». Однако было ли это выполнено, не известно. Скорее всего нет, поскольку имена и фамилии этих пришлых (по крайней мере части из них) встречаются в Бийском ведомстве позднее. Вскоре кузнецкие власти с ведомо Сибирской губернской канцелярии начинают заселять новое ведомство у реки Бий. Наряду с гулящими и пришлыми людьми появляются там

переведенцы из Бердского острога, ведомство которого входило в состав Кузнецкого уезда. Решение об их переселении кузнецкие власти могли принимать самостоятельно. В 1724 г. в комендантскую канцелярию обратились с прошением о переселении в Бикатунское ведомство бердские крестьяне Петр Медведь и Василий Злыялов «с товарищи», что и было им разрешено. Сначала крестьяне попытались осесть у реки Бехтемир, но из-за протеста местных жителей-алтайцев им было приказано найти новое место (25). Приходили и новые переселенцы. Для их учета приказчики Бикатунской крепости завели специальную книгу. В 1727 г. ее данные были обобщены в Переписную книгу кузнецкого дворянина Алексея Трусова. Так была осуществлена первая перепись жителей Бикатунского ведомства. Книга А. Трусова содержит два списка, повторявших большей частью одних и тех же людей. В них значились бердские переведенцы, а также пришедшие и туляцкие люди, всего 166 душ мужского пола (26). В списке фигурируют только два населенных пункта: Бикатунская крепость и деревня Фоминская, хотя в действительности населенных пунктов в новом ведомстве было уже больше. Несовершенным оказался учет и во вторую ревизию 1745 г. В ее списках в Бийском ведомстве значились Бийская крепость, деревня Фоминская, деревня Усяцкая, да деревня Титова на Чумыше. Последняя содержала общий список населенных пунктов, основанных крестьянами Титовыми. Поскольку позднее они отошли в Белоярское ведомство, о них нами сказано раньше. В деревне Усяцкой был записан всего один человек, а в крепости и деревне Фоминской 227 душ мужского пола (27). На самом деле деревень в Бийском ведомстве в 1745 г. было значительно больше. Их жители для ускорения учета были записаны в крепости и в деревне Фоминской. Это те, кого уже официально числили по Бийскому ведомству. Кроме того в окрестностях Бийской крепости, как уже сказано, жили кузнецкие крестьяне и разночинцы, которых продолжали числить по Кузнецкому ведомству. Целый ряд деревень Бийского ведомства упоминаются в документах, датированных не позднее 1745 г. Убедительным свидетельством несовершенства переписи второй ревизии является ландкарта, составленная в 1745 г. по результатам экспедиции рудожкателей во главе с П. Шелегиным в Горный Алтай. В Бийском ведомстве на ландкарте показаны: Бикатунская крепость, деревня Бехтемирская у устья реки Бехтемир на правом берегу, деревня Усяцкая выше устья р. Бехтемир на правом берегу Бийи напротив впадающей в Бийю с левой стороны речки Талы, деревня Новикова, она же Неня у устья впадающей в Бийю речки Нени. Несколько выше места слияния Катунки и Бийи на правом берегу Оби обозначена деревня Фоминская, ниже ее деревня Казанская. На правом берегу речки Иткуль напротив устья речки Шубенки показана деревня Савикова, выше этого населенного пункта

на том же правом берегу р. Иткуль помещены на ландкарте деревни Соколова, Комарова, Шипунова. Ниже устья речки Иткуль на правом (северном) берегу Оби показаны деревни: Быкова (напротив устья р. Ануя), выше ее Копылина, Солдатова, Богданова. За Обью на левом берегу показаны только две деревни: Забырдова (ниже устья Ануя) и Иконникова у слияния Катунь с левой стороны Катунь (28). Из названных деревень некоторые возникли значительно раньше 1745 г. Деревня Бехтемирская названа в одном из документов за 1730 г., имеются косвенные свидетельства ее существования в 1727 г. (29). Деревня Комарова названа в документах за 1727 и 1728 годы (30). В 1727 г. возможно уже существовала необозначенная на ландкарте П. Шелёгина деревня Угренева и бесспорно в 1742 г. (31). Деревня Казанцевская несомненно существовала в 1738 г., а крестьянин Тихон Казанцев, с именем которого возможно связана эта деревня, появился в ведомстве Бикатунской крепости еще в 1721 г. (32). В конце 20-х годов XVIII в. уже существовала на р. Иткуль деревня Соколова. И этот перечень деревень, возникших значительно раньше того, как они попали на ландкарту П. Шелёгина, можно было бы продолжить. Из ранних деревень Бийского ведомства, не показанных на ландкарте П. Шелёгина, следует назвать деревню Песчаную. Известно, что в 1738 г. в нее переселился крестьянин Иван Казанцев живший до этого в деревне Орской (Казанцевой) (33).

Большая часть старых деревень, существовавших в Бийском ведомстве к 1745 г., имеет продолжение в нынешних населенных пунктах: д. Усятская (ныне село Усятское Бийского района), д. Новополякова (Нени), (ныне село Новополяково Бийского района), д. Фоминская (село Фоминское Зонального района), д. Савинова (село Савиновое Зонального района), д. Соколова (позднее называлась Верхне-Соколова, ныне рабочий поселок Соколово Зонального района), д. Комарова (село Комарово Зонального района), д. Солдатова (село Солдатово Петропавловского района), д. Иконникова (село Иконниково Смоленского района), д. Угренева (позднее Большая Угренева, ныне село Большое Угренево Бийского района), д. Песчаная (село Песчаное Смоленского района). К существующим ныне населенным пунктам следует отнести и д. Бехтемирскую, располагавшуюся близ нынешнего села Стая-Бехтемир Бийского района.

Часть бийских деревень мы на нынешней карте края не указали. Деревня Казанцевская, она же Орская, Усть-Орская, располагалась на Оби у устья речки Орь (так называлась речка от устья до слияния рек Чемровка и Иткуль). Она исчезла между 1780 и 1795 годами (34). Деревня Шипунова на Иткуле не упоминается позднее 1750 г. Основание этой деревни вероятно связано с появлением в Бийском ведомстве около 1727 г. из Бердекого остро-

га Савладея Шипунова. Возможно от его имени произошли названия деревни Савицкой, Деревня Быкова, первопоселенцем которой был очевидно гулящий человек Федор Быков, не упоминается после 1745 г. В переписи 1763 г. сыновья Федора Быкова (а у него их было шестеро) были записаны в других деревнях. Деревня Кошшина последний раз встречается в документе 1752 г. (35). Однако вероятнее всего этот населенный пункт не исчез, а изменилось его название. С переписи 1759 г. примерно на том же месте на правом берегу Оби учитывалась деревня Нижняя Соколова, крестьяне которой в последующем неоднократно утверждали, что жили на этом месте давно, с первой четверти XVIII в. (36). Поскольку среди первопоселенцев деревни Кошшиной были крестьяне Соколовы, такое изменение названия населенного пункта возможно. Деревня Нижняя Соколова учитывалась еще в 1897 г., позднее не встречается. Место существования этой деревни нужно искать где-то на рубеже Петропавловского и Выстрелостокского районов на правом берегу Оби. Деревня Боланова не встречается после 1745 г. Располагалась она на правом берегу Оби где-то между деревней Солдатовой и устьем Чарыша. Из известных населенных пунктов ближе всего к этому месту село Чекашиха Усть-Пристанского района. И наконец последняя из исчезнувших старых деревень Зашьялова на левом берегу Оби в пределах нынешнего Выстрелостокского района. Она исчезла между 1762 и 1795 годами (37).

В 20-х годах XVIII в. началось заселение русскими людьми бассейнов рек Чарыша и Алей. Проникали сюда самовольные переселенцы, главным образом раскольники, и оседали в промысловых избушках, а то и в небольших деревушках. Из самых ранних известны деревни по Чарышу Тутозвонова (возможный вариант первоначального названия — Быкова), Обухова, Вяткина. Более обстоятельное заселение этой территории было связано с заведением на Алтае металлургических предприятий А. Н. Демидова. Демидов направлял на Алтай мастеровых со своих уральских заводов, а также крепостных крестьян. Приказчики заводчика активно прибирали к рукам также пришлых и гулящих людей, самолично селившихся по Чарышу и Алей. Пришливыми, а также переселенными демидовскими крестьянами и мастеровыми было заведено несколько деревень в бассейнах рек Чарыша и Алей, а также дальше на север до устья реки Касмалы и Чумыша вдоль пути, ведущего от Колывано-Воскресенского завода к Московско-Сибирскому тракту. Первым населенным пунктом, связанным с деятельностью демидовских приказчиков, был Колыванский завод, окруженный в 1727—1729 годах с крепостью и поселком мастеровыми. После постройки в середине 30-х годов в заводском поселке Воскресенской церкви, завод стал называться Колывано-Воскресенским. Деревни, населенные зависимыми от заводчика крестья-

ятам, составили обширное ведомство Колывано-Воскресенского завода. Впервые это население было переписано в 1734 г. кузнецким дворянином Мельниковым. Список этот вероятно не сохранился. Представление о нем дают списки второй ревизии 1745 г. в которых имеются сведения о переписи Мельникова. Наиболее ранним дошедшим до нас списком населения, подведомственного Колывано-Воскресенскому заводу, является документ 1737 г., сохранившийся в ГААК. Появление этого документа связано с попыткой правительства взять в 1735 г. дежловские предприятия на Алтае в казну и отменить этого решения в 1737 г. Документ содержит копию списка населения Колывано-Воскресенского ведомства, составленного в 1735 г. приказчиком Семеном Пальцем, и запись изменений в населении между 1735 и 1737 годами (38). В списке С. Пальца были записаны поселок Колывано-Воскресенского завода и деревни: Чарышская, Порозихинская, Обухова, Кабанова, Усть-Чарышская, Алейская, Барнаульская, Касмалинская, Усть-Чумышская, Язова (39). Ко времени второй ревизии 1745 г. число населенных пунктов в ведомстве Колывано-Воскресенского завода возросло. Тогда были учтены: Колывано-Воскресенский завод и деревни: Алейская, Барнаульская, Выкова, Вяткина, Кабанова, Кабанова, Калманская, Касмалинская, Кириллова, Краснотарская, Первочарышская, Самсонова, Старая Порозиха, Усть-Кумарихинская, Усть-Порозиха, Усть-Чарышская, Усть-Чумышская, Язова (40). В списках второй ревизии из деревень, названных в 1735 г. С. Пальцем, отсутствует только деревня Обухова. Однако на ландкарте П. Шелегина 1745 г., т. е. одновременной со второй ревизией, деревня Обухова показана на левом берегу Чарыша между Порозихой и Кабановой. Кроме того на ландкарте показана отсутствующая в списках второй ревизии деревня Усть-Алейская (у устья Алея на правой стороне), деревня Калманская названа Усть-Калманской, а деревня Чарышская (списка 1735 г.), она же Первочарышская (списка второй ревизии) названа Карловой. Только на этой ландкарте можно увидеть деревню Вяткину в нижнем течении Чарыша на правой стороне (41).

Из 21 населенного пункта ведомства Колывано-Воскресенского завода, существовавших в 1735—1745 годах, 14 существуют и ныне под теми же или другими названиями. Поселок Колывано-Воскресенского завода ныне рабочий поселок Колывань Кузнецкого района. Первочарышская (Чарышская, Карловинкова, Карлова) — ныне село Карлово Первое Красношековского района. Кабанова (Кябакова защита) ныне село Кабаново Усть-Калманского района. Усть-Чарышская — ныне село Усть-Чарыш Усть-Пристанского района. Алейская (прихерно со второй половины 40-х годов XVIII в. называется Урюпина) ныне село Урюпино Алейского района. Касмалинская — поселок Касмала Павловского района. Усть-Чумышская ныне село Усть-Чумыш Тальменского района. Язова —

село Язово того же Тальмевского района. Быкова (позднее называлась Тугозвонова). В 1746 г. раскольники, жившие в этой деревне, подвергли себя сожжению, оставшихся в живых выслали в Тобольск. Опустевшую деревню несколько месяцев караулили по приказу начальства крестьяне соседних деревень, а в 1748—1749 годах здесь поселили пришлых (42). Теперь это село Тугозвонovo Шипуновского района. Деревня Калманская (вариант Усть-Калманская) ныне село Калманка центр Калманского района. Красноречья (позднее в отличие от других деревень с тем же названием — Красноярская из Чарыш) — на нынешней карте село Красноярка Усть-Чарышского района. Деревня Самсонова ныне село Самсоново Шипуновского района. Деревня Усть-Порозиха при впадении реки Порозихи в Чарыш — это село Усть-Порозиха Шипуновского района. Деревня Усть-Алейская, названная на ландкарте 1745 г. тоже существует ныне. Скорее всего это Староалейка Красноярского сельсовета Толчихинского района (если учитывать, что на ландкарте Усть-Алейская показана с правой стороны устья реки Алей). На противоположной стороне устья ныне село Усть-Алейка Калманского района. Если на ландкарте П. Шеленина месторасположение Усть-Алейской показано неправильно, то это село можно совместить с этой деревней. Может быть однако, что нынешнее село Усть-Алейка пошло от другой деревни известной и устье Алей с концев 50-х годов XVIII в. Она называлась Смолячка на Усть-Алей. Семь деревень, названных в списках 1735—1745 годов, в настоящее время не существуют. Порозихинская (Старая Порозиха, Порозиха) в переписи 1926 г. фигурирует как село Порозиха Чарышского района, в нем 572 жителя обоего пола (43). Обухова уже отсутствует в списках второй ревизии. Деревня Барнаульская была заведена демидовскими приказчиками примерно в 1730 г. в среднем течении реки Барнаулки. В исторической литературе эту деревню ошибочно располагали у устья Барнаулки и считают первым населенным пунктом на месте нынешнего Барнаула. Это неправильно. Деревня Барнаулка была заведена на дороге из Колывано-Воскресенского завода, идущей в то время по низовьям реки Касмали и переправе через Обь к устью Чумыша. Транспортное значение этого населенного пункта сохранилось и после взятия демидовских заводов в распоряжение царского Кабинета. Во второй половине XVIII в. деревня Барнаульская часто называлась Барнаульский станец. Располагалась она на правом берегу реки Барнаулки. С начала 80-х годов XVIII в. напротив Барнаульского станца на левом берегу реки Барнаулки возникла деревня Колыванская. Некоторое время при переписках деревню Барнаульскую (Барнаульский станец) и деревню Колыванскую учитывали как один населенный пункт. Однако исчезнув из списков ревизии деревня Барнаульская продолжала существовать. На карте Алтайского округа, датированной 1900 г.

показаны обе деревни по разным сторонам речки Барнаулки и Колыванская и Барнаульская (44). В настоящее время вторая из этих деревень не существует. Исчезли еще в XVIII в. деревни Викита на Чарыше, Кабакова на Чарыше, Кириллова, Усть-Комариха.

Из старейших деревень, еще не названных нами, следует упомянуть деревню Большую Речку, заведенную в соответствии с решением Кузнецкой воеводской канцелярии бердскими крестьянами А. Башниковым и Г. Подколым (45). Ныне это село Чауш во Топкинского района. В северной части края, в пределах бывшего подоместия Малышевской слободы на левом берегу Оби существовали в середине 40-х годов деревни Идолова, Кучуцка, Киприна. Позже это села Ильянка, Кучук и Киприно Шелеболикского района.

Все названные здесь населенные пункты существовали на территории Верхнего Приобья до 1745 г. Самым поздним из них в это время возникновения не менее 245 лет. Многие из этих старейших деревень существуют и ныне. Их история неотъемлемая часть истории нашего края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 214. С. Бирский приказ. № 1611. Л. 226—274.
2. ЦГАДА. Ф. 214. № 1626. Л. 344, 352, 356, 373, 409, 426, 429—431, 445.
3. ЦГАДА. Ф. 1834. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 50. Оп. 12. Д. 97.
5. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 237.
6. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 168. Л. 3.
7. Скубешевский В. А., Степанская Т. М. Барнаульский металлургический завод — памятник истории и архивантуры // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 31.
8. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 258—261.
9. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 325.
10. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211. Л. 371.
11. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 250—251.
12. Понровский Н. Н. Антифеодальный процесс уральско-сибирские крестьяне-старобрядцы в XVIII веке. Новосибирск, 1974. С. 119—123.
13. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156. Л. 279.
14. Алтайский край: Административно-территориальное деление на 1 января 1973 года. Барнаул, 1973. С. 30, 49, 50—52, 93—94.
15. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 187; Д. 143. Л. 160.
16. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 370. Л. 134 и 138.
17. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 458.
18. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 37.
19. Подрибин Ем. Булыгин Ю. С. Выход русских на река Бий и основание Бийской крепости. // Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986. С. 3—23.
20. ЦГАДА. Ф. 179. Портфель императора. Оп. 1. № 481. Ч. II. Д. 1. Л. 155.
21. ЦГАДА. Ф. 1402. Бийской судной изби. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.
22. ЦГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

- 23 ЦГАДА. ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- 24 ЦГАДА. ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- 25 ЦГАДА. ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.
- 26 ЦГАДА. ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 273—289.
- 27 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 353—361.
- 28 ГААК. ф. 50. Оп. 12. Д. 255 — 6.
- 29 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 1. ЦГАДА. ф. 517. Оп. 1. Д. 19. Л. 102.
- 30 ЦГАДА. ф. 517. Оп. 1. Д. 7. Л. 116; Д. 17. Л. 39.
- 31 ЦГАДА. ф. 1402. Оп. 1. Д. 6. Л. 68.
- 32 ГААК. ф. 167. Оп. 1. Д. 3. Л. 481—483; ЦГАДА. ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
- 33 ГААК. ф. 167. Оп. 1. Д. 3. Л. 481.
- 34 ГААК. ф. 169. Оп. 1. Д. 872. Л. 64.
- 35 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 281.
- 36 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 539. Л. 9; Д. 779. Л. 347.
- 37 ГААК. ф. 169. Оп. 1. Д. 822. Л. 64.
- 38 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 126—149.
- 39 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 133—141.
- 40 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
- 41 ГААК. ф. 50. Оп. 12. Д. 255-6.
- 42 Вулыгин Ю. С. Парома крестьяне из Алтай, Барнаул. 1974. С. 61.
- 43 Списки населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928.
- 44 ГААК. ф. 50. Оп. 12. Д. 18.
- 45 ГААК. ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 361.

БАРНАУЛ НАЧАЛА XIX в. ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОК

Каким же дядеким казался Барнаул жителям Москвы и Петербурга в начале XIX в., когда и в наши дни многие всерьез полагают, что это несусветная глухомань. Сибирь, Западная и Восточная, воспринималась в начале прошлого столетия как *terra incognita*, некая экзотическая страна, о которой ходили самые фантастические слухи. Так, один из популярнейших в то время журналов «Отечественные записки» сообщал о встречах сибирских крестьян со «змеями необыкновенных размеров, которые их преследовали» (1). Но следует заметить, что помимо подобных публикаций на страницах тех же «Отечественных записок» и других периодических изданий регулярно помещались материалы сугубо научного характера, содержащие сведения о геологическом строении, темпе ратурных режимах той или иной местности, рецензии на научные труды о Сибири. Безразлическими читателю могут показаться сведения о среднемесячных температурах Барнаула в 1838—1843 годах, опубликованные «Отечественными записками» в 7—8 номерах за 1845 год, из которых явствует, что зима была теплая (январь темп. — 16—17°), а летние месяцы более прохладные (июль — 15—17°), (2).

Обращает внимание довольно значительное количество разного рода путевых записок и дневников, воспоминаний путешественников, упоминавших Сибирь и в частных поездках, и в научных экспедициях. Это станет вполне понятным, если вспомнить, что первая половина (и особенно первая четверть) XIX в. ознаменовалась бурным ростом географических знаний, организацией многочисленных экспедиций кругосветных и в различные концы Российской империи, началом активного и систематического исследования ее огромной территории и, в первую очередь, северных и восточных рубежей, что диктовалось не только научными, но и экономическими, и политическими соображениями.

Особенно часты в русских журналах были статьи и заметки в которых сообщались интересные и разнообразные сведения о внешнем облике сибирских городов, численности и составе их населения, постройках, количестве церквей и монастырей, учебных, торговых и промышленных заведениях, событиях культурной жизни и т. д. Многие авторы, отмечая особые черты, обусловленные отдаленностью Сибири от центра, отсутствием здесь помещи ков и, напротив, присутствием большого количества уголовных и политических сосудных, суровым климатом и т. п., тем не менее указывали на likeness сибирских городов на провинциальные

города России: «Так и во всем прочем общий характер Сибирских городов несколько не различается от быта других городов в Велико-русии...» (3).

Более, чем Полусторастолетнее расстояние не может не исказить в какой-то степени историческое зрение. Это закономерно, ибо мы оглядываемся и оцениваем прошлое, обогащенные (или обогащенные) опытом последующих событий, мнений, суждений. И несомненно интересно посмотреть на Барнаул глазами людей той временн. Проникнуться их впечатлениями и настроениями, сравнить настоящее и «век минувший».

В начале XIX в. Барнаул приближался к нековому рубежу своей истории, что впрочем, для города -- не возраст. Это был один из экономических, общественных и культурных центров Западной Сибири, административный центр Колывано-Воскресенского горного округа, приносящего ежегодно более 1000 пудов серебра. Прошлое горного города Барнаула критически осмыслено и описано многократно историками и краеведами. Статус горного города определил как положительные, так и отрицательные факторы в его развитии. «Подчинение всей жизни города интересам сереброплавильного производства, огромный централизованный аппарат управления, созданный для поддержания казанской дисциплины и бесперебойной работы завода, превратил Барнаул накануне реформы 1861 г. в своеобразный центр крепостного труда, «образовый город» эпохи Николая I» (4). Безусловно, засилье чиновничества, обособленность, мелочная регламентация быта были характерными чертами Барнаула, насчитывавшего к середине прошлого века 12 тыс. жителей, но превращение Алтай в один из ведущих центров горно-металлургического производства способствовало сосредоточению здесь выдающихся инженерно-технических кадров, развитию научно-технической мысли. И «Барнаул с его единственным в Сибири горным училищем, первым ботаническим садом, музеем, первой казенной аптекой, первой метеорологической станцией, лучшей в Сибири научно-технической библиотекой был одним из ведущих культурных центров на востоке страны» (5).

Так что же писали о Барнауле на своих страницах русские журналы в первой половине XIX в.?

«Московский телеграф», один из самых читаемых журналов, чьим редактором был выходец из иркутской купеческой семьи, талантливый самоучка, Николай Полевой, помешавший очень много сибирских материалов, опубликовал в 1825--1826 годах в нескольких номерах воспоминания английского путешественника, капитана Кохрена, проделавшего огромный путь от Петербурга до Камчатки. Барнаул был одним из пунктов путешествия и оставил самые приятные воспоминания: «Я вступил в прекрасную, открытую землю, прошаемую величественной Обью. Взоры мои везде открыва-

ли признаки богатого земледелия, а горизонт ограничился бедными лесами... Маденькая речка Барнаул плывет в Обь подле города, который выстроил довольно правильно» (6).

Кохрена поразили размеры и организация сереброплавильного производства, в которой он не увидел недостатков и счел образцовой. Ответил, что заводские, работая по 12 час. в сутки, получают весьма малую плату, английский капитал счел, тем не менее, что они «живут в довольстве и богатстве», увидел причину этого в плодородии земли и умеренных от того ценах «на все приличные и необходимые вещи». Небезинтересно в наши дни прочесть о том, что «каждогоднее произведение хлеба, принадлежащего крестьянам Колыванской области (имеется в виду Колывано-Воскресенский горный округ — Н. II.), простирается до миллиона двухсот тысяч пудов. По бесчисленному множеству рогатого скота говядина здесь очень дешева... Прием дома в Барнауле почти ничего не стоит, а общество здесь хорошо. Дома в Барнауле кирпичные и собрав все удобства, можно почесть его весьма приятным местом для жительства...».

Прощаясь с Барнаулом, Кохрен заключил: «Я оставил город — счастливейший из всей Сибири, лучше всех управляемый и прекрасный» (7). Впечатления английского путешественника, конечно, были весьма поверхностны, и вряд ли он мог за короткий срок узнать все стороны жизни города, но вряд ли даже самое короткое знакомство с современным Барнаулом способно исторгнуть подобную восторженную оценку из уст англичанина.

Анонимное «Любопытное письмо из Сибири о Барнауле» было напечатано в 1827 г. в «Отечественных записках». Знакомый с Барнаулом по воспоминаниям Кохрена, безымянный, к сожалению, и поныне автор, направляясь в Восточную Сибирь, не мог по его словам, не пожертвовать несколькими днями для Барнаула.

Вот как он описывает первое впечатление от внешнего облика города: «На последних двух верстах к окому дорога между сыпучими песками отделана подобие шоссе и обсажена по обе стороны дерельячи. Правильные улицы, на которых видна совершенная чистота, несколько окрашенных домов и надобов подолонных составляют первое отличие сего города. Берет величественной Обь обнесен красивой решеткой; по главной улице, по которой должно въехать в город, сделан бульвар, усаженный тополями, прекрасное строение дома Поляшии с каланчей и навесом для пожарных орудий встречаются первые по въезде в город» (8).

Но, пожалуй, более всего автора поразила плотина и прилегающая к ней территория: «...длинная плотина, усаженная шпалерником из тальника, обнесена красивыми решетками... Пройдя плотину, встречаешь еще на скате длинную круглую решетку самого красивого и легкого рисунка на цоколе, за оною к каналу, иду-

заводу от прореза, посажена аллея, а под скатом сделаны дорожки, поливающиеся между зеленым дерном, одевающим также скат, на котором поставлена решетка. В левую сторону от оной открывается довольно обширная площадь, на одной ее стороне строится каменный госпиталь (ныне один из корпусов АСХИ, пр-т Красноармейский, 19), а насупротив назвательно воздвигнуть богадельню и церковь (церковь Дмитрия Ростовского, ныне площадь Свободы — П. П.), на стороне же лежащей противу решетки будет помещено здание для Училища и Горнопротского отделения (ныне корпус АСХИ, ул. Пушкина, 82).

Средина площади украсится обелском в ознаменованье столетнего существования Кольчанских заводов, совершившегося в 1835 году, к чему уже приступлено.

С площади идет улица, застроенная заводскими строениями (ныне ул. И. И. Ползунова — П. П.). На одной стороне оной видны каменные строения Канцелярии, материального магазина и Комиссии военного суда; все двухэтажные строения соединены каменною оградой с красивыми воротами. За домом комиссии находится Ботанический и Лазаретный сад, на другой стороне Лазарет, дача для чиновников и каменная аптека. Перелекшаяся улица отличается красивым деревянным строением, в котором помещена типография, за оною цейхауз 4-го горного батальона, штаб оной и Духовное правление, — что все вообще построено со вкусом. Противу них площадь с соборною церковью и чугунною небольшою оградой, сделанною на месте, где прежде был Собор и где погребен первый зачатник заводов Безр (ныне пл. Свободы).

При входе в завод представляется глазам площадь, которой приличные скаты одеты дерном, подобно крепостному валу; по нем огромная плавленая каменная фабрика с колоннами и аттиками. За нею другая, также каменная, но несколько меньше первой и старинной архитектуры и еще несколько других каменных зданий. Осматривая первую фабрику, нельзя не любоваться устройством строения, но смелость, с какою оны сделаны по десяти-санжеты ширины и коническою машиною, недавно построенною» (9).

Побывав в заводе, лазарете, аптеке, ботаническом саду, музее, автор подчеркивает, что всюду чистота, порядок, образцовое устройство. Он описал также некоторые музейные экспонаты (различные горные устройства), замечая, что почти все машины, бывшие в Кольчанских заводах и рудниках изобретены и построены «природными сибиряками». Пребывавшие же в Барнауле доставило автору «столь много любопытного и приятного, сколько не находил и не только в других городах Сибири, но и самой России» (10).

Несложно заметить, что описание Барнаула первой четверти XIX в. изобилует превосходными степенями, и оценки различных

авторов схожи: приведем в подтверждение мнение П. И. Небольсина, хорошо знавшего Сибирь и писавшего: «Мы уже не говорим о Екатеринбурге и Барнауле — этих нравственных оазисах населенных людьми высшего образования, учеными и художниками, о городах, которым любая держава Запада могла бы с великим гордиться...» (11).

Материалы о Барнауле, напечатанные в русских журналах более, чем путевые впечатления, грешат описательностью и поверхностностью, но подробные описания внешнего облика города первой половины XIX в. представляют не только познавательный интерес, но и могут оказать содействие архитекторам и строителям в реставрации старого городского центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отечественные записки 1848. Т. 56. С. 201.
2. Отечественные записки 1845. Т. 41. № 7—8. С. 109.
3. Небольсин П. А. Рассказы о золотых приисках // Отечественные записки 1847. Т. 53. № 8. С. 130.
4. Шанинова Т. М. Барнаул в середине XIX в. // Барнаул 250 лет: Тез. докл. и сообщ. к научн. конф. Барнаул. 1980. С. 98.
5. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. С. 10.
6. Московский телеграф. 1876. Ч. 11. № 18. С. 100.
7. Там же. С. 102—103, 104.
8. Отечественные записки. 1827. Ч. 30. С. 113—114.
9. Там же. С. 114—117. Подробное о названных зданиях см.: Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1933. С. 30—63.
10. Там же. С. 113.
11. Отечественные записки. 1848. Т. 56. С. 3—4.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ГОРНОЗАВОДСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ КАБИНЕТА
НА АЛТАЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Жителям Барнаула хорошо известно здание, расположенное по улице Полазунова, 41. Это бывшая Канцелярия Колывано-Воскресенских заводов (с 1828 г. — Горное Правление) — главное административное учреждение горного округа. Оно осуществляло управление заводами, рудниками, разбросанными по огромной территории Колывано-Воскресенского (с 1834 г. — Алтайского) горного округа, который в XIX в. охватывал несколько современных административных единиц: Алтайский край, почти всю Новосибирскую, Кемеровскую, часть Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Томской областей и Хакасской автономной области Красноярского края. В его ведении до 1864 г. находилось население округа, обслуживавшее кабинетские предприятия. Канцелярия была основным звеном сложившейся и действовавшей в течение полутора столетий системы административной системы, которая наложила глубокий отпечаток на развитие региона и судьбу его населения.

Предлагаемая читателям статья не претендует на исчерпывающее рассмотрение проблемы управления краем в период становления, расцвета и появления первых признаков упадка горнозаводского хозяйства. Сложность и многогранность вопроса застаивают при первом знакомстве с ним выделить тот аспект, без которого невозможно понимание механизма деятельности административного аппарата и характеристика алтайского чиновничества, — структура центральных и местных органов власти, их взаимодействие и компетенция.

Местные учреждения Колывано-Воскресенского горного округа обслуживали интересы его владельца — русского императора. Как глава государства он нуждался в средствах, которые бы мог свободно расходовать на собственный гардероб, стол, посуду, а также по взятым обязательствам, долгам, займам, содержанию дворцов, их переездам, других придворных учреждений, императорских театров, Академии художеств, музеев, библиотек, училищ, подарков, пенсий, благотворительности и прочие потребности. Эти средства он получал преимущественно из государственной казны первоначально компенсировавшей царю сумму от исторически сложившегося исключительного права самодержца на доходы от соляного сбора с населения страны. Позднее размер денежных поступлений императору значительно превысил соляной налог и в начале XIX в. стал постоянной статьёй расхода государственного бюджета. Дополнением к ассигнованиям казны был натураль-

ний и денежный сбор (ясак) с коренных народов Сибири и доходы от хозяйственной деятельности Кабинета.

Кабинет начал выделяться из общегосударственных учреждений в 40-х гг. XVIII в., когда в его ведении оказались не только государственные дела, но и управление императорским имуществом. С 1786 г. он окончательно утратил свою прежнюю роль, превратившись в хозяйственную канцелярию по заведыванию собственностью царя и членов императорской фамилии (1). Личный кошелек монарха никогда не смешивался с доходами императора, принадлежавшими ему по титулу. В административной системе это разграничение воплотилось в существовании двух ведомств, каждое из которых с 1797 г. имело четко очерченный круг полномочий. Ведомство уделов управляло имениями, доходными статьями и другой собственностью «Домов Романовых», в том числе царствующей особы; Кабинет — имуществом главы государства.

Равенство и независимость друг от друга ведомств уделов и Кабинета сохранились и после создания в 1826 г. Министерства императорского двора и уделов, куда они вошли в качестве важнейших подразделений. Передача Кабинету финансово-хозяйственных функций внутри министерства не затронула Департамент уделов, который имел полную финансовую и хозяйственную самостоятельность. Уникальность ситуации состояла в том, что Министерство императорского двора и уделов вместе с подчиненными ему учреждениями составляло ни одно, а два автономных ведомства, связующим звеном между которыми был министр императорского двора и уделов и общеминистерские органы.

Министерство императорского двора и уделов, как и два основных его подразделения, занимали особое положение в централизованном аппарате управления России. Они подчинялись лично императору, не были зависимы ни от одного высшего органа власти, на них не распространялся общегосударственный контроль.

Кабинет имел в своем ведении обширное хозяйство: Екатеринбургскую граничную, Царскосельскую ибонную, Киево-Межигорскую фарфоровую фабрики, Выборгский зеркальный и Петербургские фарфоровый и стеклянный заводы, Гидийские и Рускельские ирмачорные камешоломни под Петербургом, шпалерную мануфактуру по выделке ковров, мозаичное заведение, участки земли в обеих столицах, доходные дома в Москве и другое имущество. Наиболее доходной частью его являлись Кольчанно-Воскресенские сереброплавильные предприятия.

Горнозаводское хозяйство Кабинета возникло на Алтае в 1747 году после того, как императрица Елизавета Петровна, уплатив наследникам предпринимателя Акифия Демидова 40 тыс. рублей, превратила налаженное им производство серебра и меди в частное предприятие князя царствующего часа императорской фамилии (2). С этого же времени на базе существующих учреждений

Акцизия Демидова начал формироваться местный аппарат управления горного округа во главе с командиром заводов и Канцелярией Колываино-Воскресенского горного начальства. Окончательно горно-металлургическое хозяйство Кабинета сложилось в 1787 г., когда Екатерина II безвозвратно присоединила к Колываино-Воскресенским рудникам и заводам Нерчинские предприятия Восточного Забайкалья, ранее принадлежавшие казне (3). С момента возникновения и до конца существования кабинетская горно-металлургическая отрасль экономики Алтая и силу своей принадлежности пользовалась широчайшими привилегиями, которые с одной стороны, стали основой для ее процветания к концу XVIII в., с другой — породили ее неконкурентоспособность, косность, негибкость, безынициативность административного аппарата и в конечном итоге способствовали кризису серебряно-никельной и золотодобывающей промышленности края.

В истории кабинетских горно-металлургических предприятий Сибири был 25-летний период, когда Колываино-Воскресенский и Нерчинский горные округа находились в управлении Департамента горных и соляных дел Министерства финансов (4). Арендные отношения между кабинетскими и горным ведомством в 1830 — 1855 гг. носили неравноправный характер. Чтобы избежать вложения значительных средств в обновление основных производственных фондов серебряно-никельной промышленности Алтая и Восточного Забайкалья, Министерство императорского двора и уделов, пользуясь поддержкой монарха, навязало казне сибирские горно-металлургические комплексы на условиях ежегодной выплаты Кабинету стоимости 1000 пудов золотистого серебра, примерно миллион серебряных рублей. Эта цифра соответствовала среднегодовому производству серебра на Колываино-Воскресенских заводах за период с 1817 по 1829 гг., т. е. на момент передачи являлась предельной (5). Нерчинский комплекс был обременен долгами и работал с убытками. Поэтому, чтобы выполнить арендные обязательства, Министерство финансов занялось реконструкцией предприятий, поисками новых месторождений благородных металлов, изысканием путей повышения производительности труда в промышленности. За 25 лет управления горное ведомство показало себя на Алтае и в Забайкалье более умелым и рачительным хозяином по сравнению с Кабинетом. Его усилия увенчались успехом, обеспечив в сложнейших условиях кризиса феодально-крепостнической системы России стабильную выплавку серебра на Колываино-Воскресенских заводах не ниже 1000 пудов в год и развитие новой отрасли экономики — золотопромышленности. Высокие доходы от добычи золота в Западной и особенно Восточной Сибири покрыли значительные издержки казны по поддержанию серебряно-никельных предприятий Кабинета в удовлетворительном состоянии.

Местный интарат управления Колывано-Воскресенского округа обеспечивал работу горно-металлургической промышленности не столько путем введения улучшенной организации производства, технических усовершенствований, новых технологий, сколько за счет принуждения феодальной зависимого населения к истрашному исполнению заводских повинностей. В этой области окружная администрация приобрела значительный опыт и добилась заметных результатов, чему способствовало широкое использование здесь принудительного труда в XVIII — первой половине XIX в. В округе получили распространение две основные формы зависимости: военно-феодалная и приписная.

Ведущим способом пополнения рабочих кадров для основных производственных операций в сереброплавильной промышленности Алтая с 1760 г. стали рекрутские наборы на горнозаводскую службу. Рекруты набирались преимущественно из колывано-воскресенских приписных крестьян и мещан. За квалифицированной частью рабочих, кость которых составили работники мануфактур Демидова, постепенно закрепилось название мастеровых, за остальными, менее квалифицированными, — работные люди. Использование солдатских резервов страны для горно-металлургической отрасли хозяйства способствовало формированию подлинного сословия мастеровых и работных людей. Их численность к концу XVIII в. в Колывано-Воскресенском округе составила 7510, перед реформой 1861 г. — 17556 душ мужского пола (6).

Мастеровые и работные люди в XVIII — первой половине XIX в. трудились не только на кабинетских, но также на казенных и помещичьих (частные заводы, пользовавшиеся пособиями от государства) предприятиях горно-металлургической отрасли. Они находились в потомственной, а до 1847—1849 гг. и в пожизненной зависимости от горного и кабинетского ведомств. Основным способом комплектования сословия через рекрутские наборы наложил отпечаток на его положение. Военнозванная организация производства, армейская дисциплина, суровые наказания за неповиновение, побег и преступления являлись следствием распространения на них армейских уставов и артикулов. Разги, шпицрутены, кнут, принудительное содержание в тюрьмах, исправительных казармах, отсылка на золотые прииски, которые среди мастеровых получили название «каторжных мест», составили основной арсенал средств администрации округа для исправления «нерадивых», «недобросовестных» и «строитивных» работников. «Военно-крепостный строй», «военно-казарменный режим» наиболее удачные и точные словосочетания, которые можно встретить в дореволюционной и советской исторической литературе при характеристике положения этого горнозаводского сословия.

Аналогичным был правовой статус еще одного слоя рабочих — урочных служителей. Он начал оформляться с 90-х гг. XVIII в.

когда горная администрация почиталась за практике соединить. Прямое принуждение с определенной материальной заинтересованностью работников на таких операциях, как перевозка руды, дров, рубка леса, изготовление углей, кирпичей, поставка смолы, легкая соль. Строго фиксированный головной объем работы, возможность его выполнения в более сжатые сроки, право выбора места жительства в заводских или крестьянских селениях. Большая хозяйственная самостоятельность отличала урочных служителей от мастеровых и рабочих людей. Гарантией выполнения назначенных «уроков» служил отбор работников. Они комплектовались из рекрутов, направляемых сельскими обществами по жеребьевке на горнозаводскую службу. Однако в этот разряд попадали только юноши из состоятельных семей, заручившись поручительством зажиточных крестьян. В 1799 г. в округе насчитывалось 1801, в 1861 г. — 4311 урочных служителей (7).

Самой многочисленной категорией населения Колявано-Воскресенского (Алтайского) горного округа являлись приписные крестьяне. Они приписывались к заводам правительственными указами и обеспечивали перевозку заводских припасов на огромные расстояния, отделявшие предприятия от их рудных и топливной базы. По признанию кабинетских чиновников, из 10 млн. пудов ежегодно перевозимых в середине XIX в. флюсов, углей, руды на долю приписных крестьян приходилось 8,5 или 9 млн. пудов. Оценивая значение их обязательного труда, Кабинет признавал, что только благодаря ему Алтайский округ давал ежегодно 117 проц. прибыли на затраченный капитал. Без него доходы от серебрянских предприятий едва ли превысили 23 проц., от выработки меди 39 проц., а железодельцельные произвелись бы ликвидировать как убыточное (8).

Особая роль приписного населения в становлении и развитии местечеческой горно-металлургической промышленности способствовала тому, что его положение и управление неоднократно находилось в центре внимания правительства. Использование труда приписных крестьян одновременно в сельском хозяйстве и горно-металлургической промышленности ущемляло развитие той и другой отрасли экономики, то другой. Прежде всего страдало сельское хозяйство, от которого отвлекались рабочие руки. Поэтому с возникновением практики приписки государственных крестьян к предприятиям в правительственных кругах время от времени дискутировался вопрос о целесообразности возложения заводских повинностей на сельское население и создания оптимальной организации управления им. Интересы горно-металлургической промышленности требовали подчинения приписного населения исключительной власти горного начальства, сельского хозяйства — сохранения административной и судебной зависимости приписных крестьян от местных общегосударственных властей и перелачи

хозяйственного управления офицерам и чиновникам горного ведомства. Отсюда колебания правительства то в сторону одного способа разрешения противоречия, то в сторону другого, которые характерны для второй половины XVIII—первой половины XIX в.

Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева 1773—1775 годов наглядно продемонстрировала другую сторону проблемы — массовое недовольство дрянского населения своим положением. Превратившее горнозаводской район Урала в арену ожесточенной классовой борьбы.

Освобождение в 1807—1814 гг. приписных крестьян от заводских повинностей на казенных и помещичьих предприятиях Урала замена их меньшим числом «временноных работников», которые по своему правовому положению приравнивались к мастерам и рабочим людем, явилось феодальным способом разрешения одного из острых противоречий в самом крупном горно-металлургическом районе страны (9). Преобразования не затронули Колывано-Воскресенский, Нерчинский горные округа, Олонекские и Луговский заводы, т. е. Кабинету и частному заводскому начальству удалось отстоять неизбежность существовавших здесь порядков. В результате реформы 1807 г. Колывано-Воскресенский (Алтайский) округ сосредоточил на своей территории основную часть приписного сельского населения России, которая в 1815 г. состояла из 86715, в 1857 г. — 145484 души мужского пола (10).

Таким образом, проблема приписной зависимости колывано-воскресенских крестьян сохраняла значение вплоть до отмены крепостного права. Межведомственные трения казны и Кабинета наложили отпечаток на практиковавшиеся способы ее разрешения. Обезжелезный и необходимости использования полневольного труда на вспомогательных операциях в сереброплавильной промышленности Кабинет ухаживал переводил спор об освобождении приписных крестьян от заводских работ из социально-экономической плоскости в административную. Поэтому перемены преимущественно происходили в управлении приписным населением, не затрагивая его существование. Сложившаяся в Колывано-Воскресенском горном округе административная система управления приписной деревней прошла несколько этапов в своем развитии.

На первом этапе (1747—1779 гг.), когда закладывались основы горнозаводских учреждений, уездные и губернские власти оказывали им активное содействие в обеспечении заводов необходимыми для развития производства денежными суммами, проявляя, рабочей силой (выполнение царских указов о приписке государственных крестьян к заводам, сборе и высылке на Колывано-Воскресенские предприятия приписных и не учтенных прежними переписями людей различного звания, рекрутских наборах на горнозаводскую службу), а также занимались исследованием уголовных престу-

пленей горнозаводского и приписного населения и судопроизводства по ним (11).

По мере того как оформлялись ведомственные органы власти снижалось участие уездной и губернской администрации и управления Колывано-Воскресенским округом и его населением. К 70-м годам все чини управления внутри округа сконцентрировались в руках специалистов горного дела: офицеров и чиновников. Губернское начальство сохранило только судебные полномочия по тяжким уголовным преступлениям приписного населения.

Временный отказ от сложившейся абсолютистской системы управления горнозаводским хозяйством произошел в 1778—1797 гг. (12). Под влиянием Крестьянской войны 1773—1775 гг. общегосударственные соображения взяли верх над ведомственными. Правительство упорядочило и регламентировало повинности приписных крестьян Нерчинских, Колывано-Воскресенских, Олодечских, Уральских заводов и изъяло приписное население из исключительного ведения горных офицеров и чиновников, передав его в управление уездным, губернским (областным) и наместническим органам. Тем самым оно пыталось снизить накал классовой борьбы в горнозаводских районах и создать по всей стране типовые провинциальные учреждения, которые преобразовались бы в опору самодержавной власти на местах.

Постепенно практика доказала пагубность общегосударственного управления для горно-металлургической отрасли экономики России при господстве в ней принудительного труда. Массовые уклонения крестьян от заводских работ, снижение производительности полневольного труда, падение дохода казны и Кабинета вынудили правительство в 1785—1790 гг. сначала расширить полномочия горного начальства в управлении приписным населением, а затем в 1796—1797 годах полностью восстановить его власть в горно-металлургических округах России (13). В 1797 г. была возрождена Канцелярия Колывано-Воскресенских горных заводов, упраздненная по указу от 1 марта 1779 г.

С 1797 г. начался период безраздельного господства кабинетской администрации в Колывано-Воскресенском горном округе, который продолжался до 1822 г. Начальник заводов в пределах округной территории имел права губернатора. Канцелярия — полномочия губернского правительства, уголовного и гражданского суда. Только тяжкие уголовные преступления заводских крестьян, купцов и мещан подлежали разбирательству в уездных и губернском судах. Современники метко называли обособленное положение горного округа в составе общегосударственных административных единиц «губернией в губернии» (14).

Частичный отход от сложившейся традиции автономного управления Колывано-Воскресенским округом и его приписным населением связан с именем выдающегося государственного деятеля

России М. М. Сперанского. Будучи генерал-губернатором Сибири в 1819—1821 годах, он предложил проект административного переустройства края. В целях повышения доходов казны от сельскохозяйственного оселения юга Западной Сибири М. М. Сперанский убедительно обосновал необходимость освобождения 86 тыс. колымано-воскресенских крестьян от обременительных заводских работ и перевод их на пятирублевою оброчную подать (15). Предложение М. М. Сперанского имело буржуазную направленность, так как его осуществление привело бы к ликвидации натуральной заводской повинности приписных крестьян, возвращению их в ведение государственных органов Томской губернии и полному отказу от принудительного труда в горно-металлургическом производстве при перевозке заводских припасов, рубке дров, разломке угольных кус, замене его вольнонаемным.

Активные противодействие Кабинета реализации идеи освобождения колымано-воскресенских крестьян привело к принятию в 1822 г. компромиссного решения о введении двойной административной зависимости приписной деревни от горного и гражданского начальства (16). Допустив губернских чиновников к судебному и частично полицейскому управлению приписной деревней, Кабинет сумел с помощью этого маневра сохранить в Колымано-Воскресенском горном округе почти даровой труд 86 тыс. приписных крестьян и за короткий срок приспособить их двойную административную зависимость к удовлетворению нужд и потребностей горнозаводского хозяйства.

Реформа 1822 г. существенно отразилась на положении «заводских» купцов и мещан Колымано-Воскресенского горного округа, которые, как и крестьяне, находились в Приписной зависимости. Им были предоставлены одинаковые права с посадским населением других российских городов (17). Это означало освобождение колымано-воскресенских купцов и мещан от заводских повинностей, запрещенные насильного перевода мещан в приписные крестьяне, прекращение рекрутских наборов из горожан на горнозаводскую службу, передачу судопроизводства по делам «заводских» купцов и мещан из Канцелярии горного начальства в губернские судебные учреждения, подчинение гражданским властям их органов хозяйственного и судебного самоуправления (трагун, стрелецких, словесных судов, городских старост).

Приписная зависимость посадского населения кабинетских горно-металлургических округов не имела аналога в других горнозаводских районах России. В начале XIX в. она превратилась в существенный тормоз развития товарно-денежных отношений, препятствующий росту городских сословий и экономическому освоению региона. Поэтому ее ликвидация стала настоятельной потребностью. В 1824 г. 44 купца и 1726 душ мужского пола мещан получили долгожданную свободу (18).

Однако дарованное указом 22 июля 1822 г. освобождение окрестностей не означало. Горнозаводские сословия, жившие преимущественно в г. Барнауле и горнозаводских поселках округа, сохранили значительную самостоятельность ведомственной горной администрации, хотя как располагала широкими полномочиями в управлении населением. Вся полнота власти в Томской губернии сосредоточилась в руках губернатора, который с 1822 г. назначался из горных офицеров, сведшая в себе одновременно две должности: начальника (с 1830 г. — главного начальника) Колывано-Воскресенских заводов и главы губернского управления. Частная инициатива колыванов-воскресенских (алтайских) купцов и мещан сдерживалась запретом строить промышленные заведения на древесном топливе, принудительной поставкой крестьянами продовольствия и фуража заводам, торчавшей развитие свободной хлебной торговли, отсутствием у городских обществ собственности на землю.

Многолетняя практика управления Колывано-Воскресенским горным округом и его населением создала административную систему, которая получила законодательное оформление в «Учреждении для управления Колывано-Воскресенских горных заводов» 1828 г. Позднее она была подтверждена «Горными уставами» 1842 и 1857 гг. — основными законодательными актами, регулировавшими взаимодействие различных звеньев этой системы. Картина ведомственной организации управления горнозаводским хозяйством Кабинета на Алтае была бы не полной, если не охарактеризовать окончательно сложившиеся в первой трети XIX в. основные элементы окружной структуры власти.

Главной местной аппарат управления Колывано-Воскресенского горного округа был начальник (с 1830 г. — главный начальник) заводов. С 1822 до 1864 гг. начальник заводов одновременно являлся точским гражданским губернатором. Соединение двух должностей в лице горного офицера создавало условия для обслуживания интересов Кабинета за счет казны и, по оценке генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля, было «главной причиной того, что Томская губерния всегда управлялась хуже всех остальных Российских губерний» (19).

Семилетний опыт совмещения должностей заставил Министерство внутренних дел, которому подчинялся начальник заводов как глава губернского управления, в 1829 г. ходатайствовать о разделении полномочий томского губернатора и начальника Колывано-Воскресенского округа (20). Имея знания и опыт руководства горно-металлургической промышленностью, горные офицеры не были подготовлены к управлению губернией. Частая смена их, проистекшая ведомственными соображениями, не предоставляла возможности инициативы в новую область административной деятельности. Существенный ущерб губернскому управлению наносила психология генерал-майоров горного ведомства, которые см

таин управлении губернией немыслимым, вспомогательным по отношению к своей главной обязанности — заведыванию горно-фабрично-заводской промышленностью. И дело было не в личностях. Многие начальники Колывано-Воскресенских заводов вошли в историю как выдающиеся индустриальные деятели или крупные организаторы производства, например, П. К. Фролов, Е. П. Колпаковский, С. П. Татарников, П. П. Амосов, а в горничности системы управления, когда интересы развития горно-металлургической отрасли кабинетского хозяйства отодвигали на последнее место нужды губернии и ее населения. Обсуждение в высших правительственных органах предложения о разделении должностей закончилось безрезультатно. Томская губерния была принесена в жертву узколичностным интересам Кабинета.

Начальник Колывано-Воскресенских заводов имел широкие полномочия как глава горнозаводского и губернского управления. Он отвечал в первую очередь перед Кабинетом (с 1830 по 1855 гг. перед Министерством финансов) за состояние горно-металлургического хозяйства и население горного округа, наблюдал за течением дел в подчиненных ему учреждениях, ревизовал их, обладал властью наказывать нерадивых офицеров, чиновников и утверждать большинство приговоров военно-судных комиссий, в которых осуществлялось судопроизводство по уголовным преступлениям, серьезным служебным проступкам и нарушениям должных офицеров, чиновников, низовой администрации, мастеровых, рабочих людей, урочных служителей (21).

В управлении горным округом начальник заводов обладал всей полнотой власти, имея самостоятельность и независимость от сибирской администрации. Генерал-губернатор Западной Сибири, будучи вышестоящей инстанцией по управлению Томской губернией, не мог вмешиваться во внутренние дела горного округа. Единственным законным основанием для этого служили жалобы населения на заводское начальство, поданные в Главное управление Западной Сибири, или представления губернских властей (22). В практике такие случаи встречались крайне редко, поскольку Кабинет под страхом наказания запрещал населению обращаться с жалобами на учреждения и чиновников горного округа в общегосударственные органы и сурово расправлялся с жалобщиками. Зависимость губернских органов от начальника Колывано-Воскресенских заводов как главы губернского управления почти исключала использование официальных каналов для пресечения незаконных действий горнозаводской администрации.

Удаленность от центра, запрещение вмешиваться во внутренние дела горного округа сибирской администрации, замкнутость на горном офицере гражданского управления Томской губернии, ведомственная изолированность, круговой порука и корпоративность «горного мира» создали благоприятные условия для проц-

ветания на Алтае самых изменчивых пороков российского чиновничества и длительное время служили гарантией сохранения их в тайде. Лишь в 80-х гг. XIX в. они выплыли наружу и стали предметом обсуждения на страницах газет (23). Описывая нравы алтайской «горной элиты», большинство авторов «сходились в одном, что присущие ей казнокрадство, взяточничество и произвол сложились еще в феодальную эпоху и были порождены неомошественной системой управления и господствовавшими в горном округе крепостническими порядками.

С открытием золотых песков на территории Сибири главному начальнику Колывано-Воскресенских заводов в 1831 г. поручался надзор за частной золотопромышленностью Западно-Сибирского региона, Ачинского, Минусинского, позднее Красноярского округов (уездов) Восточной Сибири. Делопроизводство по ней с 1833 г. сосредоточивалось в специальном столе первого отделения, с 1856 г. — в особом пятом отделении Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного правления (24). Являясь составной частью административного аппарата, управление частными золотыми промыслами унаследовало его пороки. Горные чиновники превратили частную золотопромышленность в даровую кормушку, из которой черпали средства для личного обогащения.

Открывая на факты массовых злоупотреблений алтайских офицеров и чиновников по отношению к предпринимателям, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский добился в 1860 г. изъятия трех округов Восточной Сибири из ведения этого отделения Алтайского горного правления (35). Ставшие достоянием правительства сведения об обогативших алтайской администрацией за счет золотопромышленников не повлекли за собой кардинальных изменений в практике управления частными промыслами Западной Сибири, оставки их до конца 80-х гг. XIX в. на попечение начальника заводов и Алтайского горного правления.

С введением в 1830 г. должности главного начальника Колывано-Воскресенского округа по образцу Уральских заводов глава местного горного и губернского управления освобождался от ответственности за текущие дела в округе, которые поручались горному начальнику. Горный начальник стал местным хозяином завододев, обязанным вникать во все подробности управления производством и людьми (26). При отсутствии главного начальника горный председательствовал на заседаниях Горного совета и общего присутствия Горного правления.

Горный совет являлся периодически действующим совещательным органом. Он созывался в Барнауле — административном центре Колывано-Воскресенского горного округа — по окончании выплавки назначенного годового количества серебра. Здесь заслушивались отчеты управляющих горными компаниями, отдельными предприятиями за прошедший производственный период, утверж-

дались подготовленные Горным правлением задания на полный заводской год, объем повинностей приписных крестьян, обсуждались предложения горных инженеров по улучшению организации труда, техническим и технологическим нововведениям, если таковые имелись (27). Выполнение решений Совета было обязательным для всех подразделений округа.

Горный совет имел еще одно назначение, о котором сохранились сведения в воспоминаниях генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля. На нем происходили «официальные» дележ остаточных сумм из годовой сметы между служащими соразмерно их чинам и занимаемым должностям (28). Это был постоянный источник обогащения алтайской администрации, использованной ассигнования на горно-металлургическое производство для удовлетворения своих личных потребностей.

Хозяйственная, распорядительная, липидейская и судебная власть в округе концентрировалась в руках офицеров и чиновников Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (с 1828 г. — Горного правления), подотчетных только главному и горному начальникам. Канцелярия до 1828 г. делилась на две части: заводскую и земскую (29). Заводская часть через Горные конторы заведывала горно-металлургической промышленностью, мастерскими, работными людьми, урочными служителями. В ведении земской части находилось приписное население округа. Право решения всех возникающих вопросов и проблем принадлежало общему присутствию Канцелярии, куда кроме начальника заводов входили руководители заводской и земской частей.

С преобразованием Канцелярии в 1828 г. в Горное правление в нем были созданы четыре отделения: рудников и заводов, приписных крестьян, судное и счетное. Каждое из них возглавлялось советником, велелась на столе и имело четко очерченный круг обязанностей. Это был рабочий аппарат Горного правления, состоявший в 1849 году из 52 офицеров, чиновника, 61 канцелярского служащего и 20 человек вспомогательного персонала. В 1856 г. к четырем отделениям прибавилось пятое отделение по частной золотопромышленности в составе 38 человек (30).

Главный и горный начальники вместе с советниками отделений составляли общее присутствие Горного правления (31). Решающим голосом в нем обладал только председатель, все остальные — совещательным с правом предъявления протеста в Кабинет в случае несогласия с мнением начальника заводов. Общие присутствия в первой половине XIX в. были обязательными структурными элементами центральных и местных учреждений России, призванными ослабить негативные последствия принципа единоначалия в управлении. Однако их эффективность была невелика. Коллегиальному принятию решений препятствовал совещательный

характер большинства присутствий и служебная зависимость его членов от председателя.

Общее присутствие Кузубово-Воскресенского горного правления являлось окончательной инстанцией для решения подавляющего большинства финансовых, хозяйственных, технических, административных и судебных вопросов, касавшихся деятельности горно-металлургических предприятий и населения округа. Все его компетенции находилось окончательное утверждение приговоров военных судов, если по одному делу привлекалось более 9-ти человек или обвиняемый был дворянином. В таком случае они рассматривались Кабинетом, с 1830 по 1855 гг. Департаментом горных и соляных дел Министерства финансов. Приговоры о лишении чинов и дворянства утверждались императором. Реформой 1822 г. лишила Горное правление судебной и частично полицейской власти в приписной деревне.

Отделение рудников и заводов Горного правления осуществляло общее руководство горно-металлургическим производством, мастерскими, работными людьми, урочными служителями. В подчинении у него находились восемь Горных контор (Барнаульская, Звенигородская, Салавская, Локтевская, Павловская, Сузунская, Томская, Колыванская). Они заведывали пятью заводами, одной штамповальной фабрикой, двумя кружками горно-промышленными районами: Звенигородским и Салавским, на территории которых располагались три завода, серебряные и медные рудники. Структура Горных контор имела сходство с Горным правлением, подразделяясь на общее присутствие и канцелярию. Общее присутствие формировалось из управляющего конторой, его помощника и дополнительных членов по назначению начальника завода.

Кроме чисто производственных вопросов общее присутствие рассматривало мелкие споры, распри между рабочими, кражи до 20 руб., первый побег и следственные дела по уголовным преступлениям мастеровых, работных людей, урочников (32). Оно могло вынести по угодным делам окончательный приговор, ограничиваясь административными наказаниями, или передать их через Горное правление в военный суд. Так называемые административные наказания общего присутствия Горной конторы были довольно разнообразны и жестоки: розги, палки, помещение на одну-две недели в исправительную казарму для вынуждения работ под конвоем, перевод с одного завода, рудника на другой, на более высокого рабочего разряда в низкий, урочников в горнорабочие, чагравление на золотые промысла. К услугам администрации Горных контор были подчиненные им гауптвахты, тюрьмы, исправительные казармы.

Непременной принадлежностью Горной конторы являлась горная пельция. Она оказывала помощь заводской администрации

исполнения назначенного наряды металлург. действий в соответствии с интересами Кабинета. Полиция обеспечивала порядок в местах наибольшего скопления мастеровых в г. Барнауле, и особенно при заводах, рудниках, золотых промыслах, проводила следствие по уголовным преступлениям мастеровых, рабочих людей, зрочных служителей и содействовала хозяйственным учреждениям в понуждении феодально зависимого населения к заводским работам. Заменяя губернскую коллегию и горнозаводских центрах, она усвоила ее многочисленные права и обязанности, которыми пользовалась либо самостоятельно, либо делала с Горной конторой. Барнаул занимал второе место в Томской губернии по размеру полицейской части, не считая и своем составе в 20—50-е гг. XIX в. от 83 до 109 человек. В 1855 г. отли полицейский приходился на 93 жителя г. Барнаула, в г. Томске на 45 человек. Среди горнозаводских поселков выделялся Змеиногорский, где охрану порядка обеспечивали от 5 до 12 полицейских во главе с частным приставом и 32 будочника, несшие караульную службу. Самые маленькие полицейские команды из 9—12 человек содержались при Кольчанской фабрике, Гурьевском, Гавриловском заводах (33).

При трех крупных Горных конторах с декабря 1818 г. действовали постоянные комиссии военного суда: Барнаульская, Змеиногорская и Салаирская, первая из которых возникла еще в 60-х гг. XVIII в. (34). Военно-судные комиссии были ведомственными судебными учреждениями, подчиненными Судному отделению Горного управления. Печальную известность они получили своим суровыми приговорами, в которых жестокость телесных наказаний (шпигиретны, кнут) сочеталась с соблюдением хозяйственного интереса (возмещение времени, приведенного в бегат, работой под надзором, удлинение срока службы). Военно-судные комиссии комплектовались начальником заводов из горных офицеров, чиновников, выдвигали предписания Горного управления, которые определяли какие уголовные дела заводского населения подлежат судебному разбирательству, и посылали вынесенные по ним приговоры на утверждение в Горное правление и главному начальнику заводов. Сосредоточение у одних и тех же лиц административной и судебной власти было одной из характерных черт горнозаводской системы управления.

Заведывание производством на заводах и рудниках Кольчанско-Воскресенского округа поручалось управляющим предприятиями под надзором Горных контор. Совместно с приставами надзирающими работ, комиссарами привахта и привахов, надзирателями цехов, мастерами, нарядниками они входили в низовую администрацию, формируемую преимущественно из тех же мастеровых. Она занимала промежуточное положение между Горной конторой, с одной стороны, и производством — с другой. В ее обязанности

входило руководить отдельными производственными участками, следить за выполнением мастерскими заданий, требовать от них исправной работы и в случае необходимости накладывать прямо на рабочем месте (36).

Административная цепочка учреждений и лиц, начиная с главного начальника окружного управления и заканчивая мелкими цеховыми служащими, использовалась как средство принуждения мастерских, рабочих людей и урочников к исправному выполнению заводских повинностей. Поэтому каждое звено этой цепочки наделялось не только хозяйственной властью, правом надзора над волжскими органами, но также полицейскими и судебными полномочиями.

Во власти администрации Горных контор находилось приписное население округа во время выполнения им вспомогательных заводских работ. Однако будучи жителями сельской местности, приписные крестьяне значительно меньше испытывали на себе влияние заводского начальства. Они имели органы сельского и волостного самоуправления, которые не только исполняли распоряжения горных офицеров и чиновников, но и пытались отстаивать интересы крестьянских обществ.

Как уже отмечалось, степень административной зависимости сельского приписного населения от горного начальства в течение второй половины XVIII — первой половины XIX в. была различна: от минимальной в 1779—1785 гг. до максимальной в 1797—1822 гг. Сибирская реформа 1822 г. попыталась несколько ослабить административную узду горных властей, передав губернским чиновникам судебные и частично полицейские полномочия в управлении приписными крестьянами.

Однако результат не оправдал возлагаемых на двойное подчинение надежд. Введенным с 1824 г. депутатов по делам приписных крестьян был установлен контроль горной администрации за ходом следствий в полицейских органах и деятельностью губернского и окружных (уездных) судов (36). Депутаты свидетельствовали своей явкой о правильности допросов приписных крестьян, следили за порядком следствия, доносили о его результатах в Горное правление. В случае несогласия с решением гражданской полиции они могли через Горное правление добиться его пересмотра. Депутаты наблюдали за судопроизводством, присутствуя в окружных (уездных) и губернском судах при разборе исковых гражданских и уголовных дел приписных крестьян. Такое отношение к судебным приговорам они сообщали в Горное правление, которое обладало правом «предъявления протеста» в вышестоящие инстанции. Должностью депутата завала кабинетским чиновникам еще одно преимущество. Считалось, что депутаты, подчиненные Горному правлению, ревизуют полицейские дела по волеям приписных крестьян и поэтому нет необходимости допускать в горный

округ для ревизий губернского прокурора и подчинившим ему окружающих уездных урядов.

Распространением в 1822 г. на колывано-воскресенские приписанных крестьян правил судопроизводства, действовавших в уездном ведомстве, сибирская реформа запретила им лично или через посредников обращаться в суд. Холатаями по судебным делам крестьян становились депутаты и чиновники Горного правления (37).

Итак, лишь Горное правление судебных полномочий по делам приписанных крестьян, реформа 1822 г. предоставила ему широкие возможности контроля за деятельностью гражданских полицейских и судебных учреждений.

Другим черновиком сибирской реформы М. М. Сперанского стало дозирание губернской администрации права возбуждения уголовных дел и проведения предварительного следствия по ним. Такой порядок полицейского управления действовал непродолжительное время. Скопление большого количества перенесенных следственных дел по восточным приписанным крестьян в окружных (уездных) полицейских органах — земских судах привело к тому, что в 1828 г. губернское начальство под давлением выявленных государственной ревизией негативных факторов вынуждено было вновь поручить следствия заводским служащим — земским управителям (38).

Таким образом, и после реформы 1822 г. наибольшее влияние на приписанную деревню имел Колывано-Воскресенское горное правление и земские управители. Компетентца Горного правления и его второго отделения свидетельствует, что оно выполняло в восточных приписанных крестьян функции высших органов власти губернии: Губернского правления и Казенной палаты и контролировало деятельность гражданских судебных учреждений.

Непосредственное заведывание приписанной деревней Горное правление осуществляло через земских управителей. Они являлись агентами горного начальства на местах, ревностными защитниками интересов Кабинета, т. к. их продвижение по службе, оклады содержания, поощрения и наказания находились в компетенции ведомственных горнозаводских учреждений. Земским управителям принадлежала вся полнота хозяйственной власти в крестьянских волостях и за исключением 1824—1827 гг. весь набор полицейских полномочий (39). Территория Горного округа делилась на 10 земских управительств, которые существовали наряду с общегосударственными окружными (уездными) устройствами. Каждый округ (уезд) состоял из двух или трех земских управительств. Группировка крестьянских волостей по более мелким, чем уезд, административным единицам соответствовала интересам Кабинета, создавая более благоприятные условия для контроля земских

управляясь за сельским населением и усиливая их оперативность в решении хозяйственных и волостных задач.

Главной гарантией уменьшения количества губернских чиновников по внутренним делам Колывано-Воскресенского горного округа служила прямая служебная зависимость томского губернатора от Кабинета (с 1830 по 1855 гг. — Министерства финансов). Концентрация власти в руках одного человека путем совмещения должностей за более чем сорокалетний период своего существования (1822—1864 гг.) доказала пагубность подобного способа разрешения накопившихся в регионе проблем и явилась образчиком бюрократических манипуляций, престолюющих целью сохранения и неизменной силе сложившихся административных порядков, от которых страдала экономика Томской губернии и ее население.

Созданная при господстве принудительного труда административная система управления Колывано-Воскресенским горным округом действовала хотя и с напряжением, но безотказно вплоть до отмены крепостного права в 1861—1864 гг. Ее успешное функционирование обеспечивалось особым положением сереброплавильной промышленности среди других отраслей экономики Томской губернии, когда природные и людские ресурсы края обслуживали преимущественно потребности горнозаводского хозяйства Кабинета. Стоило освободить население от феодальных повинностей, изъять его из ведения горной администрации, лишить ее прежних неотраченных Полочных в управлении губернией, как система стала давать серьезные сбои. Глубокий кризис цветной металлургии Алтая 70-х — начала 80-х гг. XIX в. повлек логическим итогом консервации дореформенных порядков, принципов, методов организации горнозаводского производства и управления им в новых условиях хозяйствования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. подробнее: Жидков Г. П. Кабинетское земледелие (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 52—60, 87—96.
- 2 Полный собрание законов Российской империи [в дальнейшем ПСЗ] т. 32, № 9403.
- 3 Там же. Т. 22. № 14196.
- 4 ПСЗ. Г. 5. № 3604; Т. 30. Одд. 1. № 29345.
- 5 Голубев П. Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономики и гражданского развития дореформенного горного округа Томск, 1890. С. 382.
- 6 См. подробнее: Агапова Т. И., Изгачев В. Г. и др. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII — середине XIX в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середине XIX в.). Новосибирск, 1982. С. 83—87, 89—93; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 56—57, 63—64 (численность мастеровых и рабочих людей дана с учетом вчетверо из нее урочных служителей).
- 7 Агапова Т. И., Изгачев В. Г. и др. Указ. соч. С. 87—88; Государственный архив Алтайского края (в дальнейшем ГААК), Ф. 2. Оп. 3. Д. 1021. Л. 1—10.

11. ГААН. Ф. 2. Оп. 10. Д. 270. л. 92—92 об.
12. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 428—429; ИСЭ Т. 29 № 27479.
13. Жидков Г. П. Указ. соч. С. 103.
14. См. подробнее: Борблин Е. М. Участие сибирской администрации в управлении ведомством Копыдино-Воскресенских заводов в 1747—1779 гг. // Проблемы истории дореволюционной Сибири Томск 1989 С. 43—53.
15. ПСЗ. Т. 20. № 14804, 14868, 14892, 15034; Т. 21. № 15415, 15297, 15314.
16. Там же; Т. 22 № 16206, 16312; Т. 23 № 16913; Т. 24. № 17567, 17662, 17975, 18129.
17. Центральный государственный исторический архив СССР (в дальнейшем ЦИА). Ф. 468. Оп. *8. Д. 639. Л. 4—12; Прутьенко С. Сибирские окрестки. Т. 2. СПб., 1859 С. 47.
18. Прутьенко С. Указ. соч. С. 49—50.
19. ПСЗ. Т. 38. № 29124.
20. См.; Соболева Т. Н. Об управлении городами и горнозаводскими поселками Копыдино-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в. // Города Алтай (Эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986 С. 105—110.
21. ГААН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3223. Л. 68.
22. ПСЗ. Т. 38. № 29124; 2-е ПСЗ. Т. 38. Отд. 1. № 39995; Автобиография А. О. Дюгамеля УИИ—ЖК // Русский архив. 1885. № 7. С. 422.
23. ЦИА СССР. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 588. Л. 199—214.
24. 2-е ПСЗ. Т. 3. № 1960. § 299; Т. 6. № 4775.
25. Там же. № 1960. § 99; ПСЗ Т. 36 № 29125. § 158, 159.
26. Восточные обозрения. 1882. № 7. 19; 1893. № 6; Неделя. 1881 № 40, 42; Сибирская газета. 1881. № 3 Сибирь. 1878. № 24. 26.; Страна 1881 № 67.
27. 1-е ПСЗ. Т. 8. Отд. 1. № 5902; Т. 31. Отд. 2. № 30790.
28. ЦИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 681. Л. 2—12.
29. 2-е ПСЗ. Т. 5. № 3604; Т. 10. Отд. 2 № 6629. § 5.
30. Там же. Т. 3. № 1960 § 35—36.
31. Автобиография А. О. Дюгамеля. С. 422.
32. ЦИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 639. Л. 7—7 об.
33. 2-е ПСЗ. Т. 3. № 1960. § 15—34; Т. 24. Отд. 2 № 73263 С. 80—81; Т. 31. Отд. 2. № 30790.
34. Структура горного правления и горных контор обстоятельно представлена 2-е ПСЗ Т. 3 № 1960 § 9. 13—14, 17, 45—52, 58—69.
35. ГААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Зобнин Н. Мастерские Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. Кн. 2. СПб., 1892. С. 33—36.
36. ЦИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 641. Л. 3. 6; ГААН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 194. Л. 837—842; Оп. 10. Д. 65. Л. 27, 38, 56—57; Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф. 3. Оп. 2. Д. 633. Л. 31 об.—32, 51 об.—52, 99—102, 169 об.—170, 223 об.—225; 2-е ПСЗ. Т. 24. Отд. 2. № 73263 С. 86, 103, 116.
37. ГААН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2161. Л. 69. 2-е ПСЗ Т. 3. № 1960. § 27—28, 208—221; Зобнин Н. Указ. соч. С. 37—39.
38. Зобнин Н. Указ. соч. С. 31.
39. ЦИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 729. Л. 41—42; ГААН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2603 Л. 74, 80—82; Ф. 2. Оп. 2. Д. 463 Л. 76—86.
40. ПСЗ. Т. 32. № 25360; 2-е ПСЗ. Т. 3. № 1960. С. 137.
41. ЦИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 81. Л. 1—10. 14—15 об., 19.
42. 2-е ПСЗ. Т. 3. № 1960. § 10, 21—72, 325—341; ПСЗ. Т. 38. № 29125. § 88—98.

ИЗ ИСТОРИИ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛИ НА АЛТАЕ

(вторая половина XIX в.)

Известный общественный деятель, сибирский областник Н. М. Ядринцев, посетивший Алтай в 1878 г., назвал Барнаульский, Бийский и Кузнецкий округа «житницей Западной Сибири» (1). Хорошими урожаями алтайские земли славятся издавна. Но до реформы 1861 г. развитие хлебной торговли было ограничено. Алтайский округ являлся собственностью царской семьи и управлялся от ее имени Кабинетом и местной администрацией. Экономика округа носила горнозаводской характер. Основной доход своему владельцу приносила сереброплавильная промышленность.

Практически все крестьянское население было приписано к заводам и рудникам, где выполняло различные работы, и куда с 1750—52 гг. обязано было поставлять провиант, в том числе муку и зерно. Свободная продажа хлеба разрешалась только после того, как выполнены были по относительно невысоким ценам эти поставки (2).

Коренным образом изменила сложившееся положение реформа 1861 г. Крестьяне освободились от личной зависимости, стали арендаторами кабинетских земель. В начале пореформенного периода наблюдался быстрый рост посевных площадей. Закон от 30 июля 1865 г. разрешил ранее запрещенное переселение в Алтайский горный округ крестьян из Европейской России. В 60—70-е годы XIX в. сюда прибыло более 25 тыс. душ мужского пола. В 80—90-е гг. на Алтай переселилось более полумиллиона человек (3).

Кабинет рассчитывал решить за счет вновь прибывших проблему рабочей силы на заводах и рудниках, но крестьянские семьи чаще предпочитали сельскохозяйственные занятия. Стали быстро расти закладки переселенцев, они привезли на Алтай новые сельскохозяйственные культуры. С 80-х гг. XIX в. начинают вводиться усовершенствованные орудия труда: веялки, молотилки, отвалы, плуги.

К этому времени горнозаводское хозяйство окончательношло в упадок. И Кабинет переориентировал свою политику. Началось свертывание горной промышленности. Развитие же сельского хозяйства всемерно поощрялось.

В результате в пореформенные годы на Алтае стали образовываться значительные товарные излишки хлеба. По производству зерна на одного жителя алтайского округа превосходили не только центрально-черноземные, но и южные степные губернии Евро-

либкой России. В 1879 г., по расчетам местных властей, в Алтайском крае крестьяне могли продать 1,7 млн. четвертей хлеба (или 1 четверть приходился на 5,5 до 9,5 пудов в зависимости от вида зерна) (4).

Необходимость нести возросшие денежные повинности — освобождение от заводских работ крестьяне должны были выплачивать оброк размером в 6 руб. с «мужской души» — стимулировала развитие торговых операций. Деньги были нужны и для того, чтобы купить товары, которые крестьянин не производил в своем хозяйстве: фабричную одежду, обувь, керосин, соль и проч.

В пореформенский период значительно увеличился спрос на хлебные продукты. Муку покупали растущее городское население, лирическая беднота, часть переселенцев, не успевших еще обжиться на новом месте. Золотые прииски, заводы и рудники также представляли стойкий спрос на хлеб. Овес требовался для обеспечения извозного промысла. Развивалось винокурение, нуждавшееся в зерне и качестве сырья.

В 60—70-е гг. XIX в. на территории Алтайского горного округа уже имелась разветвленная сеть пунктов, куда крестьяне свозили на продажу зерно и муку. Она включала в себя ярмарки, базары городов, пристаней, прииски, горные и винокуренные заводы, рудники, кручатые мельницы. География таких пунктов была довольно широка.

Так, для Барнаульского округа ими были г. Барнаул, села Бердское, Колыванское, Крутиха, Павловский серебряноплавильный и Сузунский медноплавильный заводы, а также кручатые мельницы Платонова в Белоярской волости, Васильева и Богомолова в Ордынской волости. Для Бийского округа г. Бийск, села Искручий Исток, Усть-Чарышское, Усть-Каменское, Исток, Колыванское, Енисейское, Смоленское, Катунское, а также станция Алтайская (Котан-Карагай), Миусовский стан Улала, Змеиногорский серебряноплавильный завод, Зыряновский и Риддерский рудники и винокуренный завод Платонова и Судовской близ г. Бийска (Иткульский) (5). В одном и том же населенном пункте могли функционировать в разное время ярмарка и претать (т. е. Бердское), ярмарка и базар (Сузунский медноплавильный завод).

Однако местный рынок был слишком узок, чтобы поглотить все излишки алтайского хлеба. В результате зерно с отдельного крестьянского двора проделывало далекий путь — от ближайшего пункта продажи до более отдаленных, за пределами округа.

Огромные сибирские расстояния, бездорожье, необходимость транспортировки крупных партий зерна, чтобы окупить перевозку, придало своеобразную фигуру торговому скупщику. Сведения о торговле хлебом Барнаульского волостного управления от 6 марта 1896 г. дают представление о социальном составе скупщиков хлеба (6). Здесь бийские купцы Меркулев, Вертков и запасной

унтер-офицер Солон Злобин, крестьяне Шкиза и Василий Чумов и солдатская вдова Кееня Трифинова, оставшая владетельницей Зинювыя и приказчик бийского купца Морозова мешавший Сергей Шутов. Естественно, что масштабы их торговой деятельности были совершенно различны. Они варьировались от скупки у одного сельчанина до торгового контроля над целыми районами.

В пореформенный период на Алтае в больших размерах производили закупку зерна купцы Сухов, Иконников, Грязкив, Платонов, Федулов, Сбитнев, Родюков, Морозов, Кайманович. Так, бийский купец А. Ф. Морозов в 1896 г. имел два склада для временной ссылки хлеба в д. Усть-Чарышской, один в д. Усть-Чарышская Пристань, три — в с. Быстрый Исток. Торговую деятельность от его имени вели в ряде деревень приказчики этого купца. Специально для перевозок хлеба А. Ф. Морозов имел два парохода «Петр» и «Второй» (7).

С одной стороны, деятельность скупщиков активизировала хлебную торговлю, позволяла алтайскому зерну поступить на более отдаленные рынки. Однако непосредственный производитель зачастую был вынужден продавать свой продукт по ценам ниже рыночных, так как условия сделки диктовал скупщик.

Существовала и другая негативная сторона института скупки — чрезмерный вывоз зерна и муки из ряда районов. В таких случаях изобилие оборачивалось недостатком и даже голодом, ростом цен.

Так, 29 января 1884 г. Бийская городская дума постановила запретить оптовую скупку на базаре «жизненных припасов» до окончания розничной торговли. Подобное решение объясняло следующим образом: «... переселенцы ... для пропитания должны покупать ... хлеб и другие жизненные потребности на базарной рынке, существующим для дня в неделю — по пятницам и субботам, где стали появляться скупщики и прасолы и скупать с базара с первых рук все привозимое крестьянами для продажи: муку, хлеб в зерне и прочее съестное ошм» и возмни во золотые промыслы и в другие местности с вывозом из города на спекуляцию» (8).

Однако одно из губернских (во городском деле) присутствий отметило данное постановление. Дума направил жалобу в Присутствующий Сенат. В результате томский губернатор специальным циркуляром от 7 июля 1884 г. поставил в известность бийского городского голову, что дело решилось в пользу думы (9).

О том, что аналогичные случаи имели место и в других крупных центрах торговли, свидетельствует эмоциональная публикация в «Сибирской газете» 1885, № 12: «г. Барнаул, 20 марта. Здесь в настоящее время самым жизненным вопросом является хлебный. Цены на хлеб стоят высокие, так что бедный класс населения начинает жить впроголодь. Появилась масса нищих. Воздорожание тор

хлеба находится в прямой зависимости не от недостатка, а единственно от усиленного закупа его нашими кулаками (10). Скуп хлеба производится не только по деревням, но кулаки имеют настолько захвата, что образовали заставы в двух-трех верстах от города, где сподручные их архаровцы сторговывают хлеб ... В последнее время хлеб бесстыдно скупили хлеботорговцем Бер-жом на самом базаре, так что выпадали очень не редкие дни, когда на базарной площади не было ни одного воза хлеба» (11).

Однако в целом алтайский крестьянин второй половины XIX в. нуждался в дополнительных рынках сбыта для своего зерна. Именно в пореформенный период эти рынки начинают активно расширяться.

Значительная часть алтайского зерна в 60—90-е гг. XIX в. поступала на винокуренные заводы, расположенные вблизи г. Томска (в начале 90-х гг. винокуренные заводы Томской губернии потребляли от 1 до 2 млн. привозимых с Алтая зерновых (12), и томские золотые прииски. Так, например, в г. Томск сплавлялось баржами по рекам Оби и Томи зерно, закупленное в с. Бердском. Более мелкие партии перевозились на лодках, принадлежавших мешакам и мелким торговцам. Между с. Бердским и Томском лодка могла сделать 4—5 рейсов в лето (13).

Артели крестьян Сростенской и Смоленской волостей Бийского округа сплавляли пшеницу до г. Томска на баржах грузоподъемностью до 15 тыс. пудов (14). На продажу в г. Томск была ориентирована скупка зерна в селах Гирсейском на р. Бие, Усть-Каменском Истоке, г. Кузнецке.

Зимой грузовое движение продолжалось на лошадях. Так, в 1884 г. колыбаевский кузнец П. Н. Кайчанович закупил в Бердской волости Барнаульского округа 13 тысяч пудов зерна и увез по зимней дороге в г. Томск (стпикость провоза 13—14 коп. за пуд) (15).

Хлеб из Алтайского округа сплавлялся по Оби в Нарым и северные округа Тобольской губернии: Березовский, Туринский, Тюменский, Тобольский. В 1884 г. только в одной Бердской волости Барнаульского округа было закуплено и вывезено в Тобольскую губернию до 400 тыс. пудов ржи. В начале 90-х гг. XIX в. не менее 1 млн. пудов хлебных грузов, доставляемых с верховьев рек Оби и Иртыша, расходилось по Тобольской губернии (16).

Алтайские крестьяне, проделывая иногда путь в 200—300 верст, возили хлеб на продажу в города Павлодар, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Каниск. В Каниске, например, владельцы мельниц предпочтительно закупали пшеницу, привозимую из Барнаульского округа, так как при переработке она давала крупчатку высшего качества по сравнению с барабинской пшеницей. Поскольку порога из Барнаульского округа к Павлодару шла через занимае-

ную «киргизами» (современное название национальности — казахи) территорию, то часть хлеба продавалась в Киргизской степи.

По Оби и Чулыму партии зерна из Алтайского округа отправлялись в Бирляюсс, Ачинск. Из Бирляюсс они переносились дальше по Енисейско-Бирляюсскому тракту до г. Енисейска (стоимость провоза 18 коп. за пуд) (17).

Удешевить эти перевозки могло бы открытие Обь-Енисейского канала. Работа на нем началась в 1883 г., но до конца века так и не завершилась. Группа енисейских промышленников и торговцев, заинтересованных в доставке хлеба и других грузов более дешевым путем, в 1887 г. выделила средства на строительство дамбы гужевой дороги от Мелеика, расположенного на берегу Чулыма, 100 верстами ниже Бирляюсс, до Енисейска. По этому пути была вырублена просека, построены зимовья для ямщиков, а в 1888 г. провозен первый груз. Стоимость провоза составляла 15 коп. с пуда. Однако дальнейшее улучшение пути — проект предусматривал железную или конную дорогу — не проводилось.

Алтайский хлеб являлся продуктом вывоза за границу в Китай и Монголию по Чуйскому торговому пути. Эта дорога проходила в основном по горной, труднодоступной местности. Особенно опасным был участок от Онгудам до Кош-Агача, где местами узкая тропа шла по карнизам береговых утесов. Монополию на торговлю с Монголией и Китаем удерживали бийские купцы, так как они занимались скотоводством в Горном Алтае и имели смешных лошадей.

Однако доля зерновых в общем объеме выставляемых в эти страны товаров была незначительной. Известный общественный деятель, областник Г. П. Потанин, являвшийся из экспедиции в Северо-Западную Монголию, писал: «Муки и проса привозятся в Кобдо мало, и между тем можно было бы доставить этому товару большой сбыт в крае, если бы вывозная перевозка была заменена тележной» (18).

Возможности же провоза вывозным способом такого тяжелого и громоздкого товара, как зерно и мука были ограничены. С другой стороны, подобное состояние торгового пути приводило к expensive, дорожному явлению хлебных продуктов на местах доставки. Так, в 1896 г. сибирские купцы продавали в Северо-Западной Монголии пшеничную муку и ячмень по цене 1 руб. 50 коп. за пуд овес — 1 руб. за пуд, в то время как цена пуда овса в 1895—1896 году по Бийскому округу была 19—21 коп., а пуда пшеницы — 24—26 коп. (19).

На рубеже 70—80-х гг. XIX в. предпринимались активные попытки организовать вывоз сибирской, а в том числе алтайской пшеницы, в Англию через Северный морской путь (20). В 1879 г. купец А. К. Транзелиншиц отправил в Лондон с грузом пшеницы, сала и спирта три построенных им в Тюмени судна «Надежда»,

«Обь» и «Тюмень» в сопровождении парохода «Луна». Экспедиция кончилась неудачно, все суда погибли. После этого пароходовладельцы М. Е. Фукс и А. Штербакер отправились в Лондон, зафрахтовали там четыре парохода и направили их из Гулли в устье Оби с грузом английских и французских товаров. Навстречу им из Барнаула и Бийска вышел пароход Тюфина с баржами, вместившими 220 тыс. пудов пшеницы. Предполагался обмен грузами. Но английские пароходы не смогли преодолеть Карское море из-за большого количества льдов. Сибирские суда, прождав в Обьской губе две недели, вернулись в Тюмень. Эти отрицательные примеры удерживали сибирское мужичество от повторных попыток на протяжении более чем 15 лет.

В 1897 г. Англо-сибирская торговая компания организовала экспедицию в Обскую губу с целью доставить свои товары в Тынск и Тюмень. В этих сибирских городах предполагалось закупить пшеницу, шпек и другие сырьевые продукты. С Англо-сибирской компанией заключили соглашение пароходовладельцы П. И. Игнатов, П. И. Корнелиус, Э. Р. Вардроппер. Всего англичанам было продано хлеба около 180 тыс. пудов, из них 60 тыс. пудов овса по цене 30—35 коп. пуд и 120 тыс. пудов пшеницы по цене 90 коп. пуд. Сибирские пароходовладельцы за свой счет привозили проданный груз в бухту Находка. Кулешный Англо-сибирской компанией товар был успешно доставлен в Англию. Однако отмена министерством финансов права беспошлинного вывоза иностранных товаров в Сибирь по Северному морскому пути не дала возможности хлебной торговле через устье Оби утвердиться и стать регулярной.

Особое значение для развития торговли зерном на Алтае имело открытие емкого рынка для сибирского хлеба со строительством Уральской ж. д. (Екатеринбург — Тюмень). Грузопоток из верхорья Оби по рекам ее системы к станциям Тюмень и Тура, а затем по названной магистральной в паркозаводские округа Среднего Урала, Западный Урал и Печору, стал наиболее регулярным и значительным по объему. Торговое движение по Екатеринбург—Тимелевской ж. д. открылось с 1881 г. В 1889 г. впервые на станцию Тюмень был осуществлен алтайский хлеб (21).

Особенно большой вывоз хлеба из Сибири наблюдался в начале 90-х годов XIX в. в связи с разразившимся голодом в 22 европейских губерниях. В 1892 г. со станции Тура было отправлено 3,93 млн. пудов хлебных грузов, что составило 80 прок. общего объема перевозок. В 1892 г. эта цифра увеличилась до 6,66 млн. пуд. В 1893 г. она составляла 4,74 млн. пуд. (22).

Целый ряд источников свидетельствуют и том, что в 90-е годы XIX в. именно алтайское зерно и мука составляли основную массу отпуски сибирского хлеба за Урал. Так, «Сибирский листок» от 15 августа 1896 г. сообщал, что зерно для вывоза по Екатеринбург—Тюменской ж. д. поставляли главным образом три хлебо-

родные округа Томской губернии: Барнаульский, Бийский, Кузнецкий (23). Кроме этого, значительные по объему хлебные грузы сплавлялись на станцию Тура Уральской ж. д. и по системе Иртыша из Семипалатинского округа. Но следует учесть, что немалая часть пшеницы с Алтая вывозилась на Иртышские пристани и могла перекупаться в Семипалатинске и Павлодаре для отправки в Туру.

В 90-е гг. XIX в. по Оби и ее притокам окончательно сложилась система пристаней со складами на берегу. Наиболее крупными из них были города Бийск, Барнаул, села Пристань, Меллабылха, Камень, Спирно, Атаманов, Бердское, Кривощеково, Усть-Чарыш.

Благодаря хлебной торговле по заказанию Г. Н. Потанина, некоторые села — Бердское, Камень, Усть-Чарыш выросли в селения с 10—15 тыс. жителей (24). Так, например, деревня Усть-Чарыш служила главным сборным и отпусковым пунктом пшеницы, закупочной по рекам Чарышу и Алейю для Томска и Тюмента. В середине 90-х гг. здесь покупалось до 2 млн. пудов ежегодно (25).

Цены на хлебную продукцию того времени существенно варьировались: географически, погодно и сезонно. Географически величина цены зависела от близости данной местности к крупным торговым центрам и хозяйственной конъюнктуры на них. Так, например, винокуренный завод Платонова в Судовской до известной степени регулировал цены на рожь в ближайшей местности посредством усиления покупок или, наоборот, приостанавливая их. Такое положение было возможным, поскольку завод являлся единственным крупным потребителем ржи в этом районе.

Годичные вариации цен зависели от урожаев и запасов зерна прошлых лет. Сезонные цены делились на более низкие — осенние и зимние, когда урожай был недавно собран и имелся запас и более высокие — весенние и летние, когда эти запасы иссякали. В целом механизм складывания цен на хлебную продукцию на Алтае во второй половине XIX в. можно назвать рыночным, поскольку главным регулятором ценнообразования было соотношение спроса и предложения.

Косвенно влияла на уровень цен и политика правительства. Так, например, повышение стоимости привоза хлеба по Уральской ж. д. в 1893 г. («хлебный тариф») с 8 до 10,35 коп. на расстояние от Туры до Екатеринбурга и с 12 до 17,40 коп. от Туры до Перми привело к значительному сокращению объема перевозок (26). Рынок отреагировал на искусственное снижение спроса падением цен. Зимой 1892/3 года в Барнауле покупали пшеницу по 60—70 коп. пуд, в 1894—95 — 35—40 коп. пуд, зимой 1895—96 — 27—30 коп. пуд.

В целом, за порефирменный период товарность алтайского зернового хозяйства увеличилась в 2 раза и к концу века состав-

Для приблизительно 8—9 млн пудов зерна, а в отдельные годы значительно превышала эту цифру. Но данные о наличии чистого остатка (в 80-е гг. он равнялся 13 млн пудов, а в начале 90-х гг. — 16 млн пудов) показывают, что Алтай располагал еще значительным резервом дальнейшего роста товарности земледелия округа (27).

Образно говоря, была создана «предстартовая площадка» того периода, который пережило зерновое хозяйство Алтая в начале XX в. после введения в строй Великой Сибирской ж. д., экспансии которой придали более организованные формы всем торговым операциям, открыла широкое емкие рынки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цив. до: Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Под ред. П. А. Колубева. Томск, 1890. С. 43.

2. См. Жеравина А. И. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского ведомства в Сибирь (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Томск, 1985. С. 109—139.

3. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 136.

4. Крестьянство Сибирь в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 70.

5. См.: Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. / Составитель Н. Ваганов. СПб., 1886. 205 сч.

6. ГАДК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4. Л. 99—103.

7. ГАДК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 109 об.; Восточное обозрение. 1890.

2) сент.

8. ГАДК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 3. Л. 8—9.

9. Там же. Л. 11—12 об.

10. Слово «нулеки» здесь употреблено в его первоначальном значении. В слогаре Дельбюэ трактовалось как «нулеци» — суртук, нумушкин обменом, обчетом и обмером». Поэтому нулеком во второй половине XIX в. можно назвать любого, занимающегося спекуляцией и обменом.

11. Сибирская газета. 1885 № 12.

12. Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986. С. 83.

13. Алтай. Историко-статистический сборник ... С. 121.

14. Хозяйственно-статистическое описание, С. 161.

15. Сибирская газета. 1884 № 20.

16. Сибирская газета. 1884. № 20; Сибирский листок. 1896. № 23.

17. Восточник С. Обь-Енисейский канал и внутренний водный сибирский транзитный путь. // Сибирские вопросы. 1906 № 2. С. 21.

18. Потанин Г. И. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. С. 75.

19. ГАДК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 9: Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 год. Барнаул, 1897. С. 112. Приложение.

20. Сибирский торговая газета. 1897. № 14. № 75.

21. Сибирский листок. 1896 № 76: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 72.

22. Сибирский листок. 1896. № 63; Сибирский листок. 1896 № 76; Волости и населенные места 1893 года Тобольская губерния. Вып. 10. СПб. 1895. С. 190.

23. Сибирский листок. 1896 № 63.

24. Потанин Г. И. Города Сибири. // Сибири, современное состояние и ее прошлое. СПб. 1908. С. 9.

25. Сибирский листок. 1897, 19 экз.

26. Сибирский листок. 1896 № 76.

27. См.: Ивонченко Н. В. Земледелие в Алтайском округе 80—90 годов XIX в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул. 1980. С. 78—80.

МЕЦЕНАТЫ. ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ АЛТАЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА

В последнее время в научной литературе и публицистике все чаще стали появляться работы, посвященные российским капиталистам, в которых делаются попытки выяснить интересы и внутренний мир «деловых людей» России, оценить их вклад в общественную и культурную жизнь страны.

Интерес к этой теме не случаен. Долгие время социальный облик купцов и промышленников воспринимался через призму идеологических догм, в соответствии с которыми их вклад в общественную культуру фактически игнорировался, а участие в культурной и общественной жизни оценивалось отрицательно. В большинстве публикаций на эту тему настойчиво проводилась мысль о том, что интересы предпринимателей лежали в плоскости чисто материальной, а духовные запросы ограничивались «чувственными удовольствиями» и «низкопробными развлечениями» (1).

Не составляли исключения в этом отношении и предприниматели Алтая. Алтайский капиталист характеризовался обычно как «униженный скряга, занятый исключительно своим карманом и своей семьей», который «не читает газет, мало интересуется общественной жизнью» (2).

Насколько соответствовали действительности эти утверждения? Основываясь на архивных документах, свидетельствах современников, материалах периодической печати, попытаемся проследить степень участия местных предпринимателей в общественной и культурной жизни края.

Одной из форм этого участия являлась благотворительность, виды и размеры которой были самыми разнообразными. Традиционным, например, являлась пожертвования в пользу церкви. Многие предприниматели были людьми чрезвычайно религиозными и не просто жертвовали деньги, но и принимали деятельное участие в организации церковной службы, дарили иконы, пели в церковном хоре. Бийский купец М. С. Сычев, например, в течение 18 лет подряд избирался церковным старостой Успенской церкви и считался одним из наиболее уважаемых членов прихода. Он ежегодно выделял средства на содержание церковного хора, приобретал иконы и расшитые серебром парчовые ризы для священника, жертвовал необходимые суммы на ремонт и содержание храма. В 1900 г. он принял самое активное участие в постройке нового каменного здания церкви, истратив для этой цели более пяти тысяч рублей.

Кроме Успенской церкви М. С. Сычев вносил значительные суммы на постройку в Бийске архиерейского дома и церкви при нем,

в 1898 г. пожертвовал 5 тысяч рублей на строительство церкви в г. Томске (3).

Суди по документам, пожертвования в пользу церквей и монастырей являлись обязательной статьёй расхода практически всех предпринимателей. Разумеется, не обходилось здесь без ханжества. Говоря словами Г. И. Успенского, некоторым капиталистам жертвы храму божьему успокаивали... душу, сознававшую, что она не очень чиста» (4). Но все же большинство из них делало это в соответствии со своими внутренними убеждениями. Воспитанные в духе религиозных устоев и норм христианской морали капиталисты считали помощь «сирым и убогим» своим нравственным долгом. Это находило выражение не только в пожертвованиях церквям, но и в организации на свои средства ночлежных домов, богаделен и приютов. Примечательно то, что купечество активно участвовало в работе различного рода благотворительных учреждений. Так, из 9 членов Бийского городского благотворительного общества в 1911 г. четверо было купцами (5).

В феврале 1880 г. Барнаульская дума задумала строительство городской богадельни, что с энтузиазмом было воспринято местными капиталистами. Крупице пожертвований в несколько тысяч рублей поступили от В. Д. Сукова, И. И. Пылякова, М. В. Сбитневых и других. В. Д. Сухов пожертвовал кроме того 3 тысячи рублей для организации городской больницы (6).

Большое число частных пожертвований шло на нужды просвещения. Государственные расходы в этой области были минимальны и не удовлетворяли самым скромным требованиям. В 1910 г. в Сибирь на душу населения на нужды образования тратилось в среднем 15 копеек. Результатом такой политики было то, что большинство населения даже в городах было неграмотно. В конце прошлого столетия в Барнауле число грамотных мужчин составляло около 45 проц., женщин — около 24; в Бийске мужчин — около 40, женщин — около 16 проц. (7).

Определенную роль в развитии просвещения играли органы местной самоуправления, однако, как правило, возможности городской казны были ограничены. К примеру, бюджет Бийска составлял в 1900 г. 34529 руб., в 1905 г. — 49713 руб., в 1910 г. — 147695 руб. И если по процентному соотношению учащих к числу жителей Бийск занимал, по словам современника, «видное место в губернии», то, прежде всего за счет благотворительной деятельности местных предпринимателей (8).

Характерно, что большинство капиталистов Бийска, известных своими крупными пожертвованиями на нужды просвещения, имели весьма невысокий образовательный уровень, а некоторые из них были вообще неграмотными. Купчиха Е. Г. Морозова, вносящая немалые средства для развития школьной сети города, до конца

своей жизни не умела ни читать, ни писать, и даже духовное завещание за нее подписал доверенный К. К. Лечки (9). «Поголовно невежественными» были купцы, торговавшие по Чуйскому тракту с Монголией. По свидетельству одного из них, среди «чуйцев» насчитывалось «никак не более десятка людей, кончивших городскую училище, получивших среднее образование вовсе нет. Большинство хозяев и приказчиков едва умеют написать свою фамилию» (10).

Тем не менее, полуграмотные кулцы считали своим долгом не только жертвовать на школу крупные суммы, но и принимать участие в организации дела просвещения. Купец М. С. Сычев в течение 20 лет являлся «почетным блюстителем» городского Фортштадтского училища, «почетным смотрителем» Пушкинского трехклассного училища, а в 1901 г., будучи городским головой, был избран председателем почетельского совета Бийской женской гимназии (11). На этом посту его сменил купец-чужец Н. И. Асизов, которому, по словам современника бийская гимназия «в значительной степени... обязана существованием» (12).

Эти общественные должности предполагали не только участие в заседаниях и председательство на разного рода торжественных актах, но и материальную поддержку учебным заведениям. В 1881 г. М. С. Сычев на свои средства построил «деревянное на каменном фундаменте с железной крышей» здание для Фортштадтского училища, рассчитанное на 100 учащихся, а в 1883 г. пристроил к нему еще одну классную комнату, что в сумме обошлось ему в 6 тыс. рублей. Кроме того, он ежегодно давал деньги на его содержание, что составило за период его «почетного блюстительства» порядочную сумму в 20 тыс. рублей. М. С. Сычев регулярно давал деньги на содержание женской гимназии в Пушкинское училища, а в 1903 г. построил новое здание для Успенской церковно-приходской школы, затратив на это 5 тыс. рублей (13).

Солідные пожертвования на народное образование носили и другие бийские капиталисты. Купец А. Ф. Морозов в начале 70-х гг. построил здание для приходского училища, которое, по словам Г. И. Потанина, являлось одним из первых пяти каменных зданий Бийска. Имея крупные деловые интересы в Барнауле, он оказал существенную помощь образованию здесь в 1884 г. «Обществу попечения о начальном образовании». Как отмечалось в отчете «Общества» за 1886 год, А. Ф. Морозов, «несмотря на его постоянную солидную поддержку, оказываемую им учебным заведениям г. Бийска, ... первый внес видный вклад в кассу нашего общества для организации школы в предместьях города «Заячей» (14). Позже он давал деньги на одежду именуемым ученикам Погорьной школы, на покупку рождественских подарков в конце 90-х гг. пожертвовал 2 тысячи рублей на строительство в Барнауле здания На-

одного дача, уступив по разряду взноса только известному в России петербургскому меценату И. М. Сибирякову.

Не отставали в деле благотворительности от байских капиталистов и предприниматели Барнаула. Живейшее участие в деятельности городского «Общества попечения о начальном образовании» принял купец Василий Никифорович Суков. Войдя в состав членов правления «Общества», он пожертвовал необходимое количество кирпича и известня для строительства Нагорной школы, 400 рублей на приобретение книг для публичной библиотеки. В 1887 г. он приобрел более двухсот аршин трико и ситца для пошива одежды бедным ученикам (15). К сожалению, его помощь оказалась недолгой, в конце 1888 года В. Н. Суков умер. Но после его смерти пожертвовали купеческой династии Суковых не прекратились. Племянники В. Н. Сукова — Василий и Прокопий в 1899 г. построили здание Николаевской школы, затратив на это 10 тыс. рублей, а Василий Дмитриевич дополнительно пожертвовал деньги на учебные пособия для учеников этой школы и фактически в течение полугода содержал ее на свои средства.

Другой барнаульский предприниматель, владелец водопного и мясоваренного заводов И. Ф. Ворсин потратил 10 тыс. рублей для постройки второго этажа здания барнаульской женской гимназии. За свой счет содержал ремесленные классы при городском училище другой внюторговец и заводчик И. К. Платонов (16).

К сожалениям, обобщающих данных о пожертвованных капиталистов Алтая на нужды народного образования не имеется. Однако факты регулярного финансирования учебных заведений местными предпринимателями позволяют говорить об этом как об устойчивой тенденции. С течением времени пожертвованные капиталы на школу и просвещение увеличивались. Являясь хозяевами промышленных и торговых предприятий, они объективно были заинтересованы в том, чтобы иметь грамотный и квалифицированный персонал, способный овладеть усложнявшейся техникой и новейшими приемами организации и ведения хозяйства. Упомянутый купец М. С. Сычев за период с 1876 по 1885 г. пожертвовал на нужды просвещения 6965 руб., в 1886—1895 гг. — 8140 руб., а в 1896—1904 гг. — уже 15620 руб. (17).

Кроме того, пожертвованные стали носить целевой характер. Купцы — «чужацы», испытывая потребность в квалифицированных кадрах для торговли в Монголии, в течение долгого времени добивались права открытия в Бийске коммерческого училища с обязательным изучением монгольского языка и особенностей заграничной торговли. Купец А. Д. Васильев с этой целью встречался в Петербурге с высшими чинами министерства торговли и промышленности, добивался приема у тогдашнего премьер-министра П. А. Столыбина (18). Купец И. И. Асанов выражал готовность по-

жертвовать несколько тысяч рублей для открытия кафедры могольского языка при одном из учебных заведений Вийска (19).

Определенным стимулом для занятий благотворительностью были также надежды капиталистов на благосклонность общественного мнения. Для многих из них это было способом социального самоутверждения, так как возможность заслужить общественное признание своей профессиональной деятельностью была весьма проблематична.

Были среди алтайских капиталистов лица, деятельность которых выходила за рамки общепринятой благотворительности. К их числу можно отнести полковника в отставке Антона Петровича Копылова, которому Вийск обязан одним из красивейших зданий города — Народным домом.

О желательности его постройки в Вийске говорили давно и особенно эти разговоры усилились после открытия Народного дома в Барнауле в декабре 1900 года. В ноябре 1910 г. вийская городская дума обсудила этот вопрос и приняла решение о постройке Народного дома. Но так как средств для этого городская касса не имела, было решено обратиться с ходатайством в Петербург о выдаче казенной ссуды в 50 тыс. рублей с рассрочкой на 25 лет. Понимая, что подобное ходатайство должно иметь под собой веские основания, гласные думы подчеркивали, что постройка Народного дома осуществляется «в увеселительные зрелищельные акты 19 февраля 1861 г., в день его 50-летнего юбилея». Однако даже этот аргумент не оказал воздействия на правительство и, как гласил официальный ответ, министр финансов «не признал возможным удовлетворить вышеозначенные ходатайства».

Казалось, идея несущественна. Но 4 декабря 1912 г. в городскую управу поступило заявление от наследника известного купца-«кушца» П. А. Копылова, отставного полковника А. П. Копылова, в котором он выражал желание финансировать строительство. «Находя, — писал он своем заявлении, — что в г. Вийске простой народ части своего досуга проводит не только бесполезно, но часто и вредно, в целях отвращения народа от пьянства, проведения в среде его посредством чтений, лекций, кинематографов и т. п. здравых нравственных понятий и основных правил общежития и представления ему разумных развлечений, я... выражаю мое согласие дать городу беспроцентную ссуду на постройку Народного дома: для той же цели я готов внести еще 50 тысяч рублей как пожертвование. Имеющие поступать ежегодно взносы по уплате ссуды, я также жертвую на содержание Народного дома» (20).

Таким образом, размер пожертвования А. П. Копылова составил в сумме 100 тыс. рублей. На эти деньги, по мысли жертвователя, предполагалось устроить зал для лекций, народных чтений и показа фильмов, дешевую столовую, городскую общественную библио-

тку и биржу труда. Кроме того предполагалось помещение в котором должна была разместиться воскресная школа для взрослых.

Народные чтения и лекции, по воле жертвователя, должны были быть бесплатными, а плата за чай, обеды и столовый, театральные представления и другие мероприятия «должна была быть возможно низкой, чтобы с ежегодным взносом от городской управы покрывала весь расход для безостановочного функционирования всех упомянутых учреждений и по ремонту дома» (21).

В числе обязательных условий, поставленных А. П. Копыловым, было недопущение продажи в Народном доме никаких спиртных напитков и «всеми мерами должны быть проводимы идеи трезвости и воздержания», а «лица в метрвом состоянии в Народный дом вовсе не должны допускаться» (22).

Заведование Народным домом предоставлялось бытовому «Обществу помещению о народном образовании», а в случае его закрытия — той общественной организации, в задачи которой входило народное просвещение. По желанию А. П. Копылова Народный дом должен был носить имя его дяди — купца П. А. Копылова наследие которого и стало основой финансирования строительства.

Все перечисленные условия А. П. Копылова были приняты городской думой, а сам пожертвователь был избран председателем общественного комитета по строительству. По предложению членов комитета, куда кроме А. П. Копылова вошли представители «Общества помещению о начальном образовании» и три члена городской думы во главе с городским головой Ф. Ф. Доброходовым, Народный дом должен был стать «украшением города», а потому было принято решение строить его в центре Бийска на так называемой Мальцевской площади. Проект здания разработал гражданский архитектор Алтайского округа Н. Ф. Носович.

Весь 1913 г. шла подготовка готовилась проектная документация, закупались материалы, нанимались рабочие. Строительные работы начались в следующем году и, несмотря на военное время, продвигались успешно. Уже в июле 1916 г. в записке городскому голове А. П. Копылова сообщал, что «вся бывшая в распоряжении комитета сумма в 100000 рублей с начисленными процентами и другими поступлениями израсходована и отчет о расходе этих денег со всеми управительскими документами мною представлен специальному комитету для проверки и передачи вместе с домом в распоряжение городского управления» (23).

Народный дом стал центром просветительской работы и культурной жизни города. Несмотря на бурные годы революции и начавшейся затем гражданской войны, здесь регулярно проходили благотворительные концерты, театральные представления, праздники, читались лекции. Актрисы и режиссеры многих театральных кол-

лективов конкурировали между собой, стремясь добиться права ставить спектакли в бийском Народном доме. Только в 1918 г. заявления с просьбой о сдаче Народного дома на театральный сезон поступили из Омска, Тюмени и других городов. В конце концов он был сдан театральной труппе возглавляемой актером Московского Камерного театра В. В. Гардениным, который, по оценке бийской городской управы, «выявил стремление поднять театральное дело на должную высоту, как в смысле художественной постановки спектаклей, так и их содержательности» (24).

Не были чужды златыйским предпринимателям и интересы науки. Определенный вклад в развитие отечественного востоковедения внесли бийские купцы, торговавшие в Монголии. Они содействовали снаряжению научных экспедиций, сами сопровождали их в качестве проводников и переводчиков, выполняли различные поручения ученых, собирали экспонаты и целые коллекции для музеев России. В записках и отчетах экспедиций Н. М. Пржевальского, Г. П. Потанина, А. М. Позднеева, П. К. Козлова и других востоковедов можно встретить слова благодарности бийским торговцам за помощь и содействие. «Трудно даже и сказать, — писал крупный монголовед, профессор Петербургского университета А. М. Позднеев, — насколько меньше были бы достигнутые мною результаты, если бы я не встречал этого доброго участия русских людей: при всей ревности к приобретению знаний, мне без их помощи несомненно много раз приходилось бы отступать от закрытых дверей, за которыми таился предмет познания» (25).

Некоторые торговцы во время своих поездок по Монголии и Китаю записывали маршруты, вели дневники, писали статьи по географии, этнографии, экономике, входили в состав ученых обществ.

По поручению директора русской физической обсерватории в Пекине Г. А. Фритте бийский торговец Антропов в течение целого ряда лет вел метеорологические наблюдения в Улясутае. Купец Ф. П. Минин самостоятельно овладел монгольской письменностью, в 1891 г. составил русско-монгольский словарь, насчитывавший 5 тыс. слов, который пользовались не только русские жители Монголии, но и ученые-востоковеды. Его сын Михаил имел хорошую библиотеку по монголоведению, был студентом восточного факультета Петербургского университета, затем служил в русском консульстве в Монголии (26).

Большой вклад в изучение Монголии и Китая внес бийский купец-«рус» А. Д. Васенев. Научившись читать и писать в татке козачие, и не получивший далее никакого образования, он, тем не менее, с огромным уважением относился к книгам, наукам и знаниям. Сделавшись состоятельным человеком, он достойно финансировал научные экспедиции, собрал большую коллекцию предметов монгольского быта и ламаньского культа, которую в

1888 г. подарил Томскому университету. А. Д. Васенев был хорошим знаком и состоял в переписке со многими видными учеными и общественными деятелями Сибири и России — Г. Н. Потаниным, П. М. Ядринцевым, Д. А. Клеменцем, А. М. Позднеевым. «Госполина Васенева, — писал в 1900 г. в газете «Северный курьер» Д. А. Клеменец, — знают все русские путешественники по Северной Монголии, начиная с Г. Н. Потанина и М. В. Певцова и оканчивая живущим эти строки...» (27).

Кроме помощи научным экспедициям, А. Д. Васенев и сам очень много путешествовал. Во главе торговых караванов он обшарил всю Монголию, Притяньшаньские провинции северо-западного Китая, почти три года прожил в так называемом Застенном Китае, о котором в России имелись самые общие представления. Ему принадлежит честь открытия некоторых путей и местностей, где до него не бывал ни один европеец. Во время своих путешествий А. Д. Васенев вел путевые дневники, публиковавшиеся впоследствии в различных научных изданиях, собирал образцы местных растений, проводил метеорологические и географические наблюдения, составлял коллекции предметов быта и культуры местных жителей. Немало средств он потратил на приобретение редких книг и рукописей, которыми щедро снабжал русских востоковедов.

Оценивая подвижничество и труды А. Д. Васенева, профессор А. М. Позднеев писал ему в 1896 г.: «Не найду слов, чтобы выразить Вам свою признательность и память обо мне и за Ваши заботы о доставлении мне монгольских бумаг. Трудно сказать, как много содействуете Вы этим делом моему познанию Монголии... За все Вам спасибо пока от меня, а затем и постараюсь, чтобы поблагодарила Вас и Россия...» (28).

С течением времени у алтайских капиталистов появлялись новые социальные черты, формировались новые духовные и интеллектуальные запросы. Говоря словами русского писателя И. А. Выходкина, «тяжелые, тугие самодурии» прерождались «в деловую, создававшую свою материальную силу уже на другой манер». (29) Рост их экономического могущества, формирование убеждения, что именно они, «деловые люди», являются опорой «царю и Отечеству» влияли и на их отношение к проблемам общественной жизни, науки и культуры. Факты свидетельствуют, что среди капиталистов Алтая были люди искренно озабоченные вопросами общественного прогресса, патриоты своего Отечества. Не замечать или отказывать им в этом — значит игнорировать требования объективности и исторической правды. Важно не только не достигнуть оценок подвижнической деятельности предпринимателей, но и осмыслить ее в контексте всего исторического развития как проявление лучших, светлых сторон человеческой личности. Что составляет их возмущать на себя бремя забот и ответственности,

куда, казалось бы, они могли спокойно, по обывательским меркам, «жить в свое удовольствие»? Ответ достаточно очевиден — гражданский и нравственный долг. Поэтому нашим современникам необходимо не только сохранять культурное наследие во всех его проявлениях, но и пропагандировать и изучать истинно-русскую нравственно-духовную традицию служения общественным интересам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бойко В. П. К вопросу о социальной психологии ирригной российской буржуазии второй половины XIX в. (по мемуарным источникам) // Из истории буржуазии России. Томск, 1982. С. 40
- 2 Государственный архив Алтайского края (ГААК) ф. Р-483, оп. 1, д. 28, л. 14.
- 3 Там же, ф. 174, оп. 1, д. 290, лл. 3 об — 22 об.
- 4 Русские очерки. Т. III. М., 1956. С. 79.
- 5 ГААК, ф. 170, оп. 1, д. 483, л. 17
- 6 Сибирский наблюдатель. Кн. 3. Томск, 1903. С. 46-112.
- 7 Очерки истории Алтайского края Барнаул, 1987. С. 226
- 8 Штейнфельд В. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. 1911 г. Бийск, 1911. С. 2, 4.
- 9 ГААК, ф. 69, оп. 1, д. 483, л. 31
- 10 Богомолов М. И., Соболев М. И. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 245
11. ГААК ф. 174, оп. 1, д. 290, лл. 3 об. — 22 об.
- 12 Штейнфельд В. Указ соч. С. 4.
- 13 ГААК, ф. 174, оп. 1, д. 290, л. 3 об — 22 об.
14. Общество попечения о начальном образовании в г. Барнауле за 1886 год Барнаул, 1886 С. 11.
15. Там же. С. 7; Общество попечения о начальном образовании в г. Барнауле за 1887 год. Барнаул, 1887. С. 39.
16. Сибирский наблюдатель. Кн. 4. Томск, 1903. С. 40
17. ГААК, ф. 174, оп. 1, д. 290, лл. 3 об. — 22 об., подсчет — А.С./
18. Там же ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 235.
- 19 Штейнфельд В. Указ соч. С. 4.
20. ГААК, ф. 174, оп. 1, д. 87, л. 5 об.
21. Там же, л. 6.
22. Там же, л. 3 об
23. ГААК, ф. 174, оп. 1, д. 87, л. 22.
24. Там же, д. 88, л. 15 об.
25. Позднеев А. М. Монголия и маньчжуры. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Т. I: Дневники и маршрут 1892 года. СПб., 1896. С. xxx
26. Дерягина Е. М. Алексей Васильевич Бурдунцев (О роли русского населения в изучении Монголии)//Очерки по истории русского востоковедения. Сб. VI. М., 1963. С. 188.
27. Северный курсер 1900, № 320
28. ГААК, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 1 об.
29. Бобарыки П. А. Князь-город М., 1985 С. в

ИМЕНА

К
Ж
И
Л
О
П
С

Г
Д
В

Г
Л
М

И
П

С
16

В
VI

ЧТО НЕ ПОД СИЛУ ДАЖЕ СОЛИДНЫМ УЧЕНЫМ ОБЩЕСТВАМ

Архивариус Главного архива Алтайского округа — так называлась должность Николая Степановича Гуляева. Архив составляли дела канцелярии Колыванно-Воскресенского Горного начальства, образованной в 1747 г. Отложились также документы Колыванской экспедиции, Барнаульской, Локтевской и других горных контор.

Глубокому изучению не только сибирских, но и столичных архивов отдал Гуляев-младший последние 22 года своей жизни. Родился он 9 мая 1851 г. в Петербурге. Когда было 8 лет, когда отец — Степан Иванович Гуляев с семьей переехал из столицы в Барнаул, получил назначение заведовать отделением частных золотых приисков. Но не чиновничья карьера манила любознательного С. И. Гуляева: этнография, литература, библиография занимали широчайший ум неутомимого исследователя, ученого. Страсть к научным занятиям Николай унаследовал от отца (1).

Н. Гуляев начал учиться в Барнаульском окружном горном училище. Преподаватель немецкого языка, впоследствии выдающийся тюрколог, академик В. В. Радлов (1837—1918) сразу заметил способности ученика. Их отношения переросли в дружбу, которой Н. С. Гуляев по праву гордился.

В 1871 г. Н. Гуляев успешно закончил Томскую губернскую классическую гимназию и поступил в Петербургский университет. Книжки уводили от живой жизни Панфилов, освоение переводной литературы, участие в революционных кружках — заронили в пылкую душу впечатлительного юности неугасимую жажду борьбы за счастье народов. Он членом кружка «Чайковцев», куда входил Н. С. Гуляев, позднее и «Записках революционера» П. А. Кропоткина скажет: «Это были идеально чистые и прелезительно выдающиеся люди...» (2). Срываясь от исследований царской охраны, Николай Степанович был вынужден бросить учебу и бежать за границу. Два года скитаний не прошли даром. В Германии Гуляев интересовался философией, в Швейцарии увлекся вопросами горного дела...

Но душа, как птица из клетки, рвалась домой, в Россию. Небольшая служба в Омске, Тюмени обогатила жизненным опытом Н. Гуляева, позволяла вполне ошутить необъятность сибирских просторов (3).

В 1881 г. по просьбе отца Николай Гуляев обосновался в Барнауле. И сразу же — за работу. В кругу научных интересов молодого Гуляева попадают минералогия, этимология, статистика. 28 октября 1891 г. в Барнауле по инициативе политического ссыльного

то С. П. Швецова было создано «Общество любителей исследования Алтая». Оно ставило целью широкое, всестороннее изучение природных богатств родного края, его истории (4). Действенное участие в работе общества принимал Н. С. Гуляев, вскоре избранный секретарем Совета, по поручению Совета готовил к изданию «Алтайский сборник» — печатный орган общества. 25 марта 1900 г. Н. С. Гуляев на собрании выступил с докладом «О курганах в Алтайском округе и открытом городище вблизи деревни Большеберезовской» (5).

В отчете совета «Общества любителей исследования Алтая» за 1901 г., составленном Н. С. Гуляевым, отведено значительное место описанию работы П. П. Баранского, который при поддержке Совета на статистическом материале об экономическом состоянии Чистоньянск-Барнаульской волости (ныне Толчихинский район) изучал переселенческую проблему на Алтае (6).

14 ноября 1901 г. состоялось обыденное чрезвычайное собрание членов общества в связи с его 10-летним юбилеем. С докладом об итогах деятельности выступил Н. С. Гуляев.

В первом номере журнала «Сибирский расцвет» (вышел в Барнауле в январе 1919 г.) об авторитете Н. С. Гуляева говорится так: «Среди ученого мира пользовался известностью. Ни одна научная экспедиция, посещавшая Алтай, не миновала своим посетителем Н. С. Гуляева. От него этим экспедициями получались ценные сведения о наиболее целесообразных маршрутах... Участники всех экспедиций всегда изумлялись колоссальной энергии Н. С. Гуляева по составлению им обширной научной библиотеки и богатого музея, что зачастую бывает не под силу даже солидным ученым обществам...» (7).

Работать непосредственно в архиве Алтайского округа начал 10 мая 1895 г. Неуставно заботился о сохранности документов, лично вникая в детали дела. В летное время для «проветривания документов» по инициативе Н. С. Гуляева был сделан специальный шпес. С учетом заказа на полках одновременно помещалось до 1000 списков. К сооружению такого шкафа со всей серьезностью отнесся техник Алтайского округа П. Ф. Носович, позднее известный сибирский архитектор. И все ж Н. С. Гуляев часто сокрушался: в помещении отдельных чиновников в архиве заметно небрежение (8).

В августе 1900 г., разбирая архив конторы Салдинских рудных, Гуляев докладывал начальству в Барнауле: «Множество дел из недостатком места на полках, размещены на полу, причем одна из груд доходит до потолка. Осмотрел прежде всего дела, размещенные на полках, я не нашел в них хронологического порядка. Дела пришлого столетия перемешаны с делами текущего века. Груды дел, размещенные на полу, разумеется, также не отличаются систематическим порядком» (9).

Русские архивы нуждаются в отеческой заботе и ших, считает Н. Гуляев, поэтому очень важно, чтобы в архивариусы избирались люди трезвые, в дурках и капризах-либo пристрастных непримечательные... «Но таких очень мало, а больше равнодушных, в лучшем случае, знающих расположение дел по шкафам, по полкам, по ящикам и обложкам, но отнюдь не по содержанию, которое их не мало не интересует» (10).

Сам Н. С. Гуляев черновую архивную работу исполнил весьма ревностно. Говоря современным языком, Николай Степанович проводил аксиоматизацию ценности старинных документов, проверку наличия, составления описей. При этом он решительно требовал очищения фондов от малоценных бумаг. С 1911 по 1913 годы в архиве Алтайского горного округа архивариусом Гуляевым выведено к уничтожению за ненужностью 9524 столяр (11).

Результатом изучения сибирских архивов стала работа Н. С. Гуляева «Архив Главного управления Алтайского округа, исторический очерк его прошлого и настоящего, 1916» (12). Раскрывая содержание отдельных документов, автор изобретно останавливался на превратностях «дебринского архива». Н. С. Гуляев цитирует известного русского историка-этнографического направления В. И. Семевского, работавшего около 2-х месяцев в Барнауле: «Архив этот едва ли не наиболее важный из всех сибирских архивов...». Еще тогда, в 1891 г. Семевский деликатно заметил «Кабинет его величества оказал бы большую услугу науке, если отвел для него более приличное помещение» (13).

Но богатому алтайскому архиву не везло и не везет: соответствующего помещения он никогда не имел и не имеет до сих пор.

Как известно, Семевский В. И. собрал в Барнауле и районе золотых приисков огромный фактический материал, который лег в основу замечательного труда «Рабочие на сибирских золотых приисках» (Петербург, 1898) (14).

Сохранился снимок, где рядом с Н. С. Гуляевым — улыбающийся Д. А. Клеменц, бывший «Изяковец», соратник В. И. Засулич, П. А. Лаврова, П. А. Кропоткина, один из организаторов «хождения в народ», вместе с С. М. Степняком-Кравчинским редактировавший журнал «Земли и люди». Вместе с Д. А. Клеменцом вел Н. С. Гуляев революционную пропаганду среди крестьян Тверской губернии. Вместе проходили по одному процессу Снимок, вероятно, сделал в г. Вильске, в мае 1905 г., во время участия Д. Клеменца в качестве зашлитника в судебном процессе над алтайцем Честим Челпановым, обвинявшемся в лже-пророчестве, неповиновении русскому царю и даже в шпионаже в пользу Японии (15).

Нет, это не случайная встреча двух знакомых. Также неслучайно в альбоме петербургского собирателя В. В. Узанова-Каплуновского рядом с автографами Д. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М.

Достоевского, М. Горького стоит автограф «самреннейшего архивариуса провинциального города Барнаула» (16).

До последних дней жизни любил Н. Гуляев Горный Алтай, не переставая изучать историю, быт и нравы коренного населения. 1 ноября 1899 г. сельский старшина из Улала (ныне Горно-Алтайск) доносит в приезде поднадзорного И. Березина, встретившего здесь с Н. С. Гуляевым из Барнаула: «В Улале прожил две недели, а потом каняли меня отвезти в с. Чемал... всего проездил с ним около 2-х месяцев» (17). Подобные поездки не были для Н. Гуляева редкостью. Искренностью, доверием к русскому ученому проникнуты чувства крещеного алтайца, замечательного художника Г. И. Гуркина. Ученик И. Шникина, преданный родному краю, Г. Гуркин мечтал о возрождении древнего алтайского народа. Своими мыслями и планами он охотно делился с Николаем Степановичем, который сочувственно относился к взглядам художника. Горно-Алтайский областной краеведческий музей открылся в 1920 г. на материалах коллекции библиографа, краеведа Н. С. Гуляева.

Тщательно изучая «деמידовский архив», с гордостью и горечью размышлял Н. Гуляев о судьбе изобретателя И. И. Ползунова. С гордостью, потому что этот человек так много сделал, чтобы возбелить труд по нас грядущим; с горечью, потому что талант и подлин творца «приедынащей машины» по достоинству не был оценен. Трагедия И. И. Ползунова закономерна, так как он, по словам Н. Гуляева, жил «среди пошлого невежества, крайнего беззудудлобия вышестоящих людей, доводивших его своим тупым глупошеством до отчаяния и болезни...» (18).

Русские не умеют ценить лучших своих, утверждает Н. Гуляев. «Жил И. Ползунов не в России, на Алтае, его имя сделали бы бессмертным, а у нас затерялась даже его могила» (19).

В материалах истории Колывано Воскресенской шлифовальной фабрики найдены сдержанные, но убедительные строки о даровитых, уморных, скромных мастерах, тех, которые деньги и юности творили карикю Ваа, и ныне украшающую ленинградский Эрмитаж (20).

Бедность, нужда по пятам преследовали Гуляевых. Скромного заработка Николай Степанович и жены Сифы Антоновны, состоявшие на службе в управлении Алтайского округа «для исполнения счетовых работ», не хватало на самое необходимое детям Сергею, Владимиру, Анне.

В довершение ко всему в июле 1913 г. Гуляевых обокрали: пропал сюртук хозяина и часть белья. Не удавалось рассчитаться с вечными долгами. Из прошения архивариуса Н. С. Гуляева начальнику Алтайского округа от 17 августа 1913 г. «...покорнейше прошу выдать мне ссуду в размере 100 рублей с погашением

долга, числящегося за мной по 20 июля в сумме 60 руб., так как на руки приходится выкупить 40 руб., на которые я могу вполне лично закупить себя» (21).

Скоро в краевом музее изобразительных искусств желающие смогут увидеть замечательный портрет Н. С. Гуляева работы известного художника М. П. Курзина. Портрет долгие годы хранился небрежно, а авторство не было установлено. Кандидат искусствоведения Т. М. Степанская, старший научный сотрудник госархива края Е. В. Титова, определив художественные достоинства этого произведения искусства, спасли ему жизнь. М. Курзину блестяще удалось передать в благородном облике ученого выразительные черты отважного исследователя, вдумчивого ученого, яркого публициста, общественного деятеля волюнтерского темперамента. Портрет спасен. А вот мысля не уцелела. Н. С. Гуляев умер в 1918 г., спустя 30 лет после смерти отца С. И. Гуляева и был похоронен рядом с ним (22). Признательные барнаульцы поставили на могиле С. И. Гуляева мраморный памятник с изображением глобуса и раскрытой книги. Заовинчалось высечение изречения: «Тут диктатором потрудился, кто честно некая истину». В равной мере эти слова относились и к отцу, и к сыну. Надгробный памятник уничтожен вместе с другими памятниками Барнаульского лагерного кладбища в 30-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гордость Барнаула. Барнаул. 1980. С. 28—30.
2. Революционеры 1870-х годов. Л. С. 93.
3. Киринская Г. У истоков арктического дела. // Алтайские правды. 1978. 6 января.
4. Грицаев В. Тропой памяти. Барнаул. 1987. С. 167.
5. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 194. Л. 30.
6. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 194. Л. 17.
6. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.
7. Сибирский рассказ. Барнаул. 1918. С. 26.
8. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 175. Л. 74.
9. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 175. Л. 5.
10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 325. Л. 19.
11. Там же. Д. 178. Л. 167.
12. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 167. Л. 26.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 635. Л. 23.
14. Очерки истории Алтайского края Барнаул. 1987. С. 234.
15. ГААК. Ф. 483. Оп. 1. Д. 21. Л. 13, 14.
16. Троицкий Ю. М. Я, смиреннейший френеварнус. // Алтайские правды. 1987. 9 января.
17. ГААК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 858. Л. 16.
18. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 266. Л. 13.
19. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 296. Л. 14.
20. ГААК. Ф. 293. Оп. 1. Д. 36. Л. 70.
21. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 38. Л. 178.
22. Красный Алтай. 1928. 16 декабря.

«МЫ, БЫВШИЕ ЛЮДИ...»

(К биографии В. Н. Верещагина)

«Бывшие люди...» Наверное, теперь не все уже знают, что означают эти слова. А ведь не так уж и давно они звучали у нас в самых пышных трибун, не сходив с газетных полос.

«Бывшими людьми» или «социально-чуждым элементом» называли дворян, купцов, священников, эсеров и пр., а заднюю их детей и ближайших родственников. В угаре классово-непримиримости, порожденной революцией и гражданской войной, они стали объектом массовых репрессий. Народу внушалось (и, к сожалению, побезусловно), что все они — потенциальные враги Советской власти, главная преграда на пути победившего пролетариата к светлому будущему. Для него лишь тогда наступит рай земной, когда эта преграда будет убрана без остатка.

И убирали. Рехи крови пролили. Только дорога к светлому будущему от этого короче не стала...

В 1899 году недавний выпускник Петербургского университета, переводчик министерства «Знание» Виктор Иванович Верещагин, вычитав в одной из газет о том, что Барнаульскому реальному училищу требуется преподаватель естественной истории (теперь мы говорим: естествознания), без раздумий оставляет столицу и отправляется на далекий Алтай, в сибирскую неведомую глушь. Но эта глушь была раем для ботаника.

Почти каждое лето, дождавшись каникул, отправляется он с группой старшеклассников в «образовательные экспедиции» (так там их называли), чаще всего в Горный Алтай, край венуганных птиц, пехоженных троп, шумительный по красоте.

Зимовка ветеранов, вернувшись с занятий, Виктор Иванович пишет обстоятельный отчет об очередной экспедиции (или публикуется чаще всего в «Алтайском сборнике»), самозабвенно занимается гербарными листьями (иногда заведена вся квартира), печатает сделанные в поездке многочисленные фотографии пейзажей Горного Алтая.

Подсчитали, что до 1928 г. он совершил 17 экспедиций, проделав путь (в основном по горам и бездорожью) около 20 тысяч верст. За это время им было собрано до 2000 видов растений, в том числе 50 видов новых для Алтая и 5 видов, ранее не известных науке.

По приезде в Барнаул Верещагин сразу вступил в Общество любителей исследования Алтая (преобразованное позже в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географиче-

ского общества) и стал одним из самых деятельных его членов. Много сил отдавал высозданию Барнаульского краеведческого музея. Ботанический отдел — целиком дело его рук.

Шли годы. Имя барнаульского ботаника становилось все более известным в научном мире; рос его авторитет среди ученых и горожан.

В годы революции и гражданской войны он оставался приверженцем саему мирному делу. Летом 1919 г., когда в крае, подобно лесному пожару, уже повсюду разгорялись партизанское движение, рисковал совершить экспедицию (без учеников) в южный и юго-западный Алтай.

После изгнания Колчака новая власть отнеслась к Верещагину, как и к другим «буржуазным» специалистам, с осторожностью. Лишь в июле 1923 г. он был допущен к преподаванию ботаники на рабфаке, позднее — в сельскохозяйственном и педагогическом техникумах, ряде школ. А до этого опытный преподаватель завел мастерской по изготовлению наглядных ботанических пособий для школ, был ученым секретарем субиробирфа; не оставял и работу в музее, переживавшем неслегка времена, в Алтайском отделе Географического общества (так он теперь назывался), где в 1924 г. за большие заслуги был удостоен звания «почетного члена».

Состояние здоровья, а главным образом нехватка средств уже не позволила ему часто ездить в экспедиции. Теперь он больше писал, стремясь передать людям накопленные знания о природе Алтая, привить любовь к ней. Его статьи регулярно появляются в журналах «Сибирская природа», «Просвещение Сибири», «Советская ботаника» и др.

В 1925 г. он был одним из организаторов первой (и последней) краевой краеведческой конференции; в 1926 г. участвовал в работе съезда вновь организованного «Общества любителей Сибири и ее производительных сил», выступил с докладом, был избран членом Совета.

На первый взгляд, дела у старого ботаника шли неплохо. Но это лишь на первый взгляд. В стране все больше сгущалась мрачная сверткая атмосфера недоверия, подозрительности и открытой враждебности к «бывшим людям», к которым Верещагин имел несчастье приближаться. Ведь он был сын полка, статский советник, кавалер двух перских орденов, бирский кадет, при Колчаке набирался в Барнаульскую городскую думу...

Правда, если заравно разобраться, то все эти пинки Верещагина не стали выделенного яйца. Отец его умер еще в 1905 г., и был совсем не мирсад, а добрый советский сибирский свиценник из бедного прихода, обреченный большой семьей, еле сводивший концы с концами. Он даже сына не смог помогать, когда тот

вступил в университет. Средства на жизнь студент Верещагин добывал репетиторством.

Тип статского советника и орлена он получил, согласно законам Российской империи, за «исслугу лет, за «беспорочную службу» и в качестве преподавателя естествознания. В чем же тут грех?

В партию кадетов он вступил чтобы сказать, за кем-нибудь: эта партия пользовалась наибольшей популярностью у барнаульской либеральной интеллигенции. Все вступили, и он остунил. Кратковременное пребывание его там было чисто формальным.

В 1918 г. Верещагин действительно баллотировался в городскую думу по списку кадетов, но по числу голосов стал лишь кандидатом в гласные. Когда, спустя некоторое время, ему предложили заменить одного из выбывших, он наотрез отказался. На этом его политическая «карьер» закончилась.

Теперь скажите, чем же провинился старый битаник перед Советской властью? Каким ладибиком была ставить его на особый учет в ОГПУ, тем более что трудился он по-прежнему с полной отдачей (иначе не умея), считая одним из лучших преподавателей в городе?

Но такие уж было то трижды проклятое время! В стране шла истребление «буржуазной» интеллигенции — и без того тонкого культурного слоя общества. В Новосибирске были арестованы руководители «Общества изучения Сибири», а само «Общество» распущено; та же участь постигла редакцию «Сибирской советской энциклопедии», одним из авторов которой был В. И. Верещагин. Прекрасное начинание не удалось довести до конца.

Люди, знавшие Верещагина, вспоминают, что он никогда не говорил о политике. Но это не совсем так. Мог ли он быть слепым и глухим к происходящему? Сохранилась свидетельств, что у бывшего землемера П. И. Давидовича нередко собирались поэт и певец П. А. Казанский, врач А. П. Велижанин, светило Тельтишестрия А. А. Васильев. Бывал там и В. И. Верещагин. Здесь, в своем кругу, старики стводили душу в откровенных разговорах.

Позже, на допросе, А. А. Васильев показал, что эти «на основании глубокого анализа правительственной политики» пришли к таким выводам:

- Демократия подавлена бюрократическим аппаратом;
- Свободы совести, свободы печати нет. Всякая мысль, хотя бы она была направлена на пользу страны, если она не совпадает с идеями коммунизма, рассматривается, как контрреволюция;
- Выборность органов управления происходит под партийным давлением; люди, способные к управлению, но беспартийные, отстраняются;
- Управленческий аппарат разросшийся до огромных размеров, не в состоянии справиться с государственными задачами.

Мысли были, как мы теперь бы сказали, самые перестроенные, но по тем временам — непозволительно крамольные, «несвоевременные мысли», тем более что исходили они от «бывших людей».

К счастью, ежовско-бериевские времена еще не наступили, и старшки отделались сравнительно легко; Васильев и Давидович — пятью годами ссылки из Западной Сибири в Восточную (не на Колыму даже), а Казанского и Велижанина вообще освободили из-под ареста после соответствующего внушения. Но ненадолго освободили...

5 февраля 1933 г. был арестован и Верещагин, а вместе с ним еще два сотрудника Барнаульского краеведческого музея — Николай Михайлович Вторых и Василий Васильевич Грейлих. В тот же день их этапировали в Новосибирск, в ирское ОГПУ.

А 9-м февраля датированы показания Верещагина, которые он написал собственноручно своим красивым каллиграфическим почерком.

Горько их читать. Убежден, что написаны они под диктовку следователя, не шибко грамотного, судя по речевым оборотам, совершенно не свойственным Верещагину, но любившего руку на фабрикации подобных дел. И не просто под диктовку, а под физическим и моральным его «воздействием», на чем следователи ОГПУ тоже набили руку.

Вот они, эти показания.

«Встав на путь Чистосердечного признания и раскаяния перед Советской властью, считаю необходимым по существу предельно-важных мне обязанностей показать следующее:

Викрут Барнаульского музея объединилась группа бывших людей:

Лебедев Валентин Петрович, сын попа,

Вторых Николай Михайлович, сын пристава;

Няши Григорий Дмитриевич, сын атамана казачьей станицы;

Грейлих Василий Васильевич, сын военного чиновника;

Казанский Порфирий Алексеевич, сын попа;

И я, Верещагин Виктор Иванович, сын служителя религиозной культуры.

Перечисленная выше группа лиц, будучи по своему социальному положению представителями буржуазного класса, вела определенную контрреволюционную работу, выражавшуюся, во-первых, в антисоветской агитации и создании антисоветских контрреволюционных взглядов на происходящее строительство, представляет из себя антисоветскую контрреволюционную группу.

Зарождение антисоветской контрреволюционной группы относится к моменту существования в Барнауле отдела Русского географического общества, вышедшего впоследствии в Общество изучения Сибири, а затем расформированного за контрреволюционную деятельность, после чего данная контрреволюционная груп-

«нейтр тяжести своей контрреволюционной деятельности» перешел в музей.

Контрреволюционное влияние на нашу группу шло также по линии бывшего Общества изучения Сибири, из краевого правления Общества, в составе которого сидели контрреволюционно настроенные люди, как-то: бывший генерал Болдырев, бывший шымаковский министр Краснов, активный земский работник Чепмных и др.

Признаю свою вину перед Советской властью в том, что я считал членом указанной контрреволюционной группы, сложившейся вокруг Барнаульского музея и проводившей определенную контрреволюционную работу.

Занимал яшии собственноручно».

Несколько слов о том, кто были напаниче в показанных лицах. (Я думаю, Верещагин не сам их назвал, а внесла под диктовку следователя).

И. М. Вторых, 60 лет, выпускник Московского университета, до 1918 г. преподавал в гимназиях Риги и Петрограда, позже — в школах Барнаула и финансово-экономическом техникуме, а в свободное время, для души, занимался изучением народных говоров Алтая. Причиной ареста — две роковых строчки в анкете: «сын судебного пристава» и «состоял в партии кадетов».

В. В. Грейлих, 48 лет, техник Текстильстроя, в свободное время увлекался, тоже для души, поисками «малых» полезных ископаемых: песка глины, графия и др.

Г. Д. Няшин, 61 год, до революции был присяжным поверенным, после — работая в губархиве, преподавал в школах, много занимался краснеленком. Во время ареста Верещагина и др. лежал тяжело больной, возможно, это его и спасло.

П. А. Казанский, 48 лет, был довольно известным поэтом, журналистом, педагогом, до революции — меньшевиком.

Вздорность обвинений, в которых якобы признался Верещагин, видна уже из того, что в июне, под предлогом разгрузки мест заключения, он, Вторых и Грейлих были освобождены (Казанский не арестовывался).

Но в августе всех троих забрали снова и уже без суда сослали в Красноярский край. Вторых и Грейлиха затяли на Крайний Север, где они и погибли. Верещагину же повезло. Кто-то из знавших цену барнаульскому ботанику, видимо, замедлил за него словечко. Он был направлен в Красноярский заповедник «Стрелбы», где все пять лет самозабвенно занимался научной деятельностью, даже публиковался в сибирских журналах.

Говорят, когда ему объявили об окончании срока ссылки, он ответил.

— Я еще не закончил работу!

И в Барнауле еще около года потратил на обработку собраных в заповеднике материалов, а в 1940 г издал в Москве книгу «Инвентарь флоры Государственного заповедника «Столбы».

Работать над ней Верещагину пришлось в полуподпольных условиях. Его долго не прописывали в Барнауле, не принимали на работу, угрожали колым арестом. Он вынужден был скрываться то у сына в селе Павловском, то у немногих друзей, ушедших после массовых арестов, подвергая их немалому риску.

Почезли А. П. Велижанин, П. А. Казакевич, многие врачи, учителя — цвет старой русской интеллигенции. Словно чума прошлась по городу...

Их всех потихоньку реабилитировали, но большинство — посмертно. Несколько лет Верещагин жил на гонимую зарплату няучного сотрудника музея, а точнее — на иждивении у жены, учительницы. Лишь в 1944 г. в разгар войны ему разрешили преподавать ботанику в сельхозтехникуме, и во вновь созданном Алтайском сельскохозяйственном институте.

В 1947 г., по ходатайству руководства института, поддержанному рядом сибирских ученых, Виктору Ивановичу Верещагину за выдающиеся заслуги в изучении сибирской флоры была присуждена — без защиты диссертации — ученая степень кандидата биологических наук. Вот лишь когда пришлось призвание — в 76 лет!..

Через год он вышел на пенсию. Но и на «заслуженном отдыхе» престарелый ботаник своим привычкам не изменил. Вставал как прежде, в семь часов. Подблизу сидел за письменным столом под новой статьей или приводил в порядок дряхлый свой архив, часто бывал в музее, консультируя молодых сотрудников, преклонившихся перед его знаниями, скромностью, тактом; с весны до осени копался в крошечном саду при скромном деревянном своем доме на старинной Мало-Змеёвской улице, где прожил значительную часть жизни; вечером гулял при любой погоде...

Теперь в этом доме живет его дочь Ирина Викторовна, кандидат биологических наук, хранительница памяти и, можно сказать, продолжательница дела отца, так же, как и сын Борис Викторович, доктор биологических наук, проживающий в Кисловодске.

«Отец не терпел обильных житейских разговоров, — с улыбкой вспоминает Ирина Викторовна. — Сам он был далек от быта. Разговаривать его можно было лишь на ботанические темы. Был у него старший товарищ, тоже ботаник. Как сойдутся — Боже ты мой! Оба старые, глупые, кричат во всю глотку — и смеются, и грустят...

Память у него до последних дней была прекрасной. Хорошо пел, очень любил украинские песни. Потом простудился, потерял голос. Последние годы его мучила детма. Недурно рисовал. В кино не ходил никогда... Много читал, и не только на русском,

Он хорошо знал английский, немецкий, французский языки. Не только профессиональной литературы интересовался философией, но и художественной предпочитал классиков...».

Музейщики рассказывают: книжки брал в нашей библиотеке. Наберет стопку, аккуратно перевяжет бечевкой (всегда одной и той же), идет домой. Через некоторое время приходит за новой партией... В последние годы не раз просился с нами в Горный Алтай. Очень хотелось ему хоть одним глазком взглянуть на те места, где не раз бывал в молодости. Но мы под разными предлогами отказывали ему: старик уже девятый десяток разменял.

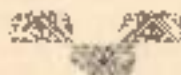
10 октября 1956 г., по дороге в музей, он поскользнулся и сильно ударился головой об лед. Выпала из рук стопка книг, перевязанная бечевкой, отлетела в сторону старинное пенсне на черном шнурке... Всего пять дней не дышал Виктор Иванович до 15 лет...

Он оставил нам 40 научных работ и еще около двух десятков неопубликованных. Коллеги-учелые назвали в честь барнаульского ботаника 7 видов растений и 2 вида насекомых.

Именем Виктора Ивановича Верещигина названа одна из улиц в нашем городе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

В рубрике «Исторический архив» редколлегия предполагает публиковать архивные документы по различным периодам истории Алтая, прежде всего из фондов Государственного архива Алтайского края (ГААК) — одного из богатейших архивохранилищ Сибири. Предполагается публикация документов по различным проблемам и вопросам: истории заселенных пунктов, заселенная экономика, классовой борьбы, культуры, жизни и деятельности знаменитых людей Алтая (деятелей истории, науки, культуры)

БЫСТРЯНСКАЯ СТАЧКА 1894 г.

Первая подборка — 9 документов — посвящает стачку на золотом кабинетском прииске по речке Быстрой в 1894 г. В литературе стачка известна как «Быстринская», хотя в документах основного архивного дела прииск также называется и «Быстринским».

Дореволюционные и советские историки неоднократно писали о данной стачке, относили ее к заметным событиям рабочего движения на Алтае. Первым достаточно полно описал стачку известный историк В. И. Сечевский в работе «Рабочие на сибирских золотых приисках» (т. 2, СПб., 1989, С. 452). Сведения о стачке вошли в аннотированное документальное издание «Рабочее движение в России в XIX в.» (т. 3, ч. 2, М., 1962). Она отмечена в хронике рабочего движения в России (1890—1894 гг.), помещенной в указанном издании (т. 3, ч. 2, С. 639). Были опубликованы и 2 документа, включенные из фонда Департамента полиции. В период публикации они хранились в ЦГИАМ, ныне — в ЦГАОЯР СССР. Эти документы начальника Тучковского Губернского жандармского управления в Департамент полиции о стачке и рапорт и о должности начальника Алтайского округа Болдырева в Кабинет е. и. п. (1). Данная стачка неоднократно упоминалась в трудах по истории Алтая (2) и в обобщающих работах по истории Сибири (3).

Большинство авторов дают приблизительно одинаковую информацию о причинах стачки, ее продолжительности и характере, итогах. В некоторых трудах по истории Алтая явно преувеличивается значение данной стачки, она предстает как явление неординарное. А. П. Бородкин называет ее «первым предвестником революционных событий в Восточном уезде и на всем Алтае», отмечает ее революционизирующее воздействие на крестьян окрестных деревень (4). Между тем в 90-е годы и в других районах Сибири отмечено немало аналогичных выступлений. Быстринская стачка — типичная по характеру и требованиям для горных округов Сибири 90-х годов XIX в (5). Называются разные фамилии руководителей стачки. Чаще всего называется фамилия алтайца Алексея Карнова, жителя Быстринской природной усадьбы (6). По свидетельству А. А. Мухина — руководителя А. Карнов, С. Емифанов, П. Выхов (7), по данным В. П. Зиновьева — О. Ясинский, С. Литвиненко, М. Степанов, Е. Филиппов, М. Асеев, А. Ивлевых, А. Сивосовских, В. Шерстобитов, Н. Калосков, И. Алюхин (8).

На Алтае Быстринская стачка стала одной из первых, окончившихся частичной победой: был уволен смутливый работ Каверин, рабочим обещано выдавать расчетные книжки, соблюдать воскресный отдых, были пересмотрены расценки и др.

Публикация подлинных документов, предпринятая в данном сборнике, позволит задуматься более глубоко представлении как о самой стачке, о ходе событий, так и о социальном облике рабочих, представителей администрации, общей обстановке на золотом каппитетском прииске. Интересны и образцы документов: телеграммы, расписки должностных лиц и др. За исключением одного документа, опубликованного ранее — донесения Томского губернского жандармского управления в департамент полиции — все прочие документы, помещенные в данной подборке, извлечены из архивного дела № 1363 (Ф. № 4. Главное управление Алтайского округа, шифр 1). Ранее дело хранилось в ф. № 3, оп. 3, л. 1567 и было перемещено в фонд 4 в ходе переработки фондов. Его полное название: «Дело Главного управления Алтайского округа по заводской части 1-го стола о стачке рабочих в феврале месяце 1894 года на новом золотом прииске им. р. Быстрой в Бийском округе и об установлении настоящего порядка на оном» (63 л.).

В настоящей публикации документы размещены в хронологическом порядке и даны в современной орфографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рабочие движения в России в XIX в. Т. 3. Ч. 2. М., 1952. С. 461—465.
2. Бийск социалистический. (Из истории рабочего класса Бийска). Барнаул, 1965. С. 25—76; Худяков А. А. История Алтайского края: Учебное пособие для средней школы. Барнаул, 1971. С. 44; Очерки истории Алтайской организации КПСС Барнаул, 1985. С. 11; Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 160—161 и др.
3. История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 157; Мухом А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма [1861—1917 гг.]. М., 1972. С. 95—96; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 165—166; Рабочие движения в Сибири. Т. 1. Томск, 1988. С. 191.
4. Бийск социалистический ... С. 27.
5. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период ... С. 165—167.
6. Бийск социалистический ... С. 25; Худяков А. А. Указ. соч. С. 44; Очерки истории Алтайской организации КПСС ... С. 11.
7. Мухом А. А. Указ. соч. С. 96.
8. Очерки истории Алтайского края ... С. 161.

№ 1

ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКУ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА

На Быстрийском прииске 13. 14 февраля рабочие не вышли на работу 15 уехали куда Бийским исправник который 18 телеграфировал: рабочие огрызались от работы, мотивируя разными стеснениями их штрафами управлением, мужика, но они задержаны На прииске оставлен чиновник со стражником. Дознание о нападении на контору передано товарищу прокурору. Исправник телеграфировал губернатору и ожидает распоряжений.

Подробности почтой не получены еще
18 февраля 1894 г.

Г.А.Н. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1363 л. 6. Подлинник.

Кобылкин,

РАПОРТ

заведующего поисками и разведками золота
в Главное управление Алтайского округа
о начале следствия над участниками стачки

18 февраля, 1894 г.

При сем имею честь представить в Главное управление Алтайского округа копию с актов составленных во время беспорядков на быстринском прииске 13, 14 и 15-го февраля сего года. При чем имею честь довести, что в стачке мое в город Бийск за покупкою материала, товаров и получения с почты денег, рабочие с 13-го числа и по настоящее время не выходят на работу, составив полную между собою стачку, заделав мне и оружейному исправнику, что они останутся на прииске и будут работать по удалении служащего Каверина, который будто-бы с ними обращается дерзко, чего из сделанного дознания оружейным исправником не видно и мне ранее заявления с их стороны не было. Кроме невыхода на работу, рабочие на 15-е число после 10-ти часов вечера пытались сделать нападенье на контору и амбар в котором хранятся снаряды, но не удалось привести в исполнение только благодаря сообразительности и настойчивым действиям распорядителя работ Каверина и скорому приезде смотрителя Колмонова, а за ним полицейского надзирателя и меня с горюховыми. По сделанному дознанию окружной исправник нашел нужным сообщить фабричному прокурору о названном следствии и в ограждение от насильной работы, могущих повториться, оставил на прииске полицейского чиновника.

В. Ярославцев.

ГААК, Ф. 4 Оп. г. Д. 1363 Л. 12. Подлинник

ТЕЛЕГРАММА

Начальнику Алтайского округа

Следствие [на] быстринском прииске окончено, рабочие привлечены [по] 273 статье Уложения, 49 человек расстреляны, мерами полиции выданы, долги 600 рублей. 36 человек остались, для майма 50 новиз в разрешено отпустить Ярославцеву 1500 рублей.

В марта 1894 г.

Кавылин.

ГААК Ф. 4 Оп. г. Д. 1363. Л. 30. Подлинник.

ДОНЕСЕНИЕ

начальника Томского губернского жандарменского управления
Малинина в департамент полиции о стачке рабочих
Быстрианского золотого прииска из-за принуждения работать
в воскресные дни и увеличения урочных работ

1894 г. марта. 17.

В Бийском округе, в 125 верстах от города на Быстрианском золотом прииске кабинета его императорского величества рабочие в числе 109 человек с 15 февраля сего года прекратили работу, по доведению о том известия выразившись, что причиной стачки и забастовки было нарушение контракта со стороны управителя сего прииска Каварина, который заставлял рабочих работать в воскресенье и не давал вичной порции (4 раза в месяц по воскресеньям), увеличивал урочн работы: так, вместо 1 сажени в четверги кубическим на 2-х ложах 1 с 3 чет куб. баловисовательно и принудительно штрафовал рабочих, дерзко обращался с рабочими; мостика дорожа брала за продукты первой необходимости и другие незаконные привнесения рабочих.

Рабочие несколько раз жаловались инженеру Ярославцеву, но он не считал нужным входить в рассмотрение этого дела и оставлял жалобы без последствий.

Рабочие звали себя тито, но на все увещания не соглашались выйти на работу при условии освобождения Каварина и его брата Сергея из прииска, в пользу их привлекали к ответственности по 618 ст Уложения. Из 109 человек 33 остались работать, в остальные 76 отправлены в г. Бийск зачинщики посажены в тюрьму.

О чем имело честь довести Департаменту полиции.

* По 618 ст. рабочие золотых приисков за незаконные действия, указанные в графе артикул, подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы в рудники от 12 до 15 лет (ПСЗ II Т. XLV, 1870 г. 43403)

Рабочие движения в России в XIX веке Т. 3. Ч. 2 1893-1894 М., 1962. С. 461

№ 5

РАПОРТ

главному начальнику Алтайского округа
исполняющего должность чиновника по разным поручениям

Возвратясь 4-го марта из командировки в Быстрианский прииск имел честь представить нижеследующий отчет о результатах произведенного мною расследования о причинах бывшей на прииске стачки рабочих.

12-го февраля вечером рабочие просили распорядителя горных работ, записного рядового Каварина, освободить их от работ в воскресенье 13-го февраля, ссылаясь на тяжесть предыдущих работ, происшедшую от глубокой промерзлости грунта. В просьбе рабочие Каварин отказал и назначил на 13-е число командированного; приказание Каварина не было исполнено — рабочие на работу не вышли; о прект от работ был заявлен в своей срочной форме без всякого выражения какия-либо предосудительныя намерений или требований. На отказ от работ Каварин ответил двумя распоряжениями: оштрафовал находящихся по 1 р и лишл их порции воды, установленной по воскресным дням.

В таком положении дело находилось до вечера, 16-го числа, в которое произошли обстрелы, получившие в донесениях г. Ярославцева название нападений на контору и склад.

Каверин передает историю означенного происшествия следующим образом: 16-го числа он потребовал от музыкантов сдать инструменты под предлогом, что ключ от конторы унесен на нижний этаж, музыканты замедлили [с] исполнением этого распоряжения, 17-го числа около 10 ч вечера ему, Каверину, сказали музыканты, что рабочие собрались около конторы и шумят, выйдя на улицу он действительно услышал около конторы шум, и кто-то крикнул из толпы, что около конторы, тогда у него явилось подозрение, что рабочие затеяли заплечь служашим к музыкантам, связать их там и прибить их паршу или недостаток инструментов, между тем толпа рабочих с шумом приблизилась к Каверину; чтобы избежать им, что он вооружен, Каверин выстрелил из револьвера на ходу, в это время послышались почтительные колокольчики, это приказ Колывана и толпа разошлась, во время шума он, Каверин слышал из толпы крик и возгласие «служашки нишкни», и на основании этих слов он предполагает, что рабочие намерены сделать нападение на служаших в контору.

Рабочие передают обстоятельство этого происшествия совершенно иначе: именно один из рабочих прибавил к Каверину со словами: «Нико-то помани музыканта» у рабочих явилось подозрение, что служашие имеют намерение унести из конторы инструменты и затем обвинить рабочих в краже их, рабочие подошли к музыкантам и увидели двух лиц бежавших по направлению к конторе, по разрезу; рабочие хотели ловить их, но Каверин закричал: «не смей бегать, вы перестреляете» и с этими словами выстрелил на ходу.

Из вышеназванного видно, что обе стороны дают совершенно различные показания относительно того, в каком месте происшествия, проверить их и другие объяснения показанными лиц, которые могли бы отнестись к делу более объективно и составить таким образом верное и обстоятельное понятие о происшествии, не было никакой возможности — по той причине, что каждый из обвиняемых Быстренского признал принадлежать к одной из двух сторон — музыкантам или рабочим и ведет рассказ свой совершенно согласно со своим единомышленниками.

К этому необходимо добавить, что ни прокурорская ни следственная власть не имела в материалах следственного производства никаких данных и обвинений рабочих в нападении на служаших или контору.

Вышеперисказанные события, начавшиеся с вечера 12-го февраля и кончившиеся вечером 16-го февраля, произошли во время отсутствия с присяжн г. Ярославцева, главного постоянного местопребывающего в г. Бийске и только временно приехавшего из присяжн. Утром 15-го числа от марочного, посланного Кавериним, в склад рабочих, г. Ярославцев, на проверку донесения посланного, обратился на свиданье с Бийским исправником, в чем объяснился на присяжн, куда в прибыв 16-го вечером, уже до окончания происшествия.

Последний ход событий не представлял ничего особенного и сосредоточивается главным образом около формального индентификации, которое производится судебным следователем Бийского округа, до окончания следствия судебным следователем было объявлено рабочим, привлеченным им к следствию, что предупредительная мера против них принята особой политической надзор и потому рабочим будет состоять в распоряжении полицейской власти.

Во время производства следствия присутствовали на присяжн лица: как из Бийского исправника, местный земский заведующий, полицейский надзорщик, Бийские чиновники Алтайского отделения контроля и подписавший неоднократно обращавшийся к рабочим с увещаниями приступить к работам, но все угрозы были безуспешны. Когда рабочим было объявлено об отмене их надзора полицейской властью, то вышеназванные лица сочли этот момент удобным для производства на рабочих давления; с этой целью каждый из рабочих приглашался отдельно, в присутствии всех вышеназванных лиц, причем каждому из рабочих было объяснено, что полицейская власть предостав-

плет ему право отказываться впрямь до судебного разбирательства не применяя если он согласился работать; а в противном случае рабочий будет препровожден по знаку в место его приписки, откуда никаких отлучек на заработки получать не будет и кроме того будет обязан ежемесячно являться в местной полицейской власти, несмотря на столь стеснительные условия, несмотря даже на то, что некоторые из рабочих были из других губерний, например, Пермской, Оренбургской, и им предстоял впереди длинный знаменитый путь, из числа всех привлеченных к сведению пожелал остаться на приписке только один, причем с прежним могвом отъезду от работ, о которых будет сказано ниже, прибавился еще один — теперь уже окончания следствия и суда работы не приписке нельзя.

Вследствие такого категорического отказа, рабочие, привлеченные к следствию, были с приписки выдворены.

Такова внешняя сторона сделки рабочих. Что касается мотивов сделки, то они могут быть выражены в следующие общие положениях: 1) недовольство администрацией приписки и особенно распорядителем горных работ Каверным, но не заводящего приписки г. Ярославцева недовольство рабочих не распространялось; 2) недовольство значительными недоработками, которые, по мнению рабочих, происходят от глубокой промерзлости почвы и не могут быть приписки и недоработки рабочих.

Недовольство администрацией происходит от следующих причин: 1) По объяснению рабочих, Каверин при найме их обещал словесно, что четыре дня в месяц назначенные по контракту для отдыха, будут по возможности совпадать с воскресными днями, вследствие чего рабочие и обратились с просьбой об освобождении их от работ 13-го февраля. Каверин сначала подтвердил объяснение рабочих, но затем вторично явился на mine, без вызова с мой стороны, и объяснил, что позволение показание его дано им по недоразумению, и что при найме рабочих он подобно обещанию не давал Френсфельду приписки отказа в освобождении от работ 13 февраля Каверин показал, что он не имел права давать по своему усмотрению гульные дни, в Ярославцеве на приписке в то время не было, а затем добавил следующее: один праздник был в течение 1—12-го февраля, затем он, Каверин, предполагал дать льготу 20 числа и на следующие 26 и 27, следовательно льготный день 13 числа был бы пятым, хотя рабочие заявили, что на следующие в субботу они на работу выйдут, но Каверин не смел довериться рабочим, и потому в отделе на 13-е число отказал.

Для оценки данного рабочим отказа в отдыхе на 13-е число можно и не касаться спорного обстоятельства и тех обещаний, которые давал Каверин при найме рабочих и достаточно пояснить, с одной стороны, что объяснения Каверина несерьезны и неосновательны, и с другой, что гарантией знания работ на приписке вполне допускает возможность остановки в работах, без всякого вреда для дела.

2) Расчетные книжки рабочих за текущий год не были выданы рабочим и на просьбу рабочих о выдаче книжки (книжки), Каверин ответил, что между четырьмя месяцами подсчитано только по приезде на приписку бывшего исправником и вследствие предъявления ему жалобы по этому предмету и вмешательство исправника номера приписки подсчитала книжки и выдала их рабочим. Из полученных расчетных книжек рабочие убедились, что цена пригласа в январе и феврале понизилась против цен прошлаго года и объясняется это приписки последствиям стесним Управляющий припиской г. Ярославцев лично объяснил мне что цены понизились вследствие того, что в 1894 году на Байском руднике цены упали. Так как проверка правильности этого объяснения была бы соединена с ревизией отчетности о приходе и расходе приписки и даже с ревизией наличности на, как выше обязанности не были возложены на mine, то объяснение г. Ярославцева осталось не проверенным. По этому предмету были произведены исследования чиновником Алтайского отделения конроля, но результаты этих исследований мне ничего неизвестно.

Осмелюсь выразить свое личное мнение, что энтузиазм припасов сведовало бы производить обязательно при участии артельного старосты. Последствием подобной меры было бы увеличение припасов и экономия в расходах, и с другой стороны — большее доверие к администрации прииска.

3) Помимо вышеуказанных частных случаев недовольства, артели рабочих были всеобща недовольна откошениями и артели распорядителя горных работ Каверина. по одностороннему отъезду всех рабочих, дальнему при полнейшем дознании и потом при формальном следствии и при моем объяснении. Каверин был с рабочими груб, употреблял крайне неприличные выражения и даже допускал побоев. Вносить в акты должны все объяснения по этому предмету. Было бы совершенно излишне, так как показания всех рабочих были совершенно однообразны, и потому я ограничился лишь запискою показаний двух рабочих, избранных артелью для объяснений со мною.

Хотя Каверин был принят г. Ярославцевым на службу в качестве распорядителя горных работ, но так как сам Ярославцев на прииске не жил, то во время его отсутствия Каверин являлся главным распорядителем прииска. К нему необходимо добавить, что на прииске состоял на службе два брата Каверины, из них другой полноточнеем старшим. Как Каверин так и г. Ярославцев совершенно ограничили грубое обращение первого из них.

4) По поводу жалоб на недоработки прежде всего следовало заметить, что в контракте с рабочими уран определен с октября по май в $1\frac{1}{2}$ куб. сажень на забойщика (и на одного возчика с лошадию) с платой забойщику 57 коп. и возчику 42 коп. Между тем в течение периода с октября по 12-е февраля администрация им одного урана в танок выкопачетай не дала, ограничившись лишь требованием в $1\frac{1}{4}$ саж., с соответствующим понижением платы. Таким образом, в течение всей зимы рабочие были лишены возможности заработать на плату, на которую они могли бы рассчитывать на основании контракта. С целью целью установлена подобная система контрактов мне неизвестно; на вопросы, предложенные мною по этому предмету г. Ярославцеву, последний отвечал, что образец контракта был утвержден горным Советом.

В течение трех зимних месяцев 1893 года недоработок не было, нем пуща связать. Они были настолько незначительны, что администрация не вводила в расчеты. Согласно контрактам последняя недоработка состоит в передаче забойщиков и возчиков с вышеуказанной платы на плату поторжину, т. е. в матери черными по 20 коп и старыми по 10 коп в день. В январе месяце недоработка была: у забойщиков 70 дней на 14 руб., у возчиков 66 дней на 6 р 60 к, итого на 20 р 60 к; в феврале 1—12 февраля у первых 100 дней на 20 р, у вторых 97 дней на 9 р 70 к, итого на 29 р 70 к.

При существовании недоработок рабочая плата понижается на 20 и 10 копеек независимо от величины недоработки, вследствие чего расходы администрации на рабочую плату значительно понижаются, соответственно чему уменьшается и сумма заработка рабочих, не говоря о том, насколько справедлива такая система в учреждении, которое не может рассчитывать свое производство на искусственное понижение стоимости рабочего труда, — кроме того следует заметить, что при такой системе рабочий неинтересован в том, чтобы довести свой недоработок до наименьшего размера, так как при всякой величине недоработки рабочий несет одинаковую потерю.

По поводу столь значительных недоработок администрация дает единственное объяснение — приписывая их небрежности рабочих.

Соответственно вышеизложенным причинам стачки, рабочие, на предложение мое присутствия и работам, изъявляли не во согласии под условием признания следующих мер: 1) удаления с прииска Каверина, 2) сложение штрафа в 1 р, назначенного Кавериним за 13-е число и освобождение от штрафа за последующая время и 3) более справедливые вычеты за недоработки на урне действительно урбных для работ.

Вышеизложенные условия я не считал возможным принять, о чем генерал-губернатору Вашему представителю от 27-го февраля

Рабочие, прикрепенные к следствию, обвиняются по 618 и 773 ст. Уложения ф. неадекватно; если высланных 49 человек; при рассмотрении паспортов полицейского участка было обнаружено, что в числе рабочих были четыре лица из ссыльных не имевших права жительства в Алтайском округе, о чем было сделано соответствующее отметки на паспортах их.

Нижемяки посторонние эпизоды на рабочих или участия в спячке лиц, не принадлежащих к составу артели рабочих, ни мной, ни полицейской властью не замечено.

Во время пребывания моего на прииске доверенный общества дер. Карповой крестьянин Мальчинов подаст мне прошение о сгеснении общества в отношении пользования земельными и лесными угодьями.

1 апреля 1894 г.

Н. Миролюбов.

ГААК, Ф. 4. Оп. 1 Д. 1363. Л. 31—36 об. Подлинник.

№ 6

ПРЕДПИСАНИЕ

заведующему приисками и разведками золота
в Алтайском округе Ярославцеву
главного начальника Алтайского округа

Господин и д. начальник округа, рассмотрев обстоятельства, изложенные в ante дознании и рапорта и д. чиновника по разным поручениям Главного управления Миролюбова от 1 апреля, при которых произошли беспорядки на Быстринском прииске в феврале с. г., нашед, что заковыки были последствием неправильных действий приисковой администрации, выразившихся в следующем:

1) Ваше Высокоблагородие не имея постоянного пребывания на прииске, следовательно не могли иметь должного наблюдения за рабочими там и в день происшедших беспорядков отсутствовали с прииска; 2) распорядившийся горными работами Каварин не имея никакого основания заставить рабочих производить работы в воскресный день, тем более, что Его Превосходительство во время своего посещения названного прииска летом прошлого года отдал распоряжение Вам, чтобы Вы никогда не принуждали рабочих выходить на работу в воскресный дни, 3) вопреки тогда же отданного Его Превосходительством распоряжения, Вами не были затеваны и выданы рабочим прииска раскрасочные книжки и заковыки были выданы лишь по требованию г. Быянского окружного исправника, и 4) тот же Каварин грубо обращался с рабочими.

Ввиду изложенного, Его Превосходительство постановил а) предписать Вашему Высокоблагородию иметь постоянное местопребывание на Быстринском прииске или в одном из соседних лежащих вблизи него, о чем Вы должны довести Главному управлению; б) заготовку необходимых припасов для прииска производить в присутствии артельного старосты, избранного рабочими прииска; в) не принуждать рабочих, как уже было указано Вам Его Превосходительством, выходить на работу в воскресные дни, и г) заключенные Вами с рабочими условия предоставить на рассмотрении Его Превосходительства.

Что же касается личной Вашей ответственности за происшедшие беспорядки на прииске, то вопреки об этом отлагается до решения дела о спячке Томским губарским судом.

30 апреля 1894 г.

Подпись неразборчива

ГААК Ф. 4. Оп. 1 Д. 1363. Л. 40—41 Подлинник.

РАПОРТ

начальнику Алтайского округа Н. Д. Чиновника
по разным поручениям об увольнении Каверина

Имею честь довести Вашему превосходительству, в дополнение рاپорта моего, что по распоряжению господина временно заступающего на место начальника округа, Ярославцев был одобрен телеграфический доклад пн Каверин прошенный об увольнении, на что Ярославцев ответил, что Каверин, согласно его прошению, 19 марта от службы уволен.

30 апреля 1894 г. Миротлюбов.

ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1363. Л. 43. Подлинник.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Томского губернского суда

о приговоре над участниками стачки

Сии сообщается, что приговором от 2 ноября и 15 декабря 1893 г. по делу о беспорядках на Бийском прииске, определено: бийские мящан. Корней Ефимов Епифанов, 44 лет; Иван Иванович Логинов, 42 лет; Юзефия Степановна Кослова, 35 лет — уволенного в запас майора, Иона Иванович Чилиннича, 30 лет; Семья Францев Ясинского, 48 лет; крестьянина Камского округа Петра Дмитриева Канева, 26 лет; и инородца Бийского округа Быстринской инородной уезды Алексея Ивановича Миртова, 23 лет, признав виновными в том, что 13 февраля 1894 г. как главные виновники и участники принимали участие в стачке рабочих на Бийском прииске, на основании 618, 3 ч. 273, 1 ст. 36, 134, 135, 1 ст. 88 Уложения о наказаниях, подвергнуть торжественному заключению на один год кандалов, но, за счлом 1 п. IV ст. Всеобщей высшейшего манифеста от 14 ноября 1894 г. от означенного наказания освободить.

18 января 1896 г.

Совежник: подпись неразборчива

ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1363. Л. 43. Подлинник.

ДОКЛАД

Канцелярии главного управления

В резолюции, положенной Шапки превосходительством, от 26 апреля 1894 г. на рاپорте чиновника по разным поручениям Миротлюбова о расследовании причин беспорядков, происходивших на Бийском прииске среди рабочих, между прочим замечается следующее:

«...Что же касается личной ответственности г. Ярославцева за происшедшие беспорядки на прииске, то вопрос об этом отлагается до решения этого дела Томским губернским судом...»

Нынче дело это Томским судом решено, в чем канцелярия Главного управления доподлинно доводит Вашему превосходительству, прилагая при сем копию с решения и присовокупляет, что Ярославцев уволен от должности заведующего

прикован приказом заступающего место начальника округа за 2-е апреля
нашего года.

6 сентября 1896 г.

Подпись неразборчива.

Г.А.К. Ф. 4. Ол. 1. Д. 1363 Л. 65. Подлинник.

В МУЗЕЯХ КРАЯ

НОВАЯ ВЫСТАВКА В АЛТАЙСКОМ КРАЕВОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В конце августа 1990 г. в Алтайском краевом краеведческом музее Барнаула состоялось открытие новой выставки: «История торговли и предпринимательства на Алтае в конце XIX — начале XX в.».

Тема несколько необычна для музея, но это не «дань моде». Дело в том, что во второй половине XIX в. на территории Алтайского Горного Округа наметился упадок горнозаводского производства. Заводы становятся нерентабельными и начинают закрываться один за другим. В 1893 г. прекратил свою работу крупнейший сереброплавильный завод Алтая — Барнаульский. После прекращения горного производства округ принимает новую направленность своего экономического развития — теперь он становится главным сельскохозяйственным районом Сибири, что, несомненно, дало толчок к быстрому росту и расширению торговых отношений. Уже в 1898 г. г. Барнаул занимал третье место в Западной Сибири по торговым оборотам. Таким образом, тема торговли конца XIX — начала XX в. является для нас частью истории края, неотделимой от других событий того времени.

При работе над выставкой возникали различные, порой самые неожиданные трудности и проблемы. Прежде всего, потребовалось провести большую целенаправленную собирательскую работу, так как на протяжении десятилетий фонды краевого музея практически не комплектовались материалами, раскрывающими дореволюционную торговлю на Алтае, данные о купечестве — «как классе враждебном пролетариату» — тоже были скудны. Поэтому, почти все экспонаты выставки, а их более 300, представляют собой последние 3—5 лет. При сборе материала, также выяснилось, что люди передававшие нам экспонаты, также высказывали факт принадлежности своих предков к «торговому люду» и купечеству. Они еще помнят, как в 20—30-е гг. эти самые «торговые люди» подвергались различным репрессиям. Помните ли «Золотой теленок»: — «У него, что же, родители не в порядке? Торговцы? Чуждый элемент? — Да и родители не в порядке, и сам он, между нами говоря, имел аптекку».

Мало кто из современников знает, что алтайское масло закупалось, например, английскими и датскими фирмами, или, что у нас в городе был крупнейший магазин «Пассаж 31 Ф. Смирнола», занимавший целый квартал по Московскому проспекту (ныне Ленина) между улиц Гоголя и Пушкинской, или, что в конце XIX в. на Алтае ежегодно недосгребованным оставалось около 22 млн.

удов хлеба, и это при покрытии всех поставок и полным удовлетворении внутренних нужд округа.

К сжиганию, все это осталось уже в прошлом.

Временные рамки темы довольно конкретны. Но материал выкладки обширнее. Экспозиция начинается с момента становления торговли на Алтае во второй половине XVIII в., появления в Барнауле первых гильдейских купцов и уже потом показана торговля конца XIX — начала XX вв. — периода своего расцвета. Один из разделов выставки раскрывает торговлю с левыми южными соседями Монголией и Китаем по Чуйскому торговому пути — одной из «чайных дорог» Российской Империи.

С торговлей неразрывно связан и транспорт, на выставке можно ознакомиться с его состоянием на начало XX в.

В экспозиции воссоздан интерьер гостиницы купеческого дома и уголок универсального магазина Барнаула конца XIX в. братьев А. П. и М. П. Пешковых. Это был действительно универсальный магазин, в нем можно было купить буквально все необходимое — от серебряного браслета, швейной машинки фирмы «Зингер», свечей, жерсина, свичек и табака до мяса, рыбы, вина, кондитерских изделий и прочего. Магазин Пешковых в конце XIX в. находится на углу улицы Томской (ныне Короленко) и 3-го Прусского переулка (ныне Ядринцева) — районе населенным малолетними людьми, а вот уже в начале XX в. М. П. Пешков являлся главным в городской думе и проживал в центре города на Московском проспекте. Из этого примера виден успех «торгового дела» братьев Пешковых. Братья вели ежедневную запись своей торговой деятельности и частично эти документы сохранились. Вот, например, что было куплено у Пешковых в сентябре 1890 г.:

26 сентября — известь и кисти на 50 копеек,

1 ведро чебаков — 12 копеек

27 сентября — подки на 8 копеек,

7 пудов ржаной муки — 2 рубля 10 копеек

28 сентября — 30 фунтов мяса — 90 копеек,

1 фунт чая фасованного — 1 рубль 40 копеек,

возки в разное время на 38 копеек.

Для своей торговли братья закупали партии товаров у более крупных торговцев. Сохранился счет из лозки А. А. Кульнева господину М. П. Пешкову, где указано, что Пешковы закупили у Кульнера в январе 1882 г. — папирос 15000 шт., сигар 800 шт., одну суконную шаль, 7 аршин ситца, 3 аршинка полубархата и разного товара на 8 рублей 40 копеек.

Большую часть документального материала этой экспозиции принесли летом 1968 г. ученики одной из барнаульских школ, а нашли они этот «бесценный» для нас клад на чердаке старого дома по улице Короленко, где и жили Пешковы в конце XIX в.

Хороший материал по торговле на Алтае передали старожилы Барнаула: Д. Н. Жарков — сын барнаульского купца начала XX в., сестры Бесичевы — дочери барнаульского землемера Б. Е. Бесичева и другие.

Почти все экспонаты выставки посетители видят впервые. Показать их раньше просто не было возможности. Не секрет, что экспонаты выставленные во всех залах музея составляют лишь 7 проц. от хранящихся в фондах. Все дело в недостатке площадей.

Выставка работает, но она еще не закончена. Есть новые замыслы, дополнения, которые и будут сделаны.

ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО АЛТАЯ

В истории культуры Алтая архитектуре присаается особое место. На наш взгляд, именно в ней нашли наиболее полное выражение идеи и особенности экономической, общественной и духовной жизни края в XVIII, XIX и в начале XX столетий. Заводы, рудники, фабрики, конторы; горские школы и училища, минеральные кабинеты, музеи, аптеки, лазареты, магазины, жильные дома, церкви и часовни — все это материализованная история, предмет изучения краеведов.

Культовое зодчество Алтая почти не исследовано, многие постройки утрачены, судьба других в советские время оказалась трагической. Как известно, с 1928 года начинается уничтожение старинных зданий Москвой — храма Христа Спасителя, церкви Успенца на Покровске, Красных ворот, Сухаревой Башни; уничтожаются соборы Кострома, Ярославля, Муром, Нижнего Новгорода, Ульяновска. В Сибирских городах и селах рушатся колокольни и главы церквей, парниваются соборы. На Алтае этот нандализм проявится во всей своей разрушительной силе. В Камне-на-Оби снесены купол и колокольня Покровской церкви, в ней размещен ликеро-водочный завод. В Барнауле уничтожены Иоанновская, Богородская, Богородицы Казанской, Инокентия Иркутского церкви, взорван Петропавловский собор, снесены главы и уничтожены колокольни Знаменской и Никольской церквей, разрушена колокольня Покровской церкви, обезображены лютеранская и Дмитриевская, католический костел, линия завершения, уничтожены часовни, национализированы все церковные дома и усадьбы. Огромные утраты. В Бийске не сохранились, разобраны Ильинская, Кизьмы и Дачная, Елицинская, Сретинская, Покровская церкви, разрушены Троицкий и Казачий соборы, Александро-Невская часовня под заводскую кухню.

Разрушенное — не означает не существовавшее никогда. В фондах Государственного архива Алтайского края, Омского областного архива, Центрального Государственного Исторического архива в Ленинграде, Томского областного архива сохранились документы, описания, планы и фасады церковных строений, сведения о тех, кто возводил их. Ряд авторов на основе таких источников опубликовали работы, среди них С. Н. Батанани, А. М. Прибыткова, А. П. Уманский, М. А. Юдин, А. М. Родионов. В данной статье, кроме опубликованных, использованы неопубликованные материалы.

Культовые постройки Алтая по времени их создания можно разделить на церкви середины и второй половины XVIII века, строения конца XVIII — первой трети XIX столетия, храмы сере-

вич и второй половины XIX века, здания конца XIX — начала XX веков. Названные хронологические периоды отличаются друг от друга преобладанием того или иного строительного материала, стилистическим признакам, организацией архитектурных работ.

В 1748 г. при Барнаульском сереброплавильном заводе началось строительство деревянной церкви. Это была Петропавловская церковь, наиболее древняя из известных культовых зданий XVIII в., сохранившаяся к 1751 г. по проекту и под руководством геодезиста-инженера Пимена Старцева. Сруб возводили плотник Елсей Алютин, тобольский солдат Анисим Чуркин, драгуя Еремей Кабаня. 13 помощников, выбранных мастерами. Петропавловская церковь была крестово-купольной. В плане ее основной объем представляет собой прямоугольник со сторонами 8 x 13 м, с запада к нему примыкал квадратный сруб трапезной, с востока — пятистенная апсида. Трапезная завершалась двускатной кровлей, собственно церковь — 8-гранным куполом на высоком барабане, апсида — бочкой. Церковь, говорится в описании, была обшита тесом, окружена галереей с перилами из точеных балясик, окрашенных в красный цвет. В чертающих купола, в общем силуэте храма угадывается влияние русского барокко. Прямоугольный двор церковный обнесен оградой из бревен, вложенных в стену, которая с внешней стороны поддерживается бревенчатыми контрфорсами. За оградой с западной стороны на одной продольной оси с церковью находилась колокольня высотой 22 м. Она имела проезжие ворота и завершалась шпилем. Если здание церкви было построено в традициях русского народного зодчества с некоторыми признаками официального стиля барокко, то и колокольня ярко, отчетливо обнаруживалась воздействием архитектуры строящегося Петербурга. Оно прослеживается в светском характере колокольни, выполненной из дерева, но в подражании каменному сооружению, и ее яркой композиции и деталях — шпиль, фронтоны, арочная галерея. Даже в названии церкви есть сходство с первым храмом Петербурга, посвященного также святым Петру и Павлу. С. Н. Баландин отмечал в архитектуре колокольни Петропавловской церкви в Барнауле «роствлю» и архитектурой деревянного Петропавловского собора в Петрозаводе, построенного в 1703 г.

Ансамбль Петропавловской церкви и колокольни завершал перспективу главной улицы Барнаульского заводского посада — Петропавловской линии — примерно 23 года. Стоящая отдельно от церкви, за церковной оградой, высокан колокольня под шпилем являлась как бы символом воплощения государственной идеи освоения прибоксных земель русскими людьми. В рапорте в Кабинет с. и. в. о разрешении на построение Петропавловской церкви сообщалось: «...помысли от здешних заводов получить знатный государственный интерес». Но уже в 1767 г. деревянная первая церковь Барнаула пришла в негодность и грозила падением, что побудило каи-

целярию Колыванских заводов просить у Кабинета средств на строительство нового каменного Петропавловского собора.

В 50-х годах XVIII в. в Барнауле были выведены деревянные церкви св. Захария и Елизаветы в солдатской и мастеровой слободе и Одигитрии на Торговой площади. Строителем первой из них, в возможно и Одигитриевской, был также Павел Старцев. Немногочисленные описания этих церквей в документах архива позволяют предположить, что в плане и в объемных композициях они приближались к Петропавловской, но колокольни у них не стояли отдельно, а прищывали к трапезным. Один из сыщиков в рапорте от 23 апреля 1754 г. оставил такой отзыв о церкви ирарских Захария и Елизаветы: «...в строении боголебно содеяна».

На территории Кабинета главным заказчиком в строительстве церквей выступали заводские конторы, конторы рудников, казначейрия Колывано-Воскресенских заводов. И Петропавловская церковь в Барнауле была построена «казенным коштом... на строение и содержание той церкви от высочайшего Ее императорского Величества Кабинета определена была сумма семь сот рублев». Многие источники говорят о том, что прихожане часто проявляли желание строить церкви «собственным коштом» вместо обязательств. Так, в письме от 27 августа 1793 г. священник сообщал в Духовное Барнаульское правление: «Одигитриевская церковь деревянная пришла в обветшалость и прихожане имеют желание построить собственным коштом вместо иной обветшалой деревянной иконой каменную церковь... для чего уже материалы принадлежавшие для заложения таковой каменной церкви и работники приготовлены».

В традициях деревянного народного зодчества построена была в 1766 г. церковь при Новопапавловском заводе. Она рублена из бревен в углы, с наружной стороны обшита досками, выкрашена красною краской... наверху оной церкви у колокольни и купола, и главы обшита белой жестию, и на них железные кресты, все оное строение покрыто тесом, и вокруг ограда».

Значительное влияние на культовое зодчество не только Алтай, но и Западной Сибири оказало возведение в Барнауле каменную Петропавловского собора, что проявилось в усилении тенденции строить каменные (жарланские) храмы или деревянные на каменном фундаменте. Об этом свидетельствуют многочисленные рапорта священников о разрешении на строительство каменного храма. В своих просьбах священники ссылаются на опыт возведения такого храма в Барнауле.

В 1767 г. духовное правление Барнаульского завода обратилось в Кабинет с прошением «разрешить построить церковь на каменном фундаменте, кирпичную с подлежащим благолепием яко за слабостью грунта и дряблостью леса деревянное строение весьма непрочко и не более двадцати лет простояет». В декабре

1767 г. из Кабинета в Барнаула был прислан проект Петропавловского собора архитектора Д. П. Макулова и указ о строительстве собора, сопровождающийся предписанием: «...проект сочинен князем Макуловым с излишней весьма огромностью и по смете с превосходящими гораздо предписанные предельми... оному же послылан при сем, чтобы канцелярия горного начальства, применяясь к величине здания по числу жителей и сообразуясь с тамошними ценами прислало обо всем том известие, план и смету». Смету и некоторые изменения в проекте сделал горный инженер И. Медер и холморуцк П. Попов. Д. П. Макулов (р. 1700 г.) — московский архитектор, современник Д. В. Ухтомского, С. И. Чевалковского, К. И. Бланка — был приверженцем стиля барокко, хотя в 60-е годы в Петербурге уже утверждался классицизм. В проекте собора, в рисунке глав, в соразмерности объемов присутствующим чертам барокко. Собор был заложен 23 июня 1771 г. возводился без архитектурного надзора каменщиками и плотниками, набранными с разных заводов. Резной иконостас выполнил житель Томска А. Гуцлов, живописные работы — тобольский купец А. П. Сумин. Кирпич готовился на месте заводскими мастерами; бутовый и плиточный камень на фундаменты привозился издалека по воде, в кладке был использован камень от печей, футерной печкиловинной каминачной и брусчатый. Остатки собора — был 3 февраля 1774 г. При соборе было 5 десятин удобной земли и 33 бесовины — наменной и сенокосной. Площадь, на которой поставлен Петропавловский собор, стала называться Соборной (ныне площадь Свободы). Храм замыкал перспективу переулка Соборного (ныне проспект Социалистический), проглядывался со стороны Московской улицы (ныне проспект В. И. Ленина); он обогатил силуэт города Барнаула (как указывает Г. Д. Нишин, сделавшийся центром управления Колыванского горными заводами Барнаула в 1771 г. стал именоваться городом»). В документе 1846 г. отмечено, что утварь Петропавловского собора «весьма достаточна». Во второй половине XIX в. здание храма ремонтировал, его персональным объектом в ходе возведения ремонтных работ был изменен. А когда-то Петропавловский собор являлся первым каменным культовым сооружением на территории Кабинета и олицетворял здесь потребности в стиле барокко. На современном здании отразились черты классицизма. В Томске при строительстве собора в мужском Алексеевском монастыре — в 1776 г. была сделана попытка начать его возведение «по отному плану только лишь выстроенной для крепости Кларкова с. и в. Барлазарской Петропавловской церкви». В 1905 г. собор был разобран. Мечета выразительная архитектурная доминанта исторического центра Барнаула. Разрушено было и кладбище при храме, а вместе с ним и надгробные плиты, являющиеся историческими документами. Уже в первой четверти XIX в. вокруг собора был раз-

бит зеленый сквер. Современный сквер на том же месте занимает и бывший храм. Изображение барнаульского Петропавловского собора сохранилось на открытках и фотографических начала XX столетия, в архивных чертежах и документах. Петропавловский собор числится под номером 4 в «Списке наиболее выдающихся памятников в Барнауле, составленном в марте 1928 г. комиссией Алтайского Отдела Русского Географического Общества.

Как уже отмечалось выше, возведение в Барнауле за столь короткий срок (три года) каменного Петропавловского собора стимулировало строительство на Алтае кирпичных церквей. Но в Сибири в XVIII в. практически не было профессиональных архитекторских кадров. Строительство осуществлялось под руководством военных чинов и горных инженеров. В Tobольске, Бийске и других местах во второй половине XVIII в. много строил тобольский ямщик Иван Черепашов, известный как «знающий в архитектуре каменного строения» и как мастер по выполнению разных живописцев. При всей талантливости, деятельность этих людей не могла удовлетворить потребности в квалифицированном руководстве строительством растущих сибирских городов. Архитектурный класс Академии художеств в Петербурге был основан в 1758 г. Первый набор в него состоял из тринадцати человек. И все-таки есть основания говорить о роли воспитанников Академии художеств в формировании архитектурного облика сибирских городов и поселков в конце XVIII — первой половине XIX столетий. Культурное водчество Алтая связано с деятельностью заводских архитекторов. Получивших образование в Петербургской Академии художеств на средства Кабинета, А. Н. Молчановым (1755 — после 1824) и Я. Н. Половым (1802 — после 1852).

А. Н. Молчанов работал в должности заводского архитектора в Колыванских заводах с 1790 г. С этого времени возведение церквей при заводах и рудниках прямо или косвенно сопрягается с его именем, с его деятельностью. Все проекты отмечены стилистическими признаками классицизма, вероятно, архитектор использовал образцовые проекты из специальных альбомов. Обязанности заводского архитектора были так многообразны, территория кабинетского хозяйства так велика, что один профессионал был не всегда в состоянии осуществлять архитектурский надзор за строительством. Иногда каменное строительство шло 10-летим

Примером может служить возведение каменной церкви в Змеиногорском руднике. Рассмотрим этот пример подробнее.

Церковь Преображения Господня в Змеиногорске — краткая историческая справка:

1757 г. — построена из дерева, освящена.

1773 г. — вышел указ о строительстве вместо обветшавшей деревянной церкви новой каменной.

1775 г. — приглашен из Кабинета е. и. в. «чертеж и план» здания.

В «дополнении» от 15 декабря 1775 г. в Кабинет сообщалось, что «в строении» начнутой церкви... материалы и припасы уже заготовлены, а настоящего знающего каменное дело архитектора при здешних заводах не имеется, да и через посланные отношения в сибирских городах Тобольском, Иркутском и Енисейском по публикым оному не отыскалось, а потому в то строение церкви поступить не можно... и не соизволил ли Кабинет приказать отыскать в Санкт-Петербурге архитектора и прислать его...».

1787 г. — П. Соймовов пишет из Санкт-Петербурга начальнику Колыванно-Воскресенских заводов Г. Качке: «Для построения при Змеиногорском руднике каменной церкви присовождается при сем сделанная здесь деревянная модель с отправленным ныне на Колыванские заводы сержантом Ларионом Зелоншиковым: за сделание оной и за закупку заблажено старшему мастеру Ивану Эрбергу по договоренной с ним цене из Колыванских сумм двести два рубля». В 1787 г. была заложена каменная церковь «по опробованному сначала рисунку» и часть оснований уже построена. Но посетивший Змеиногорский рудник П. А. Соймовов нашел ее расположение «впаде казенного строения в темном месте в пригорье и в кособоре, где обыкновенно по зимам бывают великие снега», непригодным и приказал остановить строительство. П. А. Соймовов определил новое место для церкви «в крепости близ находящегося для полатания дележской казны подвала... место против доставленной модели из Кабинета Его в. в. оберманно, и причитается к заложению весьма свободно, на открытом месте, по положению всего занимаемого здания и строения весьма преждем по приличеству несравненно удобнее».

1803 г. — сочинен чертеж вновь располагаемой при Змеиногорском руднике каменной церкви; выполнен непрофессионально.

1805 г. — в канцелярию Колыванно-Воскресенских заводов из Змеиногорского рудника сообщается о том, что для строительства церкви по-прежнему нет архитектора.

1807 г. — чертежи в смета на строительство церкви составлены заводским архитектором А. И. Молчановым. Клади церкви тожской мерцания Ефим Шугов и Иван Кожевников.

1815 г. — заводскому архитектору А. И. Молчанову поручается составить дополнительную смету на «вызолочение» трех крестов и масло конопляное на крашение кровли и прочего, «крыша должна быть железной... кресты, куполы и луковницы оболочь латунию или белым железом».

1816 г. — стекла для змеиногорской каменной церкви изготовлены по образцам в Барнаульском стекольном заводе. Из донесения в канцелярию заводов от 2 октября 1816 г. «... образа для иконостаса были изготовлены по плану, присланному из Кабинета

та Е. И. Б. в 1774 году, за что и заплачено подрядчику Сумкину из казны 371 р. 49 коп. Оные образы зменются в храмении в Бартаульском заводе при церкви Соборной Петра и Павла», и рудники «искусных людей во всей компании нет» и просят прислать мастеров резных дел для устройства иконостаса.

1817 г. — строительство церкви завершено

1846 г. — в писи заводских страсний о церкви сказано: «Каменная, теплая, с таковой же колокольной, обнесена деревянншою оградой».

Змеиногорская церковь Преображения разрушена в 1930-х годах.

А. И. Молчавовым подписан проект каменной церкви для с. Космалинского, чертеж датирован 1810 г. Это прямоугольная в плане церковь с пятистенной апсидой, просторным притвором — сенями и широким крыльцом. Фасады члениятся пилястрами и увенчаны фризоном тосканского ордера. На фасадах апсиды и притвора — рустованные докаты. Прямоугольные арочные проемы помещены в углубленные арочные ниши с замковыми камнями. Собственно церковь и апсида покрываются двускатной кровлей. Купол над храмом отсутствует, есть лишь небольшая главка. Над притвором возведена колокольня, увенчанная шпилем. Несмотря на применение ордерной системы эта каменная церковь по плану и декоративности восходит к бревенчатым срубным храмам, какие строили во 2-й половине XVIII в.

Церковь для с. Космалинского носит менее канонический характер, чем каменный храм Змеиногорского рудника. В Змеиногорске церковь была более парадная, над ее объемом имелся купол, облик трапеэкой как бы перетекал в пространство церкви.

Планы и объемы церквей Томского и Сузунского заводов аналогичны церкви с. Космалинского, отличие лишь в том, что они трапеэзные.

Культовое строительство на Алтае, как и во всей Сибири, регулировалось правительственными указами и указами Синода. Так, в примечании к «Положению о благоустройстве дорог, сел и городов», утвержденному царем 13 декабря 1817 г. указывалось: «Не позволять впредь заводить церквей не иначе как на площадях. Среди же обывательских домов постройка оных строго воспрещается».

В соответствии с указом Синода от 9 марта 1826 г. «О правилах на будущее время для строения церквей» в 30–40-е годы на территории кабинетского хозяйства строится преимущественно каменные церкви «по планам и фасадам, согласно правилам архитектуры».

Таковы Локтевская (1831), Снегиревская (1837), Зырянская (1849) церкви, которые проектировал заводской архитектор Я. Н. Понов. Так, ему было «предписано на основании правил о ло-

строения церквей в России от 9 марта 1826 г. Высочайше утвержденным составили планы и сметы на построение в Локтевском заводе каменной церкви, однопрестольной и теплой...

В этих церквях Я. П. Попов объем трапезной сливается с объемом собственно храма; фасады решаются лаконично: подчеркивается школьная часть, выложенная квадратными чугунными плитами (в цоколе Локтевской церкви предполагалось использовать 85 чугунных плит со стороной 1 арш. 4 вершка), над рядом прямоугольных окошечных проемов доминантно выделяются пилястры или прямоугольные филленки. Как и А. П. Молчанов, очевидно, Я. П. Попов пользовался образцовыми проектами из альбомов Гесте, Стасова и других мастеров классицизма. Но особенностью творческой деятельности архитектора является стремление к аксамбловости. В этом он ученик К. П. Росси, архитектурским помощником которого Я. П. Попов был в Петербурге в годы учебы.

Я. П. Попов использовал принципы эстетики максимально раскрытого пространства, систему пространственных связей и создание далеких зрительских перспектив. Примером служит последняя постройка архитектора — церковь Иоанна Крестителя в Барнауле на Нагорном кладбище (1856-1957 гг.). Ее классический силуэт и белокаменный портал ритму порталов заводского помещения и заводской богадельни ансамбля Демидовской площади. Иоанновскую церковь разобрали в 1930-х годах.

Я. П. Попов завершил строительство Дмитриевской церкви при заводской богадельне в Барнауле. Она была заложена 6 августа 1829 г. по указу Губернской Духовной консистории от 16 декабря 1824 г., построена в 1831 г. на средства Колыванно-Вокресенских горных заводов; «...каменная, вместо колокольни имеет каменные столбы, на них колокола висят». В. Ф. Гришзов написал очерк о церкви Дмитрия Ростовского, познакомив читателей газеты «Молодежь Алтая» с историей этого памятника культуры архитектуры. Судьба здания драматична. В 1921 г. по инициативе Алтайского художественного общества в нем был открыт художественный музей. К середине 20-х годов в музее имелось более ста различных экспонатов, среди них произведения С. Коменкова, В. Домогацкого, Р. Фалька, П. Кузнецова, В. Кандицкого, Н. Машкова, коллекция сибирских древностей исследователя Н. С. Гуляева. Во второй половине 20-х годов следы музея теряются, музейное собрание рассеивается в судьба художественных ценностей неизвестна. В настоящее время здание Дмитриевской церкви разрушено. А между тем это памятник сибирского культурного зодчества в формах классицизма, элемент ансамбля общественно-административного исторического центра горного города Барнаула.

Говоря о культурном зодчестве Алтая, нельзя не упомянуть проект церкви-ротонды архитектора Н. А. Львова, обнаруженный в Государственном архиве Алтайского края А. Д. Крячковым

опубликованный им в 1937 г. Этот классический проект, предельно начавшийся для Колывани, не был осуществлен. Он важен фактом проектирования талантливым столичным архитектором для Сибири, где больше мастеров практически не строили, строили на ученики. Проект дополняет краткий список подобных примеров: широко известна, например, постройка В. П. Стасова в Омске — Казачий Никольский собор. Проект церкви для Колывани П. А. Льюиса в этом перечне один из самых совершенных классических произведений конца XVIII в.

Архивные источники сохранили сведения об убранстве и церковной утвари. В 1775 г. в барнаульский Петропавловский собор из Кабинета е. и. в. была прислана «ризница государева», в 1792 г. — из Москвы для барнаульской казённой церкви «спангелле евангелиста Финифтана и желтой посеребряной юбки». Прислать «ризнице для нового храма» было принято, прислалось оно и по ходатайству. Во второй трети XIX в. видел икона для храма казённой М. Н. Мягков, служивший в Колывано-Воскресенских заводах, получивший звание академика за картины, созданные на Алтае. «В городе Барнауле есть два живописца. Один, вышедший из Сп. Академии Мягков, другой ученик его утер-шихтмейстер Широков. Лучшая церковь в Барнауле Дмитриевская, в которой находится весь работы Академика Мягкова... В Дмитриевской церкви есть много произведений его кисти, считающихся изысканными...» — писал в рапорте в войсковую канцелярию Сибирского линейного казачьего войска есаул Ребров, рекомендуя М. Н. Мягкова для работы над иконостасами в войсковой каменной церкви в Омске, о чем было заключено «условие 21 декабря 1836 г.». М. Н. Мягков написал по этому «условию» 19 икон на чистоте, получил за труд 10 тыс. 600 руб.

При церквях часто строились богадельни. В Барнауле известна каменная богадельня в Соборном переулке (ныне проспект Социалистический, 20), построенная по личному и на средства купца В. Пуртова недалеко от Петропавловского собора в 1811 г., а также заповедная богадельня с Дмитриевской церковью.

Во второй половине XIX — начале XX вв. культовые здания на Алтае, как и во всей России, строятся кирпичные или деревянные на каменном фундаменте в формах эклектики в русско-инзантийском или русском стиле. Образцом служили храмы и проекты архитектора К. А. Тома. Церквей строилось много, часто за средства прихожан, купцов. В городах и селах они ставились на площадях, являясь архитектурной доминантой в окружающей среде. Уже говорилось о драматической судьбе церковных зданий. В этой связи можно еще раз вспомнить церковь в с. Корифейникове Усть-Пристанского района, упоминаем церковь Иконы Казанской Божьей Матери в с. Чарышском, деревянная на каменном фундаменте в формах классицизма, она была лишена глав и колоколки, крылец

дестяжками, но и после этих разрушений, церковь осталась лучшим сооружением на сельской площади, выделяясь среди других построек индивидуальностью силуэта, ясным декором фасадов, красотой оконных проемов. Построена она в 1835 г., хотя долгое время считалось, что в 1895.

Назovem некоторые сохранившиеся культовые здания Барнаула. Церковь Значения Захария и Елизаветы, кирпичная в русско-византийском стиле, строилась под руководством И. Злобина, завершена в середине XIX в., ведет свое начало от деревянной, возведенной в 1754 г. Пиченом Старцевым, затем была еще деревянная 1778 г., просторная и обширная, «с благолепием» исполненная. Находится на улице Б. Олонская, 27, размещается в ней Государственный архив Алтайского края, принявший многих исследователей, в этом здании работали известные краеведы, среди них Н. С. Туляев, Г. Д. Пявлин. Здесь долгие годы хранилось произведение живописца М. Курзина — портрет Н. С. Туляева начала XX в. (передан Алтайскому музею изобразительных искусств).

Церковь Богородице-Одигитриевская (на пересечении проспекта В. И. Ленина и улицы Л. Толстого) когда-то была каменной каменная с таковою же колокольней, двухэтажная, крыша железная, покрыта зеленою краской, утварью достаточная. Отличалась от других культовых зданий Барнаула усложненным кирпичным декором, тяготевая тем самым к образцам московской или уральской церковной архитектуры XVIII в. Заложена в 1795 г., строилась из средства купца Иаки Пуртова, завершена в 1815 г. Этому зданию предшествовала деревянная 1750-х годов. Церковь разобрана.

Покровский собор (при пересечении улицы Пикетилекой и переулка Пискальничского), действующая церковь, построена в конце XIX в. в русско-византийском стиле, освящена в 1903 г., закрыта в 1933 г., с 1942 г. вновь стала действующей. В 1990 г. восстановлена колокольня, разобранная в 1933 г.

Никольская полковая церковь (проспект В. И. Ленина) — кирпичная в формах русско-византийского стиля, возводилась в 1903—1906 годах, у ее стен проходило празднование столетия 1812 года. Обезглавлена, лишена колокольни, использовалась как клуб воинской части, Барнаульского училища летчиков. Расположенная с отступлением от красной линии улицы, церковь и сейчас красиво организует пространство окружающей среды.

Катлиничский мостел (проспект В. И. Ленина, 44) построен в 1913 г. по проекту архитектора, гражданского инженера П. Ф. Носовича. Лицен завершена, размещается в нем аптека. И в таком усеченном виде привлекает взгляд соразмерностью и цельностью объема.

П. Ф. Носович много строил на Алтае, в том числе проектировал храмы для сел, чаще всего деревянные в формах эклектики с преобладающим русским стилем и элементами ажурной резьбы.

Долгое время сохранялся в Барнауле фрагмент облема Лютеранской церкви св. Павла (на проспекте В. И. Ленина, между номерами 14 и 18). Это красное здание строилось в середине XIX в. по чертежу живописца М. П. Мяскова под архитектурным надзором Федосова.

Мы назвали не все культовые здания Барнаула, не коснулись большей части храмов Алтая, так как предстоит еще исследование многих авторов, чтобы восстановилась полная картина истории и облика культового зодчества края. Мы видели свою задачу в том, чтобы показать, как значительна и богата культура Алтая, как глубоко она связана с традициями офицерской культуры и как нуждается она в восстановлении для своего развития. В культовых сооружениях наиболее полно проявились исторические архитектурные стили — барокко, классицизм, русско-византийский и русский, проявившиеся на Алтае. Именно при возведении храмов архитекторами и строителями ставились и решались задачи эстетического освоения пространства, среды; главы церквей и преобладающие на Алтае шпильчатые и шатровые завершения колоколен, делали панорамы городов и сел праздничными.

УДК 911.73:911.74:911.75
911.73:911.74:911.75

ДВУХЪЯЗЫЧНАЯ

КРАЕВЕДЫ АЛТАЯ

оте
но
Хв
да
ис
опа
сто
ачу
гза
и
уль
ар
кий
кра
ачи
и
ния

ПАМЯТИ
МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОЗЕНА
1902—1989

1
ВЫДАЮЩИЙСЯ КРАЕВЕД

Наверное, действительно, интерес к истории начинается с интереса к собственной родословной. Михаил Федорович Розен много знал о поколениях своих предков. Не удивительно. Ведь начало «русской истории» Розенов описал сам А. С. Пушкин в своей «Полтаве»!

Надъбой отбитые дружина,
Мешансь, падают во прах.
Уходит Розен скильз теснина,
Сдается пылкий Шлиппенбах.

.....
Игрует Петр
В шагре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих.
И славных плешников ласкает,
И за учителей своих
Задранный хубок поднимает.

В каждой строке здесь Пушкин следует исторической правде. Русским войскам в начале Полтавского боя действительно удалось пленить шведских генералов Шлиппенбаха и Розена. Верно и то, что в конце битвы, когда исход ее был предрешен, Петр I подвиг бокала и, указывая на пленных генералов, провозгласил: «За моих учителей и пленным искусстве!» В специальном примечании великий поэт стал нужным привести доказательства подлинности этого факта.

Не меньшим доказательством «царских ласк» стала сама судьба одного из главных пленников. Генерал Розен навсегда остался в России, положив начало известному роду военных и ученых, для которых с русской землей стало неразрывно связано понятие Отечества. И, видимо, не случайно, что в следующем веке один из потомков генерала оказался в числе декабристов на Сенатской площади.

Михаил Федорович Розен родился 1 (14) ноября 1902 г. в городке Бяуск в Латвии, где его отец был тогда мировым судьей. Родители его — Ф. Ф. Розен и Е. А. Свечникова были уроженцами Казани. Дед Михаила Федоровича, профессор Ф. Ф. Розен, преподавал в Казанском университете.

М. Ф. Розен учился в гимназии в Риге, а с 1915 г. — в Петри-
раде. В 1921 г. он поступил в Петроградский сельскохозяйствен-
ный институт, на факультет растениеводства, который окончил в
1925 г. В институте он избрал специализацию в области почвоведения.

Для прохождения полевой практики летом 1924 г. студент Ро-
зен был включен в состав комлексной экспедиции Центрального
Гидрометеорологического Бюро Управления Морского транспор-
та, которая занималась изучением движения речных наносов в
дельте Волги. Работа в этой экспедиции в какой-то мере опреде-
лила судьбу Михаила Федоровича. По возвращении в Ленинград
он был оставлен в Гидрометеорологическом Бюро для обработки
собранных материалов, и ему, еще студенту, было поручено орга-
низовать специальную лабораторию по изучению наносов.

В дальнейшем он остался работать в созданной лаборатории,
а затем был назначен ее руководителем. В 1926 г. вышла первая
научная статья М. Ф. Розена — исследование облемаю около двух
печатных листов. Постепенно деятельность лаборатории расшири-
лась, работы по изучению наносов велись уже на многих реках и
морях Советского Союза.

Сохранился отзыв о научно-исследовательской деятельности
М. Ф. Розена 1924-28 гг., подписанный профессором Ленинград-
ского университета А. Каминским, где говорится, что «он с пер-
вых же шагов на научном поприще зарекомендовал себя весьма
талантливым исследователем, умеющим извлекать из работ, пред-
стоящих узкие цели, важнейшие данные для освещения научных
проблем большого значения, ... и быстрым темпом расширяющим
свой научный кругозор».

В 1931 г. лаборатория, в которой работал Михаил Федорович,
была включена в состав Института проектирования и изысканий
на водном транспорте. В этом институте он перешел на должность
старшего инженера-геолога морских портовых изысканий. Так на-
чалось превращение Розена-почвоведа в Розена-геолога. Для за-
крепления своих знаний в области геологии он по договоренности
занимался у профессора Ленинградского университета (института
стипендиата) А. А. Пыльканова.

В 1931-35 гг. Михаил Федорович работал на побережьях Бал-
тийского, Белого и Баренцева, Каспийского и Аральского морей,
собирая материалы для обобщающего научного труда о комплексах
своих изучений морских побережий. Однако, как кратко написал он
позже в своей автобиографии, «обобщить все накопившиеся мате-
риалы мне не удалось: в 1935 г. я оказался высланным из Ленин-
града и начатая мною работа пропала».

В 1936 г. еще выходили из печати статьи, подписанные инже-
нером ленинградского института М. Ф. Розеном, а он уже был
переселен в Куйбышев, лишив права свободного передвижения по

стране и, главное, на многие годы был лиричен возможностью заниматься ивучными исследованиями. Его работа в то время заключалась в проведении палеологических и инженерно-геологических изысканий на будущих стройках и в районах, намеченных для освоения.

О второй высылке в сохранившейся автобиографии Михаила Федоровича тоже лишь одна строчка: «В силу сложившихся обстоятельств в начале 1942 г. я поехал на Алтай».

Десять лет прожил он в Змеиногорске, где с января 1943 г. работал геологом треста «Запсибзолото» МВД СССР. С течением времени М. Ф. Розен стал признанным специалистом. Им были выполнены подсчет запасов золота Змеиногорского месторождения, утвержденный в 1950 г. Всесоюзной Комиссией по запасам, и общая переоценка Змеиногорского золоторудного месторождения как полиметаллического.

В 1951 г. почвоведу и гидрогеологу М. Ф. Розену по решению Главспеццветмета при МВД СССР было присвоено звание горного инженера 2 ранга. За год до этого в закрытом сборнике той же организации вышла первая после долгого перерыва научная статья Михаила Федоровича. Приближалась оттепель.

В 1952 г. Розен был переведен из Катунь-Бийский прииск треста «Запсибзолото», который находился в Бийске и вел работы в Горном Алтае. В течение следующих двух лет Михаил Федорович руководил разведкой Сихотлинского золоторудного месторождения и передачею его в эксплуатацию. После изысканий М. Ф. Розен на базе месторождения был создан известнейший в Горном Алтае рудник «Веселый», а сам Михаил Федорович в 1957 г. государственной комиссией по рассмотрению первооткрывательских заявок был признан «соучастником первооткрывательства Сихотлинского месторождения».

Бийск стал для Розена городом вновь обретенной свободы. Сначала, в 1953 г., он получил право беспрепятственного передвижения по стране, а затем и справку о полной реабилитации.

Еще в марте 1949 г. из далекого Змеиногорска в Ленинград, в Географическое общество СССР М. Ф. Розену было послано письмо с просьбой о вступлении. В июне 1950 г. он был принят в действительные члены этого общества, а с 1954 г. по поручению Президиума Географического общества энергично занялся организацией его Алтайского отдела, председателем которого он в дальнейшем беспрерывно избирался в 1956—1962 гг.

В 1957 г. Михаил Федорович вышел на пенсию, жил в Бийске; через пять лет ему предоставили квартиру в Ленинграде, куда он и переехал в середине 1962 г. Вернувшись в научный центр страны, получил вновь возможность работать в крупнейших библиотеках и архивах. М. Ф. Розен с удивительной энергией берется за обработку материалов, собранных на Алтае. Из-под его пера од-

и за другой выходят статьи и книги, посвященные нашему краю. За 27 лет жизни в Ленинграде он оставался верен алтайской тематике, демонстрируя поразительное творческое долголетие.

Михаил Фёдорович умер 5 ноября 1989 г. Среди его бумаг оказалась папка с планом и семьдесят пять рукописей любимой книги «Золото Алтая». На титульном листе которой есть пометка: «Начал писать 9 июня 1989 г.».

В. Б. Бородаев.

II

М. Ф. РОЗЕН, А. Д. СЕРГЕЕВ

АЛТАЙ: ТОПОНИМ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

Алтай Камень, так русские называли в старое время горы Южной Сибири. На одном из чертежей, составленном в конце XVII в. голландским картографом С. У. Ремезовым, была сделана надпись «Камень великий Алтай», а в «Исторической книге Сибири», законченной им в 1701 г. имеется небольшой текст, в котором говорится, что «Славный Камень Алтай» подымается выше облаков и восходяще вверх по его высокогорью длится неделю и столько же необходимо на нисхождение, и является он главою всех великих рек: Иртыша, Оби, Енисея, Селенги, а также китайских рек, индийской реки Ганга и многих других. С. Ремезов значительно преувеличил размеры дала, тогда не зная, что на юге от Алтайскими горами подымается горы Тянь-Шань, Тибет, Гималаи.

С горной географией Южной Сибири ученые прошлого века разбирались довольно долго, но в конце концов были определены границы отдельных горных массивов было установлено, что Алтай — это горный массив, захватывающий правобережье Верхнего Иртыша и бассейн Верхней Оби по рекам Алей, Чарыш, Ануй, Песчаная Катунь и Бия. Продолжение далайских гор, уходящих в пределы Монголии, стали называть Монгольскими Альтаем.

Алтай — это древнее тюрко-монгольское название горной страны, объяснять и искать происхождение слова стремились многие исследователи.

Известный немецкий ученый Карл Риттер, посетивший много разда обзор научности Азии, во втором томе сочинения «Землеведение Азии уделяет внимание Алтаю и в частности происхождению названия. О том, когда появилось это имя, точных сведений нет, но в первом столетии нашего летоисчисления, пишет К. Риттер, эта область была обитаема тюркскими племенами и называлась Ашгаем, что согласуется со сведениями византийцев и подтверждается современными китайскими летописями. Ссылаясь на различные источники, Риттер сообщает, что в 569 г. византийский император Юстин II послал своего восточного преемника Земарха к катунь тюрков через Согдиану, где последний встретил их купцов Профилетов Земарха летопись mette «εὐκταῦς» и «αἰσινίττι» и далее Византийцы называют проживающий там народ «турки» и утверждают, что прежде они были известны под именем «саяны». Земарх нашёл из казино Дизбулда в горах Эктар или Эктель (название отдельных возвышенностей). Настоящее же название горного арата, замечает К. Риттер, есть Алтай, что на тюркском и монгольском языках означает золото. Он сообщает, что китайцы переводили название словом Гинь-Шань, что значит золотые горы. Как думают некоторые исследователи, пишет Риттер, название гор не связано с золотом, а произошло от латинского титула владетельной страны Алтын-ханой — «золотые» лавилителей, т. е. горам было дано то же почетное название, как и восточным земем.

Попытки объяснить происхождение имени Алтай было довольно много. Еще 250 лет тому назад известный русский историк и географ В. Н. Татищев

визла, что горы, расположенные от Оби до Иртыша, копынки именуют Алтай. Исходя из тюркских слов *алта* — шель и *ай* — месса, (слово означает «мисимесичин»). Но в. ж. слог *ай* означает гора, слово Алтай есть ишестигорье. Конечно, это лишь малообоснованная догадка ученого.

Другие объяснили название Алтай как сочетание слов *алтау* — «высокие горы». Предполагалось объяснение и из сочетания слов *алтайга* — Алтай(ге), но объясняет значительно меньше горы. Но все эти объяснения не могут считаться достаточно серьезными.

Большинство исследователей связывают имя Алтай с тюрко-монгольским словом *элтин*, *элтан*, что значит золото. Действительно, в древние времена еще до нашей эры в юго-западной части Алтая (на горе Змеиной у речки Иорбалхан, в Триничинье и на Калбачском хребте) велась добыча золота. Слово тюркско-монгольские племена в годы их господств на Алтае разрабатывали золотые месторождения не закончили. Рассыпные месторождения золота по рекам Алтай им также оставались неизвестными, они были открыты русскими лишь в первой половине XIX в., признаков на более ранней разведки не отмечалось. Из этого следует, что как будто у персов, в Китае и у монголов не было оснований считать в названии гор с наличием там золота. Поэтому нельзя согласиться с версией Г. К. Кондашова, что название Алтай означает значение «золотосносный, или место, где есть золото». О. Т. Молчанова соглашается с ним с оговоркой «по-видимому» тюрко-монгольские народы золото на Алтае не добывали.

Слова *алтай* форму записанные академиком Б. Я. Владимирцовым! принадлежат древнюю форму монгольского проназвания слова золото. Употреблялось оно не только в значении драгоценный металл, но также и в другом смысле. Народу с собственным именем (Алтай — конкретный горный массив) в Северо-Западной Монголии этим словом пользовались в гонимой местности, как горная страна вообще, элтайские горные пуга, чочевья на высоких горах родных горных чочевья. Это весьма убедительно показывает, что слово *алтай* (золото) имело другие значения. На карте Алтая имеется несколько географических объектов, в названии которых входит слово *алтай*, но не имеющего ничего общего с «золотом». Самое большое и замечательное озеро Алтая Тельцовое, называют Алтын-көл — Золотым озером. Название дано озеру только за его исключительную красоту.

Гораздо больше оснований считать, что вся горной области было дано имя Алтай за ее величие, красоту природы, богатые пастбища. В начале многих народов, в том числе и в русском, под словом золото, золотой очень часто подразумевалось вообще что-то близкое, дорогое, родное.

В связи с этим нельзя не обратиться к эпосу алтайцев, к мифологии. По представлению алтайцев мироздание распадается на три мира: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). В верхнем мире обитает Верховное (положительное) божество, в нижнем, подземном царстве живет злой дух (сан правдо, Эрлик). Средний мир, где находится золотой Алтай, есть мир реальная вещей, реальной жизни, богатство среднего мира чье одновременно дух Алтая Тажин образом, одним словом Алтай обозначается германия, где живут герои эпоса, вообще люди, земля как танцев, и, вместе с тем, этим словом именуется дух — повривало.

Вот, например, как в самом значимом месте «Милдай-Кэрзо» даяно образовывается понятие Алтай:

1. ...Летем рыса журтай Берген,
Алып-нурлу Алтайына а'пай кайты
(...Семьдесят лет на своей земле
Алып-нурлу живи!) (с. 67, 251)
2. Элезинду бу Алтайга
Эки кунуп, једин-ий тушти,
Музун ипу бу Алтайга
Кун бардырбай, једин келди.

Алтай Ташту Алтайның
Алтай өзінің небей қыты
{Не свою землю, где чистые пески,
За два дня приехал,
На Алтай свой со своим колокольчиком
До заката солнца прибыл,
На Алтай свой зовгонмакыный,
Как пушечная стрела, приначался} (с. 81, 266)

В первом и втором вариантах транскрипция далайских обозначений на своей земле и своей Алтай, но во втором варианте Алтайга уже одновременно и наин своя земля и собственно Алтай. В примечаниях переводчик отмечает: «На своей земле — бува, «на своем Алтае». Алтай — в этом обозначает «земля», территория какого-либо племени, владения, «родина богатырей». Вместе с тем, это слово служит и для обозначения всей земли айлу-нунду Алтай «солнечный-пунный Алтай». В этом смысле «Алтай» противопоставляется «вранному и подданному миру» (с. 46), примечание 7).

Значительная описка в названии «Алтай», надо упомянуть, что в XIX в. западную часть Алтайских гор, где в те годы велась добыча золота, серебра и меди, принято называть Змеинскогорским краем или Колыванским Алтаем. В отличие от последнего северо-восточную и центральную часть горной страны стали называть Горным Алтаем. И уже в XX в. район Западного и Юго-Западного Алтая (т. е. правобережье Верхнего Иртыша), где в основном сосредоточены полиметаллические (многометалловые) месторождения, геологи стали называть Рудным Алтаем.

Еще одно небольшое замечание: Алтай есть древнее название горной страны, и не следует это имя переносить на административно-территориальную единицу Алтайский край, особенно на его степные районы, где иногда необдуманно галерея делают. Сошлемся на словарь.

1. Советский Энциклопедический Словарь, с. 43:

Алтай — горная система на территории СССР (южн. часть Зап. Сибири), МНР и Китая ...Разделяется на собственно Алтай, или Советский Алтай, Тобинский Алтай и Монгольский Алтай ...Алтай, особенно т. и. Рудный Алтай (в Казах. ССР), богат месторождениями полиметаллов.

2. Географический Энциклопедический Словарь — М.: Сов. Энциклопедия, 1963, с. 22:

Алтай, 1) горная страна в Азии на территории СССР, МНР и Китая. По особенностям геологического строения и истории развития в Советском Алтае выделяется наладонский Горный Алтай и герцинский Рудный Алтай... 2) Неофициальное, часто употребляемое название территории, занимаемой Алтайским краем.

3. Горная Энциклопедия, т. 1, — М.: Сов. Энциклопедия, 1984, с. 101:

Алтай — горная система Азии, расположенная на территории СССР, МНР и Китая.

4. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984, с. 48:

Алтай — горная страна с альпийскими лугами; «очевья в высоких горах». Типологический термин, употребляемый для обозначения мощных горных сооружений.

Таким образом перенесение названия Алтай (как лишнее название данной системы или типологического термина далай {означающего горы вообще} на служебный термин «Алтайский край» часто приводит к недоразумениям. Можно вспомнить филологический слух и выражения в период празднования 50-летия со дня образования административной единицы Алтайский край [1987 г.]: «Алтайю — 50 лет», «50 лет со дня образования далая», «Кварцальный плаги — к 50-летию Алтая». Краевое общество «Знание» издало тысячным тиражом брошюру «Народному образованию Алтай — 50 лет». Но говоря о необходимости слова Алтай, читатели внушают, что народное образование в крае появилось 50 лет назад. Алтайский край, а не Алтай образован в 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татнаев В. Н. Избранные работы по географии России М., 1930.
2. Сб. Географические названия, Алма-Ата: Изд-во Чувств. пед. ин-та, 1928 С. 43—49.
3. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1929. С. 129—131.
4. Доклады АН СССР, Серия В. № 10. 1929
5. Маддей-Кара. Запись и перевод Суразанова С. С. М.: Наука, 1974 С. 81, 266.

III

М. Ф. РОЗЕН

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР И ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ЕГО РАБОТЫ

В начале несколько слов о себе. С 1942 г. я жил в Змеиногорске, а в 1952 г. переехал в Бийск. Трестом Запсибзолото мне было предложено заняться каппелиной разведкой найденного в Горном Алтае золоторудного месторождения. В Змеиногорске я прожил десять лет и работал в Змеиногорском рудоправлении. В основном я занимался Змеиногорским рудником, на котором тогда добывалось золото, а также рядом небольших рудных и разрыхленных месторождений Западного Алтая, где велась старательская добыча золота. Вел я и ландшафтные работы в бассейнах рек Убы, Адея, Черыша, бывал в высокогорных местах Алтая.

С 1952 г. мое внимание было обращено к Горному Алтаю. Семья моя жила в Бийске, я же большую часть времени находился на работах по разведке недавно найденного золоторудного месторождения. Вскоре удалось дать промышленную оценку этого месторождения, был создан новый рудник, получивший имя — рудник Веселый (от названия поселка Веселая Саяка, расположенного вблизи рудника).

В начале 1954 г. в свой отпуск я выехал в Ленинград и часто бывал в Географическом обществе. С ученым секретарем Общества я беседовал об Алтае, который к тому времени я в какой-то степени уже знал. Возник вопрос о желательности создания Алтайского отдела Географического общества. В то время, как оказалось, я был единственным членом Географического общества на весь Алтайский край. Я согласился помочь в организацию Алтайского отдела и получил от Президиума Общества соответствующее полномочия.

Для того, чтобы создать Отдел, надо было найти достаточное число лиц, желающих работать в Географическом обществе, и оформить их через Ленинград действительными членами Общества. Этим я занимался в 1954 г. и почти до конца 1955 г., занимаясь этим приходилось урывками и в свой отпуск, т. к. большую часть времени я проводил на разведочных работах. Предполагалось, что Алтайский отдел общества будет в центре края в Барнауле; а যদি в Барнауле, то моя попытка создать там Отдел не увенчалась успехом. В те годы в Барнауле не нашлось лиц, которые захотели бы за организацию Отдела и там не было базы для его развития. Тогда я решил попытаться создать Отдел в Бийске, опираясь на предшественника Зыковского Лейно в Ленинграде, сотрудников Бийского Краеведческого музея и геологических экспедиций.

Но организация отдела Географического общества в Бийске, а не в крае, в том центре, надо было получить согласие Крайкома КПСС и Президиума Географического общества СССР. Согласие это было получено и в конце 1955 г. в Бийске в здании пединститута было проведено первое организационное заседание действительных членов Географического общества, на котором было

принято решение освятить в г. Бийске Алтайский отдел Географического общества, был избран Совет Отдела и равнозначная комиссия.

Большую помощь в организации Алтайского отдела мне оказал В. М. Остроумов, он стал ученым секретарем Отдела, а я его председателем.

В первые годы существования Отдела, примерно раз в месяц, проводились научные заседания с обсуждением докладов членов Общества. Вскоре после создания Отдела были опубликованы фенологические наблюдения в Алтайском крае, была составлена и опубликована программа по фенологическим наблюдениям в крае. Руководитель фенологических наблюдений принял на себя А. П. Хучин, который и теперь еще ведет эту работу.

От Географического общества в Ленинграде удалось получить довольно значительное количество книг и создать свою библиотеку.

В феврале 1959 г. Алтайским отделом Г. О. при международной поддержке Алтайского Совета Мир. Хоз. была организована научная конференция по теме «Природа и природные ресурсы Алтайского края». Конференция проводилась в Бийске в течение четырех дней при большом числе участников. Ее открытие было проведено в городском театре при переполненном зале, а заседания секций происходили в перинституте, Лесном техникуме, в клуба геологической экспедиции, в доме политпросвещения. Были опубликованы тезисы докладов Бийск, 1959, 9 печ. л.].

К 1960 г. были подготовлены для издания труды конференции в объеме 20—25 п. л., все было набрано и мною просмотрена последняя корректура. Однако из-за издания книги поступил запрет. Книга содержала ряд статей по вопросам луговодства и травосеяния и это погубило все издание. В этот момент появилась всякая невыгодность луговодства, луга по повелению свыше распахивались. В подготовленные же труды волею судьбы вошли рекомендации Тух, по прачаты наводн ценный материал был загублен.

Несмотря на эту неудачу Алтайский отдел все же продолжил издательскую работу, в 1961 г. вышел под моей редакцией первый выпуск «Известий Алтайского отдела Г. О.».

Следует еще отметить, что вскоре после создания в Бийске Алтайского отдела был организован Горно-Алтайский подотдел, который в дальнейшем перерос в самостоятельный отдел Географического общества.

В 1962 г. я переехал в Ленинград, но моя связь с Алтайским отделом еще долго продолжалась.

Ленинград

7 июня 1969 г.

IV

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОАВТОРСТВЕ С М. Ф. РОЗЕНОМ

Славные имена прошлых современников, такие как Виктора Ивановича Верещагина, Николая Яковлевича Савельева, Андрея Алексеевича Худякова, Михаила Титовича Карпачева, Михаила Федоровича Розена навсегда останутся в памяти и в сердцах краеведов, любителей Алтайского края. И кто был с ними знаком, и кто знал их авторство по литературе. Все они выдающиеся алтайские краеведы, патриоты, светлые личности. Не потому, чтобы приобщиться к «бедняцким сим» пишу здесь эти строки: помню, как они знали лично, подерживали друг с другом творческие контакты, Ураваа с В. И. Верещагиным был знаком personally: в 1953—

1954 годах несколько раз заседал с ним в очень небольшой (9—13 человек) так называемой «Группе краеведо-исследователей при Алтайском краевом музее» (терминология, организатор и руководитель Н. Я. Савельев); ближе познакомиться уже запоздал. Упоминаний об этом факте (существовании «группы») погочу, что выше напечатанных воспоминаниях М. Ф. Розена теперь читаем, что его попытка создать Географическое общество закончилась безуспешно, что «В те годы в Барнауле не нашлось лиц, которые взяли бы за организацию отдела и так не было базы для его развития».

«Группа краеведо-исследователей» собиралась довольно регулярно, краевед музей вообще нельзя обойти при таком деле: тогда в управлении культуры крайисполкома работал инспектором А. П. Уманский (он меня и «ввел» в группу) и отвечал за работу музеев и за краеведение; эти же люди (напомним П. А. Бородинна, А. Э. Ряска) составляли очень сильную Краеведческую секцию Общества по распространению популярных и научных знаний, секция имела собственный краеведческий орган издания; В. И. Верещагин был членом Географического общества, член этого общества Н. Я. Савельев именно в 1955 г. имел прямую переписку с Ученым советом в Ленинграде по поводу возрождения Общества; уже печатался первый выпуск «Краеведческих записок», уже краеведы издавали свои книги ... Очень жаль, что позже, во время наших с Михаилом Федоровичем бесед в чалюсельской квартире по улице Новоселов, не возникало подобного сюжета, с кем имел он встречи: Алтайский отдел Общества работал успешно, и чем раскрутить?»

В конце 1960-х — начале 1970-х годов готовился Атлас Алтайского края. Мне предлагали создать карту по истории исследования. Общался с редакторами В. С. Жуковой и Т. Н. Левинкой. С Верой Сергеевной особенно много приходилось рассуждать, она согласилась разрабатывать две карты, являя работу обстоятельно, приходилось неоднократно менять флюиды на карте-основе. В. С. Жукова отлично понимала содержание проблемы, поэтому особенно приветствовала графическое распределение на листе порочных экспедиций не по четвертям столетий и веков, а по принадлежности исследователей и ведомств, по материальной основе экспедиций. В феврале 1974 г. уже значительно выше «звониты» (она проходила в Большом зале крайисполкома) и утверждения листов, редакторы заявили, что мои карты и текст они передали на рецензию М. Ф. Розену, что не могли его «обойти», а раньше намечали на авторство, что они пользовались его книгами. Очень деликатно и осторожно вели разговор, и предложили на мое усмотрение включить имя Михаила Федоровича в Атлас или в качестве редактора, или в качестве рецензента. Я заявил, что полностью доверяюсь их опыту в подобных обстоятельствах,

но предпочтительнее соавторство. Я с ним не имел сношений по этому поводу, переговоры вели редакторы издания.

Наконец Атлас вышел из печати (1 том я 1978 г., фактически в 1979). Оттиски на сверку давались М. Ф. Розену (он мне прислал почти часть листов наших листов), но мне не повезло, на с. 4 напечатано: «Авторы специального содержания карт: М. Ф. Розен (карта 2, 3), А. Ф. Сергеев (2, 3) ...». То есть, наши два автора двух карт, я не соавторы, это одно, а главное — как раз реального автора не оказалось, появился А. Ф. Сергеев, а не А. Д. Сергеев. Попробуй докажи, что не ты слон: в том вложен листок «Замеченных опечаток», по «А. Д.» не оговорено, хотя на той же с. 4 исправлено, например, А. П. Лешков вместо А. П. Левякова. (Прошу красителей принять к сведению мою печаль-опечатку, ибо раньше говорить вслух об Атласе не было возможности). По реальному содержанию карт могу указать следующие Лист на с. 16 — «Важнейшие исследования XVIII — первой половины XIX вв.» опубликован без изменений и дополнений. Замечу однако, что в легенде справа подразделение «Съемки петроглифов геологов» я предпочитал именовать съемками сенатских геологов, но изменение внесла В. С. Жукова еще при нашем обсуждении. Второй лист, с. 17 — «Важнейшие исследования второй половины XIX — начала XX вв.», действительно, уточнен. В нем дана расшифровка экспедиций П. П. Крылова (проставлены год, маршрут повторяться, это внесла В. С. Жукова), добавлены маршруты П. П. Сушкина, Н. Ф. Каченко, А. П. Никольского, уточнен маршрут А. Е. Фермана, но особенно существенным оказался вынос легенды (слева) в рудниках, обозначенных В. А. Кудашиним. В этой карте есть соавторство.

Текст на с. 24—25 «История исследования» оказался дополненным, фрагмент «Советский период» фактически перенесен wholly и правильно проставлены имена соавторов.

Несколько слов о публикуемых здесь совместной статье и «его» «воспоминаниях». Оляжиды Михаил Федорович создал небольшую книгу о топонимике Алтая, к чему он сильно тяготел, и предложил Алтайскому книжному издательству. Издательство перевело сочинение на 60 тыс. млн. Рукопись М. Ф. Розена распадалась на две резко несогласуемые части — в первой речь шла о методологии топонимии, о этимологии топонимов, особенно о синхроническом (стратиграфическом) изучении географических названий и о других дефинициях. Во второй дали очерки о топонимах. Я предложил первую часть исключить, ибо в трудах И. А. Воробьевой, О. Т. Молчаковой и других ученых лингвистов достаточно изложены теоретические взгляды на алтайскую топонимию, а более общие положения подвергнуты анализу в трудах В. А. Никольова, Э. М. Мурзасева, А. П. Дульзона и других. Вторую часть я советовал расширить, создать добротную книгу рассказов о топо-

лмах Алтая, а его первых порах отдельные очерки разместить в сборники, альманахи, в тезисы к разным конференциям.

В частности, один из очерков я поместил в книгу тезисов к конференции в Звенигородске (см. — 1.64, и опубликованной Влблн-графии), другой наполовину дополнил, расширил, ввел новые содержания, изменил название и отослал ему на просмотр и согласие Михаил Федорович кое-что поправил, одобрил и persino еще расширил некоторые положения. Это было в январе 1988 года. (Подготовленный мною краеведческий сборник под названием «Самый Алтай Казань», куда входила первая статья и еще его другая, до сих пор находится в портфеле книжного издательства). Третий наш совместный очерк «Алтай: топоним и тивологический термин» публикуется здесь.

О чем шла речь? К последнему образцу статьи, где говорится о бездумном употреблении слова Алтай. Михаил Федорович написал: «А. Д.! Может быть следует написать письмо в Крайисп или в Крайком (кто ведает печатью), чтобы дали распоряжение Издательству, краевым и местным газетам не путать Алтай с Алтайским краем». Конечно, подобный бытушкин термин не запрещать употреблять, ибо в разговорной речи собеседники, совершенно, понимают о чем говорят. Иное дело в официальных документах, докладах, исторических статьях, публикациях. Здесь неуместно «подразумевается» (два нишем — три в уме?!). Разве только теперь, и разве только в данной статье оспаривается терминология! Даже к наименованию Рудный и Горный Алтай, что вполне возможно, специалисты подходят осторожно, с обеспокоением. А. С. Крюков писал в 1961 году (см.: Известия Алтайского отдела Географического общества Союза ССР, вып. 1), что «Внутри Алтайской горной области обычно выделяется Горный Алтай и Рудный Алтай. Разделение Алтай на Рудный и Горный сложилось исторически и связано с развитием горнодобывающей промышленности. Термины Горный Алтай и Рудный Алтай приобретают особое определенное физико-географическое значение...». В тех же «Известиях» (вып. 11, 1970, с. 147—148) рецензировались карта «Алтайского края», было замечено: «Авторы распространили понятие «Алтай» на всю территорию края, выделив в ней Горный Алтай и равнинный или степной Алтай. Подобное толкование расходится с общепринятым, согласно которому под Алтайем понимается горная страна. Поэтому вызывают недоумение такие сведения, приведенные в кробио, как «Алтай — крупнейшая житница страны», или что центральную часть Алтая пересекает железная дорога, построенная после войны и др.»

Эти рассуждения можно продолжить и подкрепить примерами действительно подлинно обращаясь к термином Алтайский край. На самом деле, недавно появилось буквально крылатое выражение: «Алтай — зона свободного предпринимательства» (и др. ва-

рианты), но Алтайская Автономная Советская социалистическая республика, вышла из-под подчиненности края, поэтому бывший Алтайский край (без Горно-Алтайской авт. обл.), кажется, должен изменить название, скажем, -- Верхнеобская область. Южно-сибирская область, Барнаульская область... Что же тогда с появлением «зоны», разве только Алтай (горная часть) останется зоной, как это теперь всюду декларируется? Или, скажем, ни в какие ворота не лезет («легче» труднее выразиться) название недавней вышедшей книги «Алтай в Великой Отечественной войне». Ужасная путаница не только относительно термина, но смысла: ни Алтай ни «Алтайский край» не были в войне! Праздники надо бы, к примеру, так: «Алтайский край в годы Великой Отечественной войны (Очерк истории)», или «История Алтайского края в годы (и период) Великой Отечественной войны» и т. д. варианты.

Однако, шедевром абсолютно безответственного (совершенно вневенсторического) толкования термина Алтай стало выступление «Алтайской правды» от 3 ноября 1990 года — статья «Знамя на ветру». Здесь утверждается, что с картами Алтая получившаяся неувязка, с картами всегда сложно. Сведенные в один топографический лист они могут дать контуры границ земель алтайских племен до освоения их русскими. Рудный Алтай «отдал» Казахстану, места ставок и значимых стоянки алтайских племенных поздеи оказались (по карте) в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях и даже в Красноярском крае. Оказывается (по карте же), центр Горно-Алтайской авт. обл. стоит на берегу Улалунки, где никогда не было ханских ставок, а почему не на правом берегу Оби, в Чингисе, Алаке или в Сузуне. Центр области Улала юрбище никакого пряного отношения к событиям алтайской истории не имеет. Алтай вправе предъявлять претензии к своим границам, ибо Алтай (по карте) «обобран» вторично. «Вопрос, при всей его кажущейся неясности, не праздный — что, в самом деле, определяло границы Алтая, а главное — кто их определял?» А вот этот сакрентальный запрос как раз и есть самый нелогичный, ибо он поставлен исторически безграмотно и безответственно. «Пора, наконец, написать настоящую историю Алтая!»

В чем дело, — надо спокойно спросить и спокойно ответить. Надо написать настоящую историю Алтая? — пожалуйста, она изложена в «Горной Энциклопедии», т. 1, издания 1984 г., с. 101. Может быть речь идет об истории современного Алтайского края (видите, я пишу «современного»; ч. б. завтра уже не будет «Алтайского края»), — пожалуйста, есть книга «Очерк истории Алтайского края» издания 1987 г., есть истории Горно-Алтайской авт. обл., есть история алтайского народа. Может быть, нужна история Колыцано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, куда в свое время территориально входил и Сузун, и юго-запад Хакасской авт. области, и Восточно-Казахстанская область (Рудный

Алтай)? — и эта история написана, особенно хорошо она изложена у А. И. Кулибина и у других авторов.

Ах, да (спокойно): претензия к ГРАНИЦАМ АЛТАЯ, — так вот они, очень подробно и хорошо описаны в Сибирской Советской Энциклопедии, том первый, Сибкрайиздат, 1929 год, стб. 62—63. Конечно, признается там, границы орографические требуют уточнения. Это естественно, ибо знания расширяются и совершенствуются.

Проблемы в газетной статье нет, хотя текст лихо закручен в лучших вариантах безудержной эксплуатации исторической правды, как это присуще модным хуантелям нашей истории «образца 1990 годов», и если не остановиться в надуманных претензиях, то мы все обязательно окажемся на грани подпада к понятиям Закона Союза ССР от 2 апреля 1990 г. «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР». Видно, не напрасно догадываются колья относительно термина Алтай: это не только топоним (1), не только типологический термин (2), он не только включает в себе определенную территорию горной системы Алтай (3), его не только разумеют как административно-территориальное служебное определение (4) и не только включает какой-то исторический феномен «написать настоящую историю Алтая» (5), но уже начинают складываться и антагонистное этнографо-политическое содержание (6). И что еще: 7, 8, 9. ? Найдут полейнее содержание, кому надо.

Вернемся к нашей с Розеном статье.

В последнем абзаце был изложен взгляд специалистов на историю фирмирования рельефа Алтая и на его геологический возраст, — по данным «Горной энциклопедии» Михаил Федорович крест-на-крест перечеркнул текст и написал: «Это вообще неуместно, кроме того сведения устарели. См. «Кольваны и горы Эмсиан», с. 56—59». По-настоящему, этот сюжет я из статьи убрал.

Он делится своими задумками: «Для Краевед. залесок можно бы было написать популярную статью: «История проблемных исследований Алтая», это проблемы происхождения и строения Алтайских гор, проблема рудообразования, проблема оледенения и др., об этом краеведы знают мало, но и им это надо знать, ведь это наиболее важные исследования, они интересны, было много разных идей, споров. Материалов различных у меня много и других, но сил уже мало. Что интересно для Записок?» В другом месте сделал приписку: «Приложу в порядок давно печатную рукопись «Легенды далекого прошлого (Алтай)», будет около 3 п. л. Речь же о некоторых легендах, сказаниях, вымыслах я писал, но как бы между прочим. В этой рукописи все в новой обработке, с дополнениями». Он, например, беспокойлся о заблуждении темы по организации горного дела, о роли Петра I. «Ведь об этом, видимо,

знают еще немногие. — писал он 15 января 1988 года, — далеко не все читали об этом в моей кн. «Колыбель и гора Звездная». А эта история, история Алтая и России. Статью можно было бы назвать «Алтай и Петр I». Повторять эту тему полезно, статья, — сослался Михаил Федорович. — может быть написана и кем-то с использованием опубликованного мною». Он успел опубликовать часть «географических легенд» (см. № 3.65. его Библиографии).

Что относится до его «Воспоминания», то они появились так. В начале 1988 г. я «навязал» президенту Алтайского филиала Географического общества идею написания истории Общества к 100-летию создания Общества любителей исследования Алтай (1991), предложил свои услуги. Получил согласие.

Историческая жизнь нашего Общества изобилует превратностями объективного и субъективного свойства. Это закономерно. Это видно и по возрожденному нами изданию «Алтайского сборника». Но никогда не прерывалось движение общественного краеведения. Зная роль М. Ф. Розена в возобновлении местного отдела, и просил «вспомнить» начало. Михаил Федорович откланивался: «Выполнил Вашу просьбу и посылаю свои «вспоминания». Посылаю свое фото, вреchen работы на Алтае. Приложите его к своим воспоминаниям для архива филиала...». Это было 7 июня 1989. Я ему тут же ответил, кое-что сообщил о работе филиала, просил прислать другие фото, более четкое, т. к. требуется канцеля. Одновременно напомнил ему о песенном дне 1959 г. в гостинице Килиманьястри.

Но пришло известие о его кончине.

Публикуемая рядом Библиография была создана, в те дни. Я передал В. Б. Боролаеву печальную весть и сообщил адрес родственников М. Ф. Розена. Бьется, что часть личного архива исследователя выкупил Бийский музей. Нам было известно, что и в ГААК-е сформирован личный фонд М. Ф. Розена. Мы «подключили» Архивный отдел, и вот по командировке начальника отдела В. С. Истренко в Бийск для ознакомления с поступившими в музей архивными материалами выехал Боролаев. Н. Б. Боролаев, опытный археолог, разносторонний краевед высказал мысль, что необходима библиография трудов М. Ф. Розена, что он имеет почти весь список. Я сообщил, что Краеведческая Ассоциация возрождает издание «Алтайских сборников», и что вряд ли редколлегия будет против публикации. Правда, Вадим Борисович сомневался, что ряд статей М. Ф. Розена в малотиражных изданиях он, вероятно, не имеет в своей картотеке. Я обратился к профессору А. М. Малолетко, с ним М. Ф. Розен имел непрерывную переписку, совместное авторство, и тот прислал нам несколько источников. Теперь рассказываю В. Б. Боролаева перед нами, и как он уверяет — список не полный. Видимо, так оно и есть: мы не привлекли

х строгей систематизации, не умеем делить сегодняшних достижений, они кажутся слишком заурядными. Ждем, когда личность (обычай) обретет великие черты.

Но имя Михаила Федоровича Розена должно быть явлено золотой строкой в алтаеведении.

Творчество М. Ф. Розена есть часть того культурного наследия, потенциал которого всегда с нами и никогда не уходит в прошлое.

А. Д. Сергеев

У

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ М. Ф. РОЗЕНА

В предлагаемый указатель включены печатные труды М. Ф. Розена, рецензии и отзывы на них, а также некоторые неопубликованные работы. Литература в каждом из четырех разделов расположена в хронологическом порядке, а в пределах года — по алфавиту заглавий.

В основу первого раздела положено два авторских машинописных списка. Первый из них — «Опись научных трудов М. Ф. Розена», включающий 34 работы, был составлен в 1962 г., когда в ВИАК отправлялись документы на присвоение Михаилу Федоровичу ученой степени кандидата географических наук без защиты диссертации (ходатайство было отклонено в 1963 г.). Второй список — «Книжки и статьи М. Ф. Розена по Алтаю», состоящий из 43 опубликованных работ и трех книг, сланных в издательства Барнаула и Томска, датирован маем 1986 г.

Описания всех работ 1926—1936 гг. (номера 1—17), а также номера 18 и 26 даются по списку 1962 г. Все известные мне последние печатные работы М. Ф. Розена посвящены Алтаю. За исключением номеров 18 и 26, они имеются в фондах Алтайской краевой библиотеки или в ГПНТБ СО АН СССР, и проверены лично визуально. При этом были исправлены некоторые неточности в названиях, годе издания и нумерации страниц; описания дополнены сведениями о библиографии и иллюстрациях. Кроме того, первая часть указателя дополнена за счет двух работ, пропущенных в авторских списках (номера 28, 62) и нескольких работ, изданных позже.

Относительно своих газетных статей Михаил Федорович писал мне: «Их было много, но я их не собирал и списка не составлял» (письмо от 17 апреля 1988 г.). Удалось найти только одиннадцать таких статей. Также известно не полное, по-видимому, в четвертый раздел библиографии.

Из неопубликованных работ в третий раздел указателя включены лишь наиболее крупные рукописи монографического плана,

С которыми я смог познакомиться в фондах Бийского краеведческого музея. Купа в декабре 1989 г. была доставлена значительная часть личного архива Михаила Федоровича Розена. Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую признательность работникам БКМ — Г. А. Греденой, Н. А. Барышниковой, Б. Х. Кадикову и С. Ю. Писуну, а также коллегам М. Ф. Розена — А. М. Малолетку и Ф. В. Бакишту за их помощь и мою работу.

В целом можно сказать, что рукописное наследие ученого еще ждет своего исследователя, в неизданные книги — читателей.

1. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ, ВЫШЕДШИЕ ИЗ ПЕЧАТИ

1.1. И вопросу о режиме насосов и генезисе островов дельты реки Волги // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1926. — Вып. VI. — С. 150—170: 6 ил., 2 карты.

1.2. Колонизационные обследования побережья Кольского и Кемальского заливов // Пратий год колонизационной работы Мурманской железной дороги. — Л., 1927. — С. 47—76: 2 карты.

1.3. Данные осадки Северного Каспия в районе Волго-Каспийского канала // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1929. — Вып. VIII. — С. 149—164. 1 ил.

1.4. Материалы по изучению волнения на Астраханском 12-ти футовом рейде по наблюдениям 1926—1927 гг. // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1929. — Вып. VIII. — С. 234—236.

1.5. Материалы по изучению колебания уровня Северного Каспия // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1929. — Вып. VIII. — С. 165—176: 6 карт.

1.6. Плотность льда Невской губы у Ораненбаума и морфологическая характеристика его // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1929. — Вып. VIII. — С. 221—232.

1.7. Геологическая строение дна Финского залива по профилю Ораненбаум-Кронштадт-Лисий Нос // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1930. — Вып. IX. — С. 137—178.

1.8. Шкала Фореля-Уле для определения цвета воды // Изв. Центр. Гидрометеорологич. Бюро. — Л., 1930. — Вып. IX. — С. 16—23.

1.9. Торфяники Рыбачьего полуострова как топливный фонд // Журнал «Карело-Мурманский край» — 1931. — 3 с.

1.10. Инструменты поргавия изысканий. Часть III. / Центр. НИИ Воин Транса. — Л.: Гострансиздат, 1932.

Глава 5: Составление геологического отчета. — С. 93—107;

Лабораторные исследования грунтов. — С. 109—140;

Анализ воды — С. 141—144 и 159—178

1.11. Малые строительные материалы мурманского побережья // Журнал «Карело-Мурманский край». — 1932. — 2 с.

1.12. Пещры Мурмань и Северный Карелии и их сельскохозяйственное использование // Журнал «Карело-Мурманский край». — 1932. — 5 с.

1.13. Наблюдения над распространением вечной мерзлоты в дельте реки Печеры // Труды Ком. по изуч. вечной мерзлоты АН СССР. — Т. IV. — 1935. — С. 151—170.

1.14. Общая классификация грунтов для целей дноуглубления Т. 1 / Центр. НИИ Воды Транса. — Вып. 417. — Л., 1935. —

1.15. Полевой прибор для определения прилипаемости грунтов // Почвоведение. — 1936. — № 2 — С. 296—298.

1.16. Справочник по Каспийскому морю — Л.: Изд. ЦГМЕС, 1936. Отдельные разделы по геоморфологии берегов.

1.17. Справочник по Финскому заливу — Л.: Изд. ЦГМЕС, 1936. —

Разделы Геологической службы района Ленинградского портового порта; Пороги дна Финского залива.

1.18. Рассыпные месторождения золота Западного Алтая // Сборник материалов по геологии золота и платины. — Изд. Главспеццветмет в МВД СССР, 1950. — 1 лн. ил.

1.19. 225 лет горно-металлургической промышленности Алтая // Горный журнал. — 1951 — № 7. — С. 40

1.20. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае // Советская археология. — Вып. XVI. — 1952 — С. 327—330 : 4 ил.

1.21. Массовое скопление латушки мышья в одной из пещер Алтая // Природа — 1953 — № 9 — С. 118—119.

1.22. Древние стоянки человека в пещерах Алтая // Природа. — 1954. — № 2 — С. 112—114 : 3 ил.

1.23. Очерки по истории горного дела на Алтае. — Барнаул : Алт. ин. изд-во, 1955. — 68 с. — Библиогр. : с. 66—67 [37 назв.]

1.24. Рельефные отложения и история формирования рельефа Западного Алтая // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва — 1956. — Т. 88. — Вып. 3. — С. 251—261 : 2 ил. — Библиогр.: с. 261 [34 назв.]

1.25. И история древних горных работ на Алтае // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса, посвященной 140-летию Гурьевского завода (1816—1956). — Кемерово, 1957. — С. 298—324. — Библиогр.: с. 324 [15 назв.]

1.26. Сообщения о научной конференции «История Алтая: Реферативное изложение доклада «Географическое распространение свинцов на территории Алтая и связанные с ними рудообразования» // Сборник материалов по технической информации и обмену опытом — М.: Главзолото, 1957. — Вып. 32 — С. 3—7. — В соавт. с Л. В. Алексеевым

1.27. О некоторых геохимических процессах в рассыпных месторождениях // Сборник материалов по геологии цветных, редких и благородных металлов. — М., 1958. — Вып. 2. — С. 82—85 1 ил.

1.28. Программы основных фенологических наблюдений для Алтайского края / д-р. отдел геогр. о-ва СССР. Фенологический сектор. — Бийск, 1958. — 22 с. — В соавт. с Б. Ш. Белишевским, В. М. Остроумовым, Е. П. Черниковой.

1.29. Как изучать свой край: В помощь учителям школ Алтайского края. — Горно-Алтайск. Алт. ин. изд-во, 1960. — 90 с. — Библиогр.: с. 85—88. [92 назв.]

Разделы: Наблюдения над рельефом и геологическим строением. — С. 33—39;

Крестьянская работа и охрана природы. — С. 79—82.

1.30. Выдающийся исследователь Алтая В. В. Сорокин (к столетию со дня рождения) // Изв. д-т. отдела геогр. о-ва СССР. — Барнаул, 1961. — Вып. 1. — С. 81—83.

1.31. Выдающийся исследователь Алтая. о в. В. Соловьинова // Сибирские огни — 1961. — № 12 — С. 162—163.

1.32. Географическая изученность Горного Алтая // Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР. — Барнаул, 1961. — Вып. 1. — С. 21—33. — Библиогр.: с. 31—33 (82 назв.)

1.33. История исследования природы Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. ин-мал-во, 1961. — 96 с.: 7 карт-схем. — Библиогр.: с. 63—90 (свыше 500 назв.)

1.34. О коренных месторождениях золота в Горном Алтае // Сборник материалов по геологии цветных, редких и благородных металлов. — М., 1961. — Вып. 5 — С. 21—37. — Библиогр.: с. 35—37 (32 назв.)

1.35. Природа окрестностей пемвенского лагера у Канонерского озера вблизи г. Бийска. — Бийск, 1961. — 32 с.: 2 ил. — В софет с а. П. Кучиным, В. М. Остроумовым, А. Ф. Соловьевым, Е. П. Чернышовой.

1.36. Древняя кора выветривания и россыпные месторождения Алтая // Новые данные по геологии и полезным ископаемым алтаевского края: Тезисы докл. конф. — Новосибирск, 1963. — С. 44—46.

1.37. К вопросу о газимических процессах в речном элювии. // Некоторые итоги гидрологического изучения Алтайского края: Тезисы докл. конф. — Новосибирск, 1963. — С. 29—31.

1.38. О некоторых газимических процессах в речном элювии по наблюдениям на Алтае // Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР. — Горно-Алтайск, 1963 — Вып. 4. — С. 58—60 : 2 ил. — Библиогр.: с. 60 (2 назв.)

1.39. О коллывных новообразованиях в речном элювии и трещинах горных пород // Зап. Всесоюз. минералогич. о-ва. — 1964. — Ч. 93. — Вып. 3. — С. 370—372 : 1 ил. — Библиогр.: с. 372 (3 назв.)

1.40. Об изучении формирования рельефа и кайнозойской истории Алтая // Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР. — Барнаул, 1965. — Вып. 5 — С. 91—93.

1.41. Рецензия на книгу. Б. Г. Иогансен, А. Н. Гундрозер, В. В. Кафанова, Г. М. Крыжовская. Телюцкое озеро. Алтайское книжное издательство, 1963 // Изв. Всесоюз. Геогр. о-ва. — 1965. — Т. 97. — Вып. 2 — С. 204.

1.42. Обзор литературы по геоморфологии и кайнозойской истории Алтая // Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР. — Барнаул, 1966. — Вып. 7. — С. 47—85 — Библиогр.: с. 77—85 (около 270 назв.)

1.43. История изучения гидроресурсов Горного Алтая (краткий обзор литературы) // Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР. — Барнаул, 1967. — Вып. 8. — С. 40—48. — Библиогр.: с. 44—48 (около 100 назв.)

1.44. Имя реки Обь // Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР — Барнаул, 1970. — Вып. 11. — С. 120—124. — Библиогр.: с. 123—124 (21 назв.)

1.45. Очерки и библиография исследований природы Алтая // Алт. отдел Геогр. о-ва СССР. — Бийск: Алт. ин-мал-во, 1970. — Изв. Алт. отдела Геогр. о-ва СССР: Вып. 12. — 256 с.: 14 портр.—Библиогр.: с. 31—74 (2758 назв.)

1.46. Словарь географических терминов Западной Сибири / Геогр. о-ва СССР. Комиссия по терминологии и транскрипции геогр. названий. — Л., 1970. — 102 с.: 6 ил. — Библиогр.: с. 85—91 (107 назв.)

1.47. К истории картографии Алтая // Природа и природные ресурсы Горного Алтая: Материалы конф., состоявшейся в Горно-Алтайске в феврале 1969 г. — Горно-Алтайск, 1971. — С. 311—314.

1.48. Легенда о большом озере // Алтай: Альманах — Барнаул, 1972. — № 2. — С. 69—70.

1.49. О русской топонимике Алтая // Археология и краеведение Алтая: Тезисы докл. и конф. — Барнаул, 1972 — С. 81—84.

1.50. Горные крепости Алтая и история их названий // Географическая среда и географические названия. — Л., 1974 — С. 29—32. — Библиогр. в подстр. (8 назв.)

1.51. Вершина реки Оби и Телюцкое озеро на лаврах чертаежа и мертея Сибири // Страны и народы Востока. — М., 1976. — Вып. 18. — С. 234—244 и 295—298. — Библиогр.: с. 241 (23 назв.)

- 1.52. О названии Золотушинского рудника на Алтае // 250 лет горного производства на Алтае: Тезисы докл. конф. — Барнаул, 1977. — С. 49.
- 1.53. О названии рудников и рудных месторождений Алтай // 250 лет горного производства на Алтае: Тезисы докл. конф. — Барнаул, 1977. — С. 46—47.
- 1.54. О фамилиях и исследовательских работах на Алтае в XVIII в. по материалам архива АН СССР в Ленинграде // 250 лет горного производства на Алтае: Тезисы докл. конф. — Барнаул, 1977. — С. 23—26.
- 1.55. Алтайский край. Атлас. — Т. 1. — М.: Барнаул: ГУГН, 1978. — Советор специального содержания карт и текста в «Едином разделе» Алтая:
- 1.55.1. Карта: Важнейшие исследования второй половины XIX—начала XX вв. — С. 17. — В совет. с А. Д. Сергеевым.
- 1.55.2. Текст: История исследования. — С. 24—25. — В совет. с А. Д. Сергеевым.
- 1.56. О названиях «Колывель» и «Колывановоскресенские заводы» // Языки и топонимия алтая: Тезисы докл. к конф. — Барнаул, 1979. — С. 41—42.
- 1.57. Историческая картография и топонимия алтая. — Томск. Изд-во Томск. ун-та, 1980. — 122 с.: ил. — Библиогр.: с. 113—121 (около 140 назв.). — В совет. с И. А. Воробьевой, А. М. Малоголко.
- Автор главы 1. алтай на чертамах и картах XVI—XIX вв. — С. в—67; 1 в ил.
- 1.58. Геологические изыскания СССР. Т. 39. Восточный Казахстан. Период 1900—1917. Вып. 1. Опубликованные работы / АН СССР, М-во геологии СССР, Комиссия по геол. изысканиям СССР. — М., Алма-Ата: Недра, 1983. — 295 с. — Библиогр.: с. 66—261.
- Автор раздела. Обзорные главы. — С. 9—64. — В совет. с Н. Л. Бубякиным, Л. В. Мнушкиным, Л. К. Шуряковым.
- 1.59. Древняя металлургия и горное дело на Алтае // Древняя горня и металлургия Сибири. — Барнаул, 1983. — С. 19—34. 1 ил. — Библиогр.: с. 33—34 (30 назв.).
- 1.60. История Алтая. Учебное пособие. — Ч. 1. — Барнаул, 1983. — 184 с.
- Автор главы II. Алтай в XVII—XVIII вв. — С. 63—102. — В совет. с А. П. Бородинским, Ю. С. Буцагиным, С. И. Масленниковым.
- 1.61. Криванка и горе Эльвеня — Барнаул: дп. ин изд-ва, 1983 — 96 с.: 9 ил. — Библиогр.: с. 90—94.
- 1.62. Легенды о сибирской Лукомории // Уральский следопыт. — 1983. — № 11. — С. 76—77; 1 ил.
- 1.63. Географические термины Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. — 206 с. — Библиогр.: с. 188—203 (333 назв.). — В совет. с А. М. Малоголко.
- Автор раздела: Словарь географических терминов. — С. 21—101.
- 1.64. О бытовавших этнониме чуда // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: Тезисы докл. к конф. — Барнаул, 1984 — С. 33—35.
- 1.65. Географические легенды и ученые // Вопросы географии Сибири — Томск, 1989 — Вып. 18. — С. 148—154.
- 1.66. Алтай: топоним и тирологический термин // Алтайский сборник — Барнаул, 1991. — Т. XIV. — С. 109—112 — Библиогр.: с. 112. (3 назв.). — В совет. с А. Д. Сергеевым.
- 1.67. Воспоминания об организации Алтайского отдела Географического общества СССР и первом периоде его работы // Алтайский сборник. — Барнаул, 1991. — Т. XIV — С. 112—113.

2 ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

- 2.1. Новый научный труд по археологии Алтая: О книге С. И. Руденко «Культура населения Горного Алтая в синфетское время» М.; Л., 1953 // Бийский рабочий — 1953, — 2 октября.

Перепечатка: Алтайский рабочий. — 1953. — 9 октября.

- 2.2. Об изученности по-чел Алтая: О книге Б. Ф. Петрова «Почвы Алтайско-лесной области». М., 1952 // Бийский рабочий. — 1954 — 21 марта
- 2.3. Древние стоянки человека на Алтае // Бийский рабочий. — 1955. — 5 мая.
- 2.4. Алтайский отдел Географического общества СССР // Алтайская правда. — 1956. — 20 января.
- 2.5. Недостатки одной краеведческой книги: О книге Н. А. Камбалова «По-чтарским местам Алтайского края». Барнаул, 1956 // Алтайская правда. — 1956 — 15 мая.
- 2.6. Г. Н. Полякин и его роль в изучении далай (к 125-летию со дня рождения) // Звезда Алтая. — 1960.
- 2.7. Выдающийся исследователь далай В. В. Саломинков (к 100-летию со дня рождения) // Звезда Алтая. — 1961. — 9 декабря.
- 2.8. Почему «Обыт» // Молодежь Алтая — 1964 — 24 июля.
- 2.9. Сказания о человеках, названных в восточной стране // Алтайская правда. — 1971. — 18 сентября.
- 2.10. Путешествие в Восточный Алтай (о русском издании труда П. А. Чалай-ова) // Алтайская правда. — 1975. — 4 января.
- 2.11. Страны Древних горняков // Прогресс (Змеиногорский район). — 1986 — 30 августа.

3. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МОНОГРАФИИ

- 3.1. Географические названия Алтая, 1973 — Машиннопись законченной книги — Отказались — 177 с.
- 3.2. Топонимика далай 1984. — Машиннопись законченной книги — 185 с. 4 списки чп.
- 3.3. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая XVIII — начала XX века. 1985. — Машиннопись законченной книги. — 235 с.
- 3.4. Библиография Алтая: Географические, геологические и прочие исследования досоветского периода. 1987. — Машиннопись законченной книги. — 190 с.
- 3.5. У вершины Обы Легенды, сказания, ученые 1988 — Машиннопись законченной книги. — 74 с.
- 3.6. Недра Алтая — история открытий и исследований (научно-популярные очерки). Начало 1980-х гг. — Десять глав незавершенной книги (рукопись и машинопись) — Около 10 п. л. в опись мп.
- 3.7. Золота Алтая 1989. — Рукопись начатой книги — Примерно 75 с

4. ЛИТЕРАТУРА О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Ф. РОЗЕНА, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

- 4.1. Мамеев Т. Об ошибочных выводах одной брошюры: Рец. на кн. Очерки по истории горного дела на Алтае. Барнаул, 1953 // Алтайская правда — 1955. — 30 сентября.
- 4.2. Беляшев Б. Ценовое издание. Рец. на кн. Очерки и библиография исследованной природы Алтая. Бийск, 1970 // Бийский рабочий. — 1971 — 8 января.
- 4.3. Иоганзен Б. Империальная книга: Рец. на кн. Словарь географические терминов. Л., 1970 // Советский унтерель (Томский пединститут) — 1971 — 12 марта.
- 4.4. Бакшт Ф. Рассказы старого геолога Рец. на кн. Копылов и горы Змеиная. Барнаул, 1983 // Звезда Алтая. — 1984. — 11 апреля
- 4.5. Разгон М. И. Личный фонд Розена М. Ф. как источник по изучению истории Алтая // Алтай в прошлом и настоящем: Тезисы докл. к конф. — Барнаул, 1987. — С. 25—27.

4.6 Крылов Г. В., Завалинни В. В., Козырева Н. Ф. Исследователи природы Западной Сибири. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1988. — С. 164: портр. на С. 163

4.7 Червоний В. М. Ф. Розен: «Алтай продолжает меня интересовать» // Диалог. — 1989. — № 1. — С. 43—45.

4.8 Петренко В. С. Краевед Михаила Розен // Алтайская правда. — 1990. — 14 февраля: портр.

4.9 Бородаев В. Б. Выдающийся краевед // Алтайский сборник. — Т. XIV — Барнаул, 1991. — С. 106—109: портр.

4.10 Сергеев А. Д. Несколько слов о сотрудничестве с М. Ф. Розеном // Алтайский сборник. — Т. XIV. — Барнаул, 1991. — С. 113—120: 3 ил.

В. Б. БОРОДАЕВ.

град
юрт
ьк //
Ф —
IV —
Ал
В.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

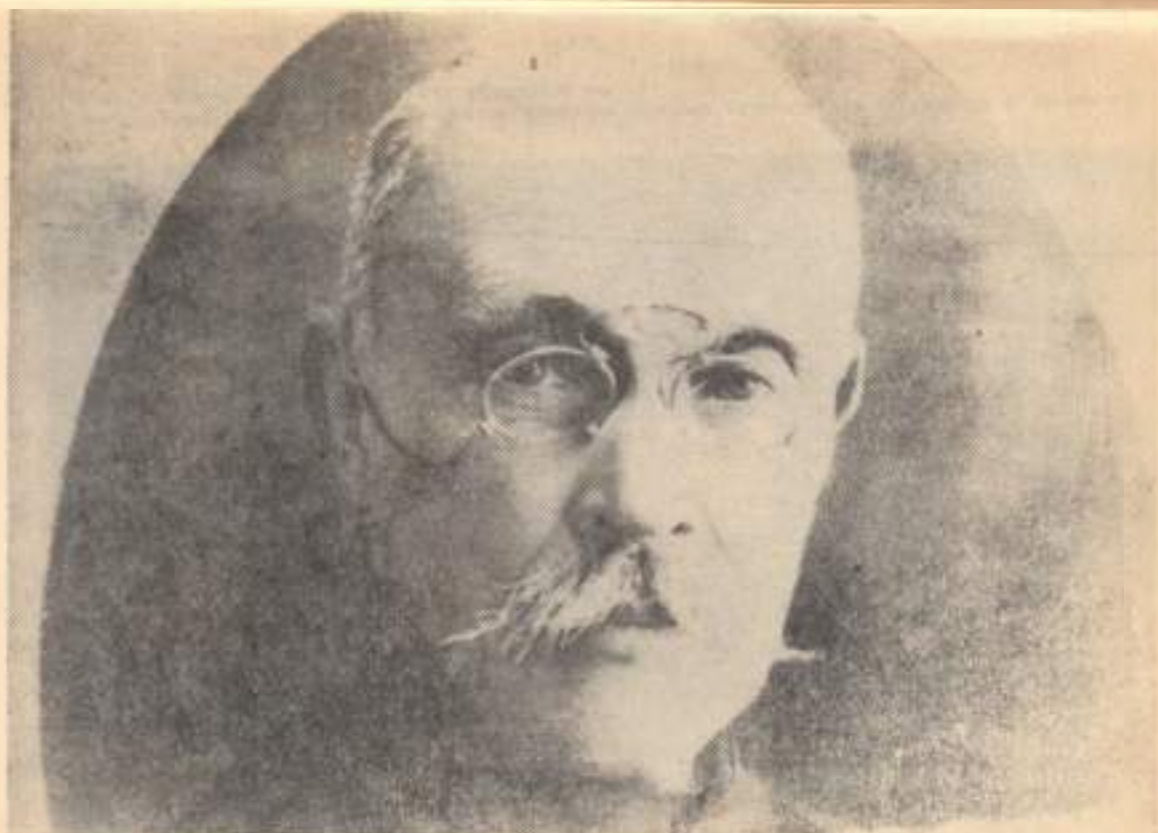
Н. С. Булгаев. Фото 1938 г. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 39 л. 27 (Портрет В. С. Чиряева под силу даже солидным ученым обществам)

Дом в Барнауле, в котором жил Н. С. Гуманов с семьей. Фото: ГАК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 39.
Л. 37. (Петренко В. С. Что не под силу даже са пидным умным обществом)

Памятник на могиле С. И. Гурьева на бывшем Нагорном кладбище Барнаула. Угрюмен. Фото: ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 39 Л. 33 (Петренко В. С. Что не под силу даже солидным ученым обществу)

В. И. Вознесенский. Фото публикуется впервые. ГААН. Ф. 1536. Оп. 1. Д. 29. [Гришков В. Ф.,
«Мы, бывшие под...»].

Фрагмент экспозиции в Алтайском краевом краеведческом музее (Егорова Я. В. Новая выставка в Алтайском краевом краеведческом музее).

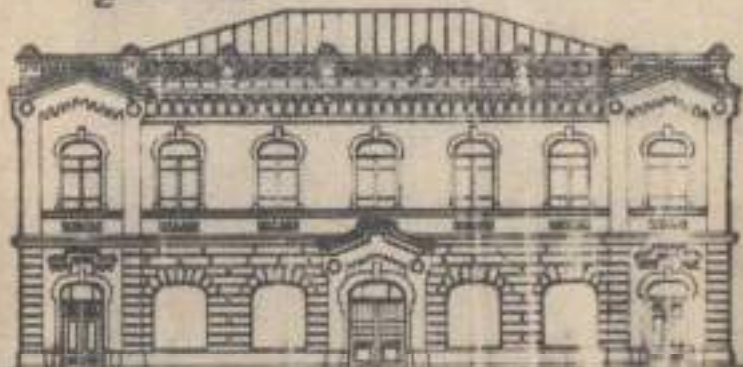
Барнаул. Петропавловский собор. Архитектор Д. Ф. Макулов.
 1771—1774. План и фасад (Степанская Г. М. Кульшоваго здания
 Алтая).

Борнаул. Базарный планчик.

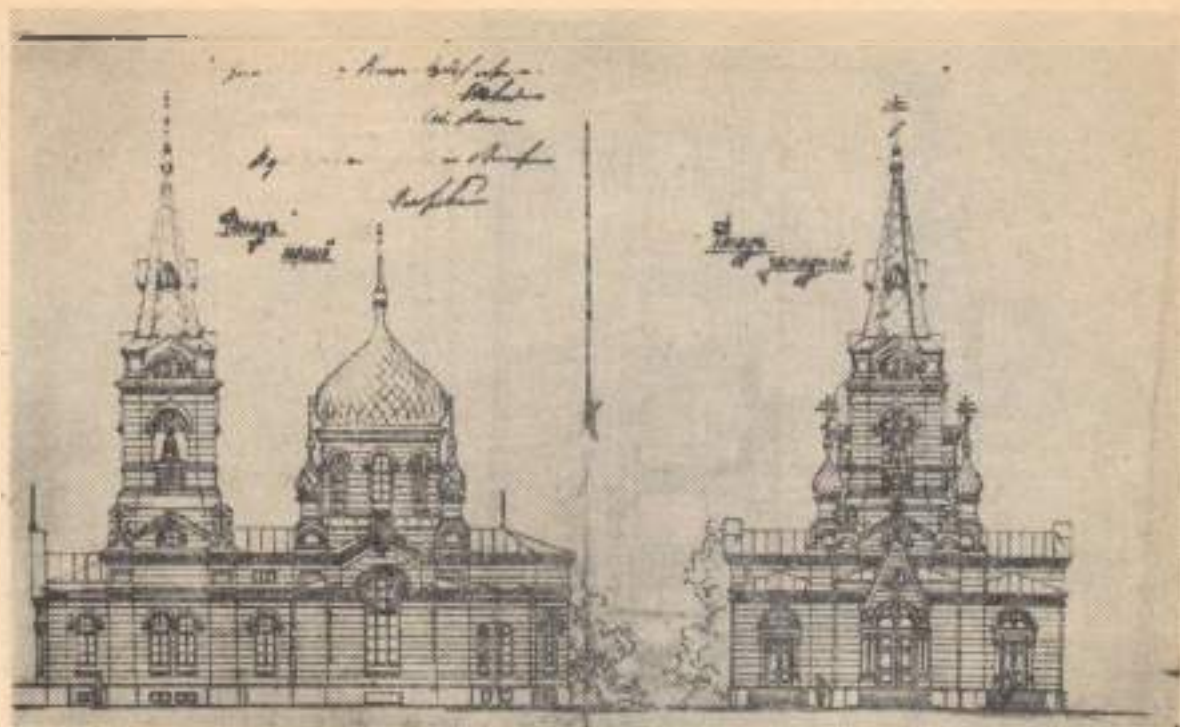
Борнаул, Знаменская и Мегоринская кладбищенская церкви (Степанская Т. М. Культурное наследие Аджар).

В. М. Кульков
Архитектурный институт
С. П. Б. 1898 г.

Вид с юго-запада
в натуре
и масштаб 1:100

Барнаул. Главный фасад железнодорожного здания при Сидорьевской церкви. 1898. (Степанная Т. М. Кульков архитектор)

Проект деревянной церкви Вознесения для с. Сорокинской Барнаульского уезда. 1909 г.
 Проект И. Ф. Носовича. (Стапанская Т. М. Кузнецкая область, с. Сорокино)

Барнаул.

Барнаул. Лютеранская церковь с. Пяэво, 1914. (Ступанский Т. М.
Культурное наследство дала)

Михаил Федорович Розин, 1980 г. Фотография из личного архива А. М. Малопетко. (Бородавк В. Б. Выдающийся ирландец).

Комиссия топонимики и транскрипции
географических названий

С л о в а р ь
географических терминов
Западной Сибири

Составил М. Ф. РОЗЕН

Титульный лист
для книги
словарь Сергееву
авторское право
20/3 7/11. С. Розен

Ленинград
— 1970 —

Титульный лист первого издания книги «Словарь географических терминов Западной Сибири», подаренный М. Ф. Розеном А. Д. Сергееву (Сергеев А. Д. Несколько слов о сотрудничестве с М. Ф. Розеном).

Алексей Дмитриевич!

Выполнил Вашу просьбу и прилагаю
эти воспоминания.

Посылаю также свои фото, время работы
на Актас. Приложите его к своим воспомина-
ниям для архива филиала.

Титов 1989г

Титов

Ответа, кратко обрисовав историю
филиала, инициалы и адрес отца,
будет в порядке.

Сергей
23. VI. 1989

А. Д. ! Напишите мне тоже несколько слов о
деятельности Витайского филиала

С 1960 года, в этот момент появилось деяние нехватки одного из видов сырья по промышленной базе осуществлялась. В подготовке к труду хвалили и не рекомендовали. Так, по приказу велели сделать материал был заготовлен.

Несмотря на эту неудачу Алтайский отдел всё же продолжил издательскую работу. В 1961 г. вышел под моей редакцией первый выпуск "Известий Алтайского отдела Г.О."

Следует еще отметить, что вскоре после создания в Кисловодске Алтайского отдела была организована Горно-Алтайский полкотдел. Вскоре в дальнейшем Лерерос и заместителем отдела Тестрафического общества.

В 1962 г. я переехал в Ленинград, но моя связь с Алтайским отделом еще долго продолжалась.

Александр
7 июля 1989.

М.Ф. Розен /М.Ф. Розен/
4 7/89

Заключительная часть воспоминаний об организации Алтайского отдела ЦО СССР М. Ф. Розен с авторской подписью (Сергей А. Д. Несколько слов о сотрудничестве с М. Ф. Розеном)

СОДЕРЖАНИЕ

Сергея А. Д. Праздник алтайских краеведов	3
ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ АЛТАЯ	4
Булдыгин Ю. С. Первые русские поселения на Алтае,	10
Паршукова Н. П. Барнаул начала XIX в. глазами современников	24
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	29
Соболев Г. Н. Управление горнозаводскими хозяйствами Кабинета на Алтае в XVIII — первой половине XIX в.	30
Носова Е. А. Из истории мясной торговли на Алтае (вторая половина XIX в.)	48
Старцев А. В. Меченаты, Ширши и социальному портрету алтайского купечества.	56
ИМЕНА	65
Пегременко В. С. Что не под силу даже солидным ученым обществу	66
Гришаев В. Ф. «Мы, бывшие люди» (к биографии В. И. Верещагина)	71
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ	78
Скубневский В. А., Тихова Е. В. Быстрицкая станица 1894 г.	79
В МУЗЕЙ КРАЯ	89
Егоров Я. В. Новая выставка в Алтайском краевом краеведческом музее	90
ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ	93
Степанская Т. М. Нумизматическое общество Алтай	94
КРАЕВЕДЫ АЛТАЯ	105
Памяти Мишилы Федоровича Розена	
Бародаян В. Б. Выдающийся краевед.	106
Розен М. Ф., Сергеев А. Д. Алтай: Топоним и топонимический герман	109
Розен М. Ф. Воспоминания об организации алтайского отдела географического общества СССР и первом периоде его работы	112

Сергеев А. Д. Несколько слов о соавторстве с М. Ф. Розеном.	113
Бородаев В. Б. Библиографический указатель трудов М. Ф. Розена.	120

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бородаев В. Б. — краевед, сотрудник БГПИ.
 Бурдыгина Ю. С. — и. н. н., доцент АГУ.
 Грмшаев В. Ш. — краевед, член союза писателей.
 Егоров Я. В. — научный сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея.
 Исаев Е. А. — аспирант АГУ.
 Паршукова Н. П. — и. н. н., доцент АГУ.
 Петренко В. С. — краевед, член союза журналистов.
 |Розен М. Ф. | — краевед
 Сергеев А. Д. — и. н. н., доцент БГПИ.
 Соболева Г. И. — и. н. н., ст. преп. АГУ.
 Скубневский В. А. — и. н. н., доцент АГУ.
 Старцев А. В. — к. и. н., доцент АГРИК.
 Степанская Г. М. — и. н. н., доцент АГУ.
 Титова Е. В. — краевед, сотрудник ГААК.

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

Выпуск XIV

Сдано в набор 24.03. 1991 г. Подписано и печатн 15.05. 1991 г.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура литературная. Бумага белая обер-
тонная 7, 493 г. и Тираж 2000. Заказ 1004 Цена 1 руб. 50 коп

Толчинская типография Управления печати и массовой информа-
ции Алтайского крайисполкома.

г. г. Троицка, ул. Куйбышева, № 1.

48385210024895

BSPU